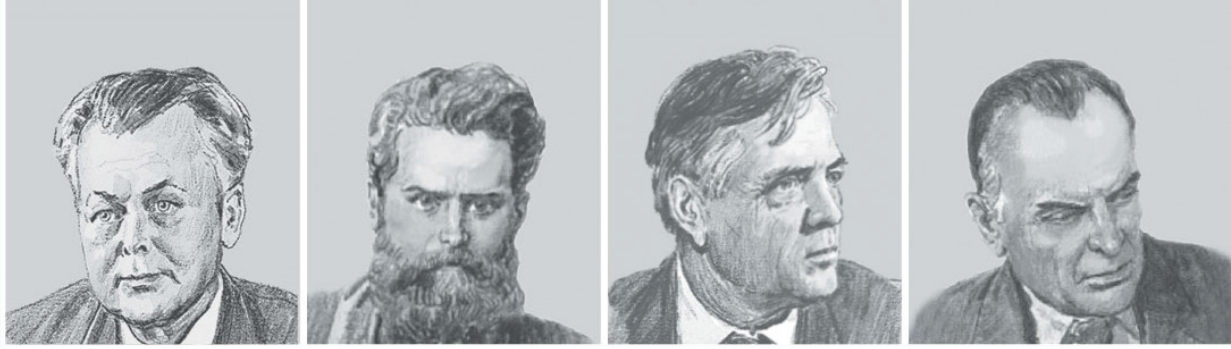

В. Я. Коровина, В. П. Журавлев, В. И. Коровин

Литература

Часть 2

5

В. Я. Коровина, В. П. Журавлев, В. И. Коровин

Литература

5 класс

Учебник

В двух частях

Часть 2

Допущено Министерством просвещения Российской Федерации

14-е издание, переработанное

Москва
«Просвещение»
2023

УДК 373.161.1:821.09+821.09(075.3)
ББК 83.3(0)я721
К68

Учебник допущен к использованию при реализации имеющих государственную аккредитацию образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования организациями, осуществляющими образовательную деятельность, в соответствии с Приказом Министерства просвещения Российской Федерации № 858 от 21.09.2022 г.

На обложке: репродукция картины «Лель (Весна)».
Художник М. В. Нестеров

Портреты писателей —
художники И. И. Пчелко, О. В. Попович

Условные обозначения:

Работа в паре

Работа в группе

Вопросы и задания повышенной сложности

Публичное выступление

Дискуссия

Вместе со старшими

Коровина, Вера Яновна.
К68 Литература : 5-й класс : учебник : в 2 частях / В. Я. Коровина, В. П. Журавлев, В. И. Коровин. — 14-е изд., перераб. — Москва : Просвещение, 2023.
ISBN 978-5-09-102505-7.
Ч. 2. — 319, [1] с. : ил.
ISBN 978-5-09-102507-1.
Учебник переработан в соответствии со всеми требованиями ФГОС ООО, утверждённого Приказом Министерства просвещения № 287 от 31.05.2021 г.
Учебник входит в учебно-методический комплект для 5—9 классов завершённой предметной линии под редакцией В. Я. Коровиной, призванной обеспечить достижение личностных, метапредметных и предметных результатов, определённых во ФГОС ООО по предмету «Литература», овладение системой универсальных учебных действий. Учебник способствует развитию творческих и коммуникативных способностей обучающихся.

УДК 373.161.1:821.09+821.09(075.3)
ББК 83.3(0)я721

ISBN 978-5-09-102507-1 (ч. 2)
ISBN 978-5-09-102505-7

© АО «Издательство «Просвещение», 2014, 2023
© Художественное оформление.
АО «Издательство «Просвещение», 2014, 2023
Все права защищены

ЛИТЕРАТУРА XIX—XX ВЕКОВ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ О ПРИРОДЕ И ЖИВОТНЫХ

Портрет Л. Андреева.
Худ. И. Е. Репин

Леонид Николаевич АНДРЕЕВ
1871—1919

Леонид Николаевич Андреев родился в 1871 году в Орле, умер в эмиграции в Финляндии в 1919 году. Талант Андреева даже в самые ранние годы отмечали и Л. Н. Толстой, и А. П. Чехов, и В. Г. Короленко, и многие другие писатели.

Леонид Андреев выступал в защиту слабых и обездоленных, униженных и несчастных. Во многих произведениях отразились воспоминания детства и юности писателя («Весной», «Петька на даче», «Кусака», «Гостинец» и др.).

В ТВОРЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА

«Он любил огромное, — пишет К. И. Чуковский в своих воспоминаниях. — В огромном кабинете, на огромном письменном столе стояла у него огромная чернильница... Камин в его кабинете был величиной с ворота, а самый кабинет — точно площадь... Такое тяготение к огромному, великолепному, пышному сказывалось у него на каждом шагу...

Его дом был всегда многолюден: гости, родные, обширная дворня и дети — множество детей, и своих и чужих, — его темперамент требовал жизни широкой и щедрой.

Его красивое, смуглое, точёное, декоративное лицо, стройная, немного тучная фигура, сановитая, лёгкая поступь — всё

это гармонировало с той ролью величавого герцога, которую в последнее время он так превосходно играл...

Писанию Леонид Андреев отдавался с такою же чрезмерной стремительностью, как и всему остальному, — до полного истощения сил. Бывали месяцы, когда он ничего не писал, а потом вдруг с невероятной скоростью продиктует в несколько ночей громоздкую трагедию или повесть. Шагает по ковру, пьёт чёрный чай и чётко декламирует; пишущая машинка стучит как безумная, но всё еле поспевает за ним. Периоды, диктуемые им, были подчинены музыкальному ритму, который нёс его на себе, как волна. Без этого ритма, почти стихотворного, он не писал даже писем.

Он не просто писал свои вещи, он был охвачен ими как пожаром. Он становился на время маньяком, не видел ничего, кроме них; как бы малы они ни были, он придавал им грандиозные размеры, насыщая их гигантскими образами, ибо и в творчестве, как в жизни, был чрезмерен; недаром любимые слова в его книгах „огромный“, „необыкновенный“, „чудовищный“. Каждая тема становилась у него колоссальной, гораздо больше его самого, и застилала перед ним всю вселенную.

...Писал он почти всегда ночью, — не помню ни одной его вещи, которая была бы написана днём. Написав и напечатав свою вещь, он становился к ней странно равнодушен, словно пресытился ею, не думал о ней. Он умел отдаваться лишь той, которая ещё не написана. Когда он писал какую-нибудь повесть или пьесу, он мог говорить только о ней: ему казалось, что она будет лучшее, величайшее, непревзойдённое его произведение...

Нельзя было не удивляться тому, что он, индивидуалист, эгоцентрик, вечно сосредоточенный на собственном я, так деятельно отзывается сердцем на чужие печали... Особенно любил он помогать литераторам: даже домик у себя на участке построил специально для нуждающихся авторов, чтобы дать им возможность отдыхать и без всякой помехи работать... С детской радостью доставал он... свою чековую — не слишком-то пухлую — книжку и быстро-быстро выписывал чек

для любого просителя, ещё раньше, чем тот успевал подробно изложить свою просьбу...»

Проверьте себя

1. Чем интересен характер писателя? О каких особенностях творчества и личности Леонида Андреева сообщил нам Корней Иванович Чуковский?

2. Используя ресурсы Интернета и материалы словаря «Русские писатели. XX век», подготовьте устное сообщение о жизни писателя.

***

Прочитайте рассказ Леонида Андреева «Кусака». Подумайте, какой теме он посвящён, на что обращает наше внимание автор, что осуждает, о чём горюет, кому симпатизирует.

Кусака

I

Она никому не принадлежала; у неё не было собственного имени, и никто не мог бы сказать, где находилась она во всю долгую морозную зиму и чем кормилась. От тёплых изб её отгоняли дворовые собаки, такие же голодные, как и она, но гордые и сильные своею принадлежностью к дому; когда, гонимая голодом или инстинктивною потребностью в общении, она показывалась на улице, — ребята бросали в неё камнями и палками, взрослые весело улюлюкали и страшно, пронзительно свистали. Не помня себя от страху, перемётываясь со стороны на сторону, натыкаясь на загорожи и людей, она мчалась на край посёлка и пряталась в глубине большого сада, в одном ей известном месте. Там она зализывала ушибы и раны и в одиночестве копила страх и злобу.

Только один раз её пожалели и приласкали. Это был пропойца-мужик, возвращавшийся из кабака. Он всех любил и всех жалел и что-то говорил себе под нос о добрых людях и своих надеждах на добрых людей; пожалел он и собаку, грязную и некрасивую, на которую случайно упал его пьяный и бесцельный взгляд.

— Жучка! — позвал он её именем, общим всем собакам. — Жучка! Поди сюда, не бойся!

Жучке очень хотелось подойти; она виляла хвостом, но не решалась. Мужик похлопал себя рукой по коленке и убедительно повторил:

— Да пойди, дура! Ей-богу, не трону!

Но пока собака колебалась, всё яростнее размахивая хвостом и маленькими шажками подвигаясь вперёд, настроение пьяного человека изменилось. Он вспомнил все обиды, нанесённые ему добрыми людьми, почувствовал скуку и тупую злобу и, когда Жучка легла перед ним на спину, с размаху ткнул её в бок носком тяжёлого сапога.

— У-у, мразь! Тоже лезет!

Собака завизжала, больше от неожиданности и обиды, чем от боли, а мужик, шатаясь, побрёл домой, где долго и больно бил жену и на кусочки изорвал новый платок, который на прошлой неделе купил ей в подарок.

С тех пор собака не доверяла людям, которые хотели её приласкать, и, поджав хвост, убегала, а иногда со злобой набрасывалась на них и пыталась укусить, пока камнями и палкой не удавалось отогнать её. На одну зиму она поселилась под террасой пустой дачи, у которой не было сторожа, и бескорыстно сторожила её: выбегала по ночам на дорогу и лаяла до хрипоты. Уже улёгшись на своё место, она всё ещё злобно ворчала, но сквозь злобу проглядывало некоторое довольство собой и даже гордость.

Зимняя ночь тянулась долго-долго, и чёрные окна пустой дачи угрюмо глядели на обледеневший неподвижный сад. Иногда в них как будто вспыхивал голубоватый огонёк: то отражалась на стекле упавшая звезда, или остророгий месяц посылал свой робкий луч.

II

Наступила весна, и тихая дача огласилась громким говором, скрипом колёс и грузным топотом людей, переносящих тяжести. Приехали из города дачники, целая

весёлая ватага взрослых, подростков и детей, опьянённых воздухом, теплом и светом; кто-то кричал, кто-то пел, смеялся высоким женским голосом.

Первой, с кем познакомилась собака, была хорошенькая девушка в коричневом форменном платье, выбежавшая в сад. Жадно и нетерпеливо, желая охватить и сжать в своих объятиях всё видимое, она посмотрела на ясное небо, на красноватые сучья вишен и быстро легла на траву, лицом к горячему солнцу. Потом так же внезапно вскочила и, обняв себя руками, целуя свежими устами весенний воздух, выразительно и серьёзно сказала:

— Вот весело-то!

Сказала и быстро закружилась. И в ту же минуту беззвучно подкравшаяся собака яростно вцепилась зубами в раздувавшийся подол платья, рванула и так же беззвучно скрылась в густых кустах крыжовника и смородины.

— Ай, злая собака! — убегая, крикнула девушка, и долго ещё слышался её взволнованный голос: — Мама, дети! Не ходите в сад: там собака! Огромная!.. Злю-у-щая!..

«Кусака». *Худ. И. Гордин*

Ночью собака подкралась к заснувшей даче и бесшумно улеглась на своё место под террасой. Пахло людьми, и в открытые окна приносились тихие звуки короткого дыхания. Люди спали, были беспомощны и не страшны, и собака ревниво сторожила их: спала одним глазом и при каждом шорохе вытягивала голову с двумя неподвижными огоньками фосфорически светящихся глаз. А тревожных звуков было много в чуткой весенней ночи: в траве шуршало что-то невидимое, маленькое и подбиралось к самому лоснящемуся носу собаки; хрустела прошлогодняя ветка под заснувшей птицей, и на близком шоссе грохотала телега и скрипели нагруженные возы. И далеко окрест

в неподвижном воздухе расстилался запах душистого, свежего дёгтя и манил в светлеющую даль.

Приехавшие дачники были очень добрыми людьми, а то, что они были далеко от города, дышали хорошим воздухом, видели вокруг себя всё зелёным, голубым и беззлобным, делало их ещё добрее. Теплом входило в них солнце и выходило смехом и расположением ко всему живущему. Сперва они хотели прогнать напугавшую их собаку и даже застрелить её из револьвера, если не уберётся; но потом привыкли к лаю по ночам и иногда по утрам вспоминали:

— А где же наша Кусака?

И это новое имя «Кусака» так и осталось за ней. Случалось, что и днём замечали в кустах тёмное тело, бесследно пропадавшее при первом движении руки, бросавшей хлеб, — словно это был не хлеб, а камень, — и скоро все привыкли к Кусаке, называли её «своей» собакой и шутили по поводу её дикости и беспричинного страха.

С каждым днём Кусака на один шаг уменьшала пространство, отделявшее её от людей; присмотрелась к их лицам и усвоила их привычки: за полчаса до обеда уже стояла в кустах и ласково помаргивала. И та же гимназисточка Лёля, забывшая обиду, окончательно ввела её в счастливый круг отдыхающих и веселящихся людей.

— Кусачка, пойди ко мне! — звала она к себе. — Ну, хорошая, ну, милая, пойди! Сахару хочешь?.. Сахару тебе дам, хочешь? Ну, пойди же!

Но Кусака не шла: боялась. И осторожно, похлопывая себя руками и говоря так ласково, как это можно было при красивом голосе и красивом лице, Лёля подвигалась к собаке и сама боялась: вдруг укусит.

— Я тебя люблю, Кусачка, я тебя очень люблю. У тебя такой хорошенький носик и такие выразительные глазки. Ты не веришь мне, Кусачка?

Брови Лёли поднялись, и у самой у неё был такой хорошенький носик и такие выразительные глаза, что солн-

це поступило умно, расцеловав горячо, до красноты щёк, всё её молоденькое, наивно-прелестное личико.

И Кусачка второй раз в своей жизни перевернулась на спину и закрыла глаза, не зная наверно, ударят её или приласкают. Но её приласкали. Маленькая, тёплая рука прикоснулась нерешительно к шершавой голове и, словно это было знаком неотразимой власти, свободно и смело забегала по всему шерстистому телу, тормоша, лаская и щекоча.

— Мама, дети! Глядите: я ласкаю Кусаку! — закричала Лёля.

Когда прибежали дети, шумные, звонкоголосые, быстрые и светлые, как капельки разбежавшейся ртути, Кусака замерла от страха и беспомощного ожидания: она знала, что, если теперь кто-нибудь ударит её, она уже не в силах будет впиться в тело обидчика своими острыми зубами: у неё отняли её непримиримую злобу. И когда все наперерыв стали ласкать её, она долго ещё вздрагивала при каждом прикосновении ласкающей руки, и ей больно было от непривычной ласки, словно от удара.

III

Всею своей собачьей душою расцвела Кусака. У неё было имя, на которое она стремглав неслась из зелёной глубины сада; она принадлежала людям и могла им служить. Разве недостаточно этого для счастья собаки?

С привычкою к умеренности, создавшеюся годами бродячей, голодной жизни, она ела очень мало, но и это малое изменило её до неузнаваемости: длинная шерсть, прежде висевшая рыжими, сухими космами и на брюхе вечно покрытая засохшей грязью, очистилась, почернела и стала лосниться, как атлас. И когда она от нечего делать выбегала к воротам, становилась у порога и важно осматривала улицу вверх и вниз, никому уже не приходило в голову дразнить её или бросить камнем.

Но такою гордою и независимою она бывала только наедине. Страх не совсем ещё выпарился огнём ласк из её сердца, и всякий раз при виде людей, при их прибли-

жении, она терялась и ждала побоев. И долго ещё всякая ласка казалась ей неожиданностью, чудом, которого она не могла понять и на которое она не могла ответить. Она не умела ласкаться. Другие собаки умеют становиться на задние лапки, тереться у ног и даже улыбаться, и тем выражают свои чувства, но она не умела.

Единственное, что могла Кусака, это упасть на спину, закрыть глаза и слегка завизжать. Но этого было мало, это не могло выразить её восторга, благодарности и любви, — и с внезапным наитием Кусака начала делать то, что, быть может, когда-нибудь она видела у других собак, но уже давно забыла. Она нелепо кувыркалась, неуклюже прыгала и вертелась вокруг самой себя, и её тело, бывшее всегда таким гибким и ловким, становилось неповоротливым, смешным и жалким.

— Мама, дети! Смотрите, Кусака играет! — кричала Лёля и, задыхаясь от смеха, просила: — Ещё, Кусачка, ещё! Вот так! Вот так...

И все собирались и хохотали, а Кусака вертелась, кувыркалась и падала, и никто не видел в её глазах странной мольбы. И как прежде на собаку кричали и улюлюкали, чтобы видеть её отчаянный страх, так теперь нарочно ласкали её, чтобы вызвать в ней прилив любви, бесконечно смешной в своих неуклюжих и нелепых проявлениях. Не проходило часа, чтобы кто-нибудь из подростков или детей не кричал:

— Кусачка, милая Кусачка, поиграй!

И Кусачка вертелась, кувыркалась и падала при несмолкаемом весёлом хохоте. Её хвалили при ней и за глаза и жалели только об одном, что при посторонних людях, приходивших в гости, она не хочет показать своих штук и убегает в сад или прячется под террасой.

Постепенно Кусака привыкла к тому, что о пище не нужно заботиться, так как в определённый час кухарка даст ей помоев и костей, уверенно и спокойно ложилась на своё место под террасой и уже искала и просила ласк. И отяжелела она: редко бегала с дачи, и когда маленькие

дети звали её с собой в лес, уклончиво виляла хвостом и незаметно исчезала. Но по ночам всё так же громок и бдителен был её сторожевой лай.

IV

Жёлтыми огнями загорелась осень, частыми дождями заплакало небо, и быстро стали пустеть дачи и умолкать, как будто непрерывный дождь и ветер гасили их, точно свечи, одну за другой.

— Как же нам быть с Кусакой? — в раздумье спрашивала Лёля.

Она сидела, охватив руками колени, и печально глядела в окно, по которому скатывались блестящие капли начавшегося дождя.

— Что у тебя за поза, Лёля! Ну кто так сидит? — сказала мать и добавила: — А Кусаку придётся оставить. Бог с ней!

— Жа-а-лко, — протянула Лёля.

— Ну что поделаешь? Двора у нас нет, а в комнатах её держать нельзя, ты сама понимаешь.

— Жа-а-лко, — повторила Лёля, готовая заплакать.

Уже приподнялись, как крылья ласточки, её тёмные брови и жалко сморщился хорошенький носик, когда мать сказала:

— Догаевы давно уже предлагали мне щеночка. Говорят, очень породистый и уже служит. Ты слышишь меня? А это что — дворняжка!

— Жа-а-лко, — повторила Лёля, но не заплакала.

Снова пришли незнакомые люди, и заскрипели возы, и застонали под тяжёлыми шагами половицы, но меньше было говора и совсем не слышно было смеха. Напуганная чужими людьми, смутно предчувствуя беду, Кусака убежала на край сада и оттуда, сквозь поредевшие кусты, неотступно глядела на видимый ей уголок террасы и на снующие по нём фигуры в красных рубахах.

— Ты здесь, моя бедная Кусачка, — сказала вышедшая Лёля. Она уже была одета по-дорожному — в то ко-

ричневое платье, кусок от которого оторвала Кусака, и чёрную кофточку. — Пойдём со мной!

И они вышли на шоссе. Дождь то принимался идти, то утихал, и всё пространство между почерневшею землёй и небом было полно клубящимися, быстро идущими облаками. Снизу было видно, как тяжелы они и непроницаемы для света от насытившей их воды и как скучно солнцу за этою плотною стеной.

Налево от шоссе тянулось потемневшее жнивьё, и только на бугристом и близком горизонте одинокими купами поднимались невысокие разрозненные деревья и кусты.

Впереди, недалеко, была застава и возле неё трактир с железной красной крышей, а у трактира кучка людей дразнила деревенского дурачка Илюшу.

— Дайте копеечку, — гнусавил протяжно дурачок, и злые, насмешливые голоса наперебой отвечали ему:

— А дрова колоть хочешь?

И Илюша цинично и грязно ругался, а они без веселья хохотали.

Прорвался солнечный луч, жёлтый и анемичный[1], как будто солнце было неизлечимо больным; шире и печальнее стала туманная осенняя даль.

— Скучно, Кусака! — тихо проронила Лёля и, не оглядываясь, пошла назад.

И только на вокзале она вспомнила, что не простилась с Кусакой.

V

Кусака долго металась по следам уехавших людей, добежала до станции и — промокшая, грязная — вернулась на дачу. Там она проделала ещё одну новую штуку, которой никто, однако, не видал: первый раз взошла на террасу и, приподнявшись на задние лапы, заглянула в стеклянную дверь и даже поскребла когтями. Но в комнатах было пусто, и никто не ответил Кусаке.

@material100

Поднялся частый дождь, и отовсюду стал надвигаться мрак осенней длинной ночи. Быстро и глухо он заполнил

[1] Здесь: слабый, бледный, безжизненный.

пустую дачу; бесшумно выползал он из кустов и вместе с дождём лился с неприветного неба. На террасе, с которой была снята парусина, отчего она казалась обширной и странно пустой, свет долго ещё боролся с тьмою и печально озарял следы грязных ног, но скоро уступил и он.

Наступила ночь.

И когда уже не было сомнений, что она наступила, собака жалобно и громко завыла. Звенящей, острой, как отчаяние, нотой ворвался этот вой в монотонный, угрюмо покорный шум дождя, прорезал тьму и, замирая, понёсся над тёмным и обнажённым полем.

Собака выла — ровно, настойчиво и безнадёжно спокойно. И тому, кто слышал этот вой, казалось, что это стонет и рвётся к свету сама беспросветно-тёмная ночь, и хотелось в тепло, к яркому огню, к любящему женскому сердцу.

Собака выла.

Размышляем о прочитанном

1. Какие чувства и переживания вызвал у вас рассказ «Кусака»? Как вы понимаете выражения: «Всей своей собачьей душой расцвела Кусака», «Жёлтыми огнями загорелась осень...»? Помогают ли эти выражения понять авторское отношение к описываемым событиям? Составьте выборочный пересказ на тему «История Кусаки».
2. Почему собака не доверяла людям? Как люди относились к ней? Кому было жалко собаку?
3. Как вела себя Кусака, когда люди покинули дом? Как описание погоды помогает понять собачью тоску?
4. Что хотел напомнить людям автор?
5. Если бы вам предложили подготовить иллюстрацию к рассказу, что бы вы на ней изобразили? Опишите устно.

Творческое задание

1. Подготовьте ответы в форме диалога на тему «Разговор с другом о прочитанном рассказе Л. Андреева „Кусака“» или отзыв на этот рассказ. Какую роль в рассказе играет эпизод с Илюшей?
2. Подготовьте эскиз памятника Кусаке, приложив письменное обоснование необходимости создания такого памятника.

Константин Георгиевич ПАУСТОВСКИЙ

1892—1968

К. Г. Паустовский родился в Москве, но детство его прошло в Киеве. Учился в Киевской классической гимназии. Ещё в гимназии начал писать стихи. После её окончания молодой литератор поступил в Киевский университет. Затем перевёлся в Московский. Первый сборник рассказов «Встречные корабли» был издан в 1928 году.

Паустовский писал рассказы и повести о природе средней полосы России, очерки о других странах («Живописная Болгария», «Итальянские встречи»), удивительно лиричны его литературные портреты художников, писателей разных эпох и стран (Исаака Левитана, Ореста Кипренского, Фридриха Шиллера, Ханса Кристиана Андерсена, Александра Грина и многих других). Константин Георгиевич Паустовский писал для детских журналов «Мурзилка» и «Пионер». Много раз издавались в сборниках и отдельными книжками сказки К. Г. Паустовского «Тёплый хлеб», «Похождения жука-носорога», «Дремучий медведь», «Растрёпанный воробей», «Заботливый цветок», «Квакша».

?!

Проверьте себя

1. Какие произведения К. Г. Паустовского вам уже знакомы?
2. Расскажите, что вы узнали о жизни писателя.

Тёплый хлеб

Когда кавалеристы проходили через деревню Бережки, немецкий снаряд разорвался на околице и ранил в ногу вороного коня[1]. Командир оставил раненого коня в деревне, а отряд ушёл дальше, пыля и позванивая удила-

[1] События в сказке Паустовского происходят в годы Гражданской войны (1917—1922).

ми, — ушёл, закатился за рощи, за холмы, где ветер качал спелую рожь.

Коня взял к себе мельник Панкрат. Мельница давно не работала, но мучная пыль навеки въелась в Панкрата. Она лежала серой коркой на его ватнике[1] и картузе[2]. Из-под картуза посматривали на всех быстрые глаза мельника. Панкрат был скорый на работу, сердитый старик, и ребята считали его колдуном.

Панкрат вылечил коня. Конь остался при мельнице и терпеливо возил глину, навоз и жерди — помогал Панкрату чинить плотину.

Панкрату трудно было прокормить коня, и конь начал ходить по дворам «побираться». Постоит, пофыркает, постучит мордой о калитку, и, глядишь, ему вынесут свекольной ботвы, или чёрствого хлеба, или, случалось даже, сладкую морковку. По деревне говорили, что конь ничей, а вернее — общественный, и каждый считал своей обязанностью его покормить. К тому же конь — раненый, пострадал от врага.

Жил в Бережках со своей бабкой мальчик Филька, по прозвищу «Ну Тебя». Филька был молчаливый, недоверчивый, и любимым его выражением было: «Да ну тебя!» Предлагал ли ему соседский мальчишка походить на ходулях или поискать позеленевшие патроны, Филька отвечал сердитым басом: «Да ну тебя! Ищи сам!» Когда бабка выговаривала ему за неласковость, Филька отворачивался и бормотал: «Да ну тебя! Надоела!»

Зима в этот год стояла тёплая. В воздухе висел дым. Снег выпадал и тотчас таял. Мокрые вороны садились на печные трубы, чтобы обсохнуть, толкались, каркали друг на друга. Около мельничного лотка вода не замерзала, а стояла чёрная, тихая, и в ней кружились льдинки.

Панкрат починил к тому времени мельницу и собирался молоть зерно, — хозяйки жаловались, что мука кончается, осталось у каждой на два-три дня, а зерно лежит немолотое.

[1] *Ва́тник* — стёганная куртка на вате.

[2] *Карту́з* — летний мужской головной убор с жёстким козырьком.

В один из таких тёплых серых дней раненый конь постучал мордой в калитку к Филькиной бабке. Бабки не было дома, а Филька сидел за столом и жевал кусок хлеба, круто посыпанный солью.

Филька нехотя встал, вышел за калитку. Конь переступил с ноги на ногу и потянулся к хлебу. «Да ну тебя! Дьявол!» — крикнул Филька и наотмашь ударил коня по губам. Конь отшатнулся, замотал головой, а Филька закинул хлеб далеко в рыхлый снег и закричал:

— На вас не напасёшься, на христарадников[1]! Вон твой хлеб! Иди, копай его мордой из-под снега! Иди, копай!

И вот после этого злорадного окрика и случились в Бережках те удивительные дела, о каких и сейчас люди говорят, покачивая головами, потому что сами не знают, было ли это, или ничего такого не было.

Слеза скатилась у коня из глаз. Конь заржал жалобно, протяжно, взмахнул хвостом, и тотчас в голых деревьях, в изгородях и печных трубах завыл, засвистел пронзительный ветер, вздул снег, запорошил Фильке горло. Филька бросился обратно в дом, но никак не мог найти крыльца — так уже мело кругом и хлестало в глаза. Летела по ветру мёрзлая солома с крыш, ломались скворечни, хлопали оторванные ставни. И всё выше взвивались столбы снежной пыли с окрестных полей, неслись на деревню, шурша, крутясь, перегоняя друг друга.

Филька вскочил наконец в избу, припёр дверь, сказал: «Да ну тебя!» — и прислушался. Ревела, обезумев, метель, но сквозь её рёв Филька слышал тонкий и короткий свист, — так свистит конский хвост, когда рассерженный конь бьёт им себя по бокам.

Метель начала затихать к вечеру, и только тогда смогла добраться к себе в избу от соседки Филькина бабка. А к ночи небо зазеленело как лёд, звёзды примёрзли к небесному своду и колючий мороз прошёл по деревне. Никто его не видел, но каждый слышал скрип его валенок по твёрдому снегу, слышал, как мороз, озоруя, стискивал толстые брёвна в стенах и они трещали и ло-

[1] *Христарадников* — попрошайка, нищий; тот кто просит милостыню «Христа ради!»

пались. Бабка, плача, сказала Фильке, что наверняка уже замёрзли колодцы и теперь их ждёт неминучая смерть. Воды нет, мука у всех вышла, а мельница работать теперь не сможет, потому что река застыла до самого дна.

Филька тоже заплакал от страха, когда мыши начали выбегать из подпола и хорониться под печкой в соломе, где ещё оставалось немного тепла. «Да ну вас! Проклятые!» — кричал он на мышей, но мыши всё лезли из подпола. Филька забрался на печь, укрылся тулупчиком, весь трясся и слушал причитания бабки.

— Сто лет назад упал на нашу округу такой же лютый мороз, — говорила бабка. — Заморозил колодцы, побил птиц, высушил до корня леса и сады. Десять лет после того не цвели ни деревья, ни травы. Семена в земле пожухли и пропали. Голая стояла наша земля. Обегал её стороной всякий зверь — боялся пустыни.

— Отчего же стрясся тот мороз? — спросил Филька.

— От злобы людской, — ответила бабка. — Шёл через нашу деревню старый солдат, попросил в избе хлеба, а хозяин, злой мужик, заспанный, крикливый, возьми и дай одну только чёрствую корку. И то не дал в руки, а швырнул на пол и говорит: «Вот тебе! Жуй!» — «Мне хлеб с полу поднять невозможно, — говорит солдат. — У меня вместо ноги деревяшка». — «А ногу куда девал?» — спрашивает мужик. «Утерял я ногу на Балканских горах в турецкой баталии»[1], — отвечает солдат. «Ничего. Раз дюже голодный — подымешь, — засмеялся мужик. — Тут тебе камердинеров нету». Солдат покряхтел, изловчился, поднял корку и видит — это не хлеб, а одна зелёная плесень. Один яд! Тогда солдат вышел на двор, свистнул — и враз сорвалась метель, пурга, буря закружила деревню, крыши посрывала, а потом ударил лютый мороз. И мужик тот помер.

— Отчего же он помер? — хрипло спросил Филька.

[1] Речь идёт о войнах с Турцией за освобождение Болгарии и других стран Балканского полуострова от турецкого ига (1877—1878).

— От охлаждения сердца, — ответила бабка, помолчала и добавила: — Знать, и нынче завёлся в Бережках дурной человек, обидчик, и сотворил злое дело. Оттого и мороз.

— Чего ж теперь делать, бабка? — спросил Филька из-под тулупа. — Неужто помирать?

— Зачем помирать? Надеяться надо.

— На что?

— На то, что поправит дурной человек своё злодейство.

— А как его поправить? — спросил, всхлипывая, Филька.

— А об этом Панкрат знает, мельник. Он старик хитрый, учёный. Его спросить надо. Да неужто в такую стужу до мельницы добежишь? Сразу кровь остановится.

— Да ну его, Панкрата! — сказал Филька и затих.

Ночью он слез с печи. Бабка спала, сидя на лавке. За окнами воздух был синий, густой, страшный. В чистом небе над осокорями стояла луна, убранная, как невеста, розовыми венцами.

Филька запахнул тулупчик, выскочил на улицу и побежал к мельнице. Снег пел под ногами, будто артель весёлых пильщиков пилила под корень берёзовую рощу за рекой. Казалось, воздух замёрз и между землёй и луной осталась одна пустота — жгучая и такая ясная, что если бы подняло пылинку на километр от земли, то и её было бы видно и она светилась бы и мерцала, как маленькая звезда.

Чёрные ивы около мельничной плотины поседели от стужи. Ветки их поблёскивали, как стеклянные. Воздух колол Фильке грудь. Бежать он уже не мог, а тяжело шёл, загребая снег валенками.

Филька постучал в окошко Панкратовой избы. Тотчас в сарае за избой заржал и забил копытом раненый конь. Филька охнул, присел от страха на корточки, затаился. Панкрат отворил дверь, схватил Фильку за шиворот и втащил в избу.

— Садись к печке, — сказал он. — Рассказывай, пока не замёрз.

Филька, плача, рассказал Панкрату, как он обидел раненого коня и как из-за этого упал на деревню мороз.

— Да-а, — вздохнул Панкрат, — плохо твоё дело! Выходит, что из-за тебя всем пропадать. Зачем коня обидел? За что? Бессмысленный ты гражданин!

Филька сопел, вытирал рукавом глаза.

— Ты брось реветь! — строго сказал Панкрат. — Реветь вы все мастера. Чуть что нашкодил — сейчас в рёв. Но только в этом я смысла не вижу. Мельница моя стоит, как запаянная морозом навеки, а муки нет, и воды нет, и что нам придумать — неизвестно.

— Чего же мне теперь делать, дедушка Панкрат? — спросил Филька.

— Изобрести спасение от стужи. Тогда перед людьми не будет твоей вины. И перед раненой лошадью — тоже. Будешь ты чистый человек, весёлый. Каждый тебя по плечу потреплет и простит. Понятно?

— Понятно, — ответил упавшим голосом Филька.

— Ну, вот и придумай. Даю тебе сроку час с четвертью.

В сенях у Панкрата жила сорока. Она не спала от холода, сидела на хомуте — подслушивала. Потом она боком, озираясь, поскакала к щели под дверью. Выскочила наружу, прыгнула на перильца и полетела прямо на юг. Сорока была опытная, старая и нарочно летела у самой земли, потому что от деревень и лесов всё-таки тянуло теплом и сорока не боялась замёрзнуть. Никто её не видел, только лисица в осиновом яру[1] высунула морду из норы, повела носом, заметила, как тёмной тенью пронеслась по небу сорока, шарахнулась обратно в нору и долго сидела, почёсываясь и соображая: куда ж это в такую страшную ночь подалась сорока?

А Филька в это время сидел на лавке, ёрзал, придумывал.

---

[1] *Яр* — овраг с крутыми склонами.

— Ну, — сказал наконец Панкрат, затаптывая махорочную цигарку, — время твоё вышло. Выкладывай! Льготного срока[1] не будет.

— Я, дедушка Панкрат, — сказал Филька, — как рассветёт, соберу со всей деревни ребят. Возьмём мы ломы, пешни[2], топоры, будем рубить лёд у лотка около мельницы, покамест не дорубимся до воды и не потечёт она на колесо. Как пойдёт вода, ты пускай мельницу! Повернёшь колесо двадцать раз, она разогреется и начнёт молоть. Будет, значит, и мука, и вода, и всеобщее спасение.

— Ишь ты, шустрый какой! — сказал мельник. — Подо льдом, конечно, вода есть. А ежели лёд толщиной в твой рост, что ты будешь делать?

— Да ну его! — сказал Филька. — Пробьём мы, ребята, и такой лёд!

— А ежели замёрзнете?

— Костры будем жечь.

— А ежели не согласятся ребята за твою дурь расплачиваться своим горбом? Ежели скажут: «Да ну его! Сам виноват — пусть сам лёд и скалывает»?

— Согласятся! Я их умолю. Наши ребята — хорошие.

— Ну, валяй, собирай ребят. А я со стариками потолкую. Может, и старики натянут рукавицы да возьмутся за ломы́.

В морозные дни солнце восходит багровое, в тяжёлом дыму. И в это утро поднялось над Бережками такое солнце. На реке был слышен частый стук ломов. Трещали костры. Ребята и старики работали с самого рассвета, скалывали лёд у мельницы. И никто сгоряча не заметил, что после полудня небо затянулось низкими облаками и задул по седым ивам ровный и тёплый ветер. А когда заметили, что переменилась погода, ветки ив уже оттаяли и весело, гулко зашумела за рекой мокрая берёзовая роща. В воздухе запахло весной, навозом.

@material100

[1] *Льго́тный срок* — разрешённый дополнительно.

[2] *Пешня́* — тяжёлый лом на деревянной рукоятке для пробивания льда.

Ветер дул с юга. С каждым часом становилось всё теплее. С крыш падали и со звоном разбивались сосульки. Вороны вылезли из-под застрех[1] и снова обсыхали на трубах, толкались, каркали.

Не было только старой сороки. Она прилетела к вечеру, когда от теплоты лёд начал оседать, работа у мельницы пошла быстро и показалась первая полынья с тёмной водой.

Мальчишки стащили треухи и прокричали «ура». Панкрат говорил, что если бы не тёплый ветер, то, пожалуй, и не обколоть бы лёд ребятам и старикам. А сорока сидела на раките над плотиной, трещала, трясла хвостом, кланялась на все стороны и что-то рассказывала, но никто, кроме ворон, её не понял. А сорока рассказывала, что она долетела до тёплого моря, где спал в горах летний ветер, разбудила его, натрещала ему про лютый мороз и упросила его прогнать этот мороз, помочь людям. Ветер будто бы не осмелился отказать ей, сороке, и задул, понёсся над полями, посвистывая и посмеиваясь над морозом. И если хорошенько прислушаться, то уже слышно, как по оврагам под снегом бурлит-журчит тёплая вода, моет корни брусники, ломает лёд на реке.

Всем известно, что сорока — самая болтливая птица на свете, и потому вороны ей не поверили — покаркали только между собой, что вот, мол, опять завралась старая.

Так до сих пор никто и не знает, правду ли говорила сорока, или всё это она выдумала от хвастовства. Одно только известно, что к вечеру лёд треснул, разошёлся, ребята и старики нажали — и в мельничный лоток хлынула с шумом вода.

Старое колесо скрипнуло — с него посыпались сосульки — и медленно повернулось. Заскрежетали жернова, потом колесо повернулось быстрее, ещё быстрее, и вдруг вся старая мельница затряслась, заходила ходуном и пошла стучать, скрипеть, молоть зерно. Панкрат сыпал

[1] *Застре́хи* — нижние края кровли.

зерно, а из-под жёрнова лилась в мешки горячая мука. Женщины окунали в неё озябшие руки и смеялись.

По всем дворам кололи звонкие берёзовые дрова. Избы светились от жаркого печного огня. Женщины месили тугое сладкое тесто. И всё, что было живого в избах, — ребята, кошки, даже мыши, — всё это вертелось около хозяек, а хозяйки шлёпали ребят по спине белой от муки рукой, чтобы не лезли в самую квашню и не мешались.

Ночью по деревне стоял такой запах тёплого хлеба с румяной коркой, с пригоревшими к донцу капустными листьями, что даже лисицы вылезли из нор, сидели на снегу, дрожали и тихонько скулили, соображая, как бы словчиться стащить у людей хоть кусочек этого чудесного хлеба.

На следующее утро Филька пришёл вместе с ребятами к мельнице. Ветер гнал по синему небу рыхлые тучи, не давал им ни на минуту перевести дух, и потому по земле неслись вперемежку то холодные тени, то горячие солнечные пятна.

Филька тащил буханку свежего хлеба, а совсем маленький мальчик Николай держал деревянную солонку с крупной жёлтой солью. Панкрат вышел на порог, спросил:

— Что за явление? Мне, что ли, хлеб-соль подносите? За какие такие заслуги?

— Да нет! — закричали ребята. — Тебе будет особо. А это раненому коню. От Фильки. Помирить мы их хотим.

— Ну что ж, — сказал Панкрат. — Не только человеку извинение требуется. Сейчас я вам коня представлю в натуре.

Панкрат отворил ворота сарая, выпустил коня. Конь вышел, вытянул голову, заржал — учуял запах свежего хлеба. Филька разломил буханку, посолил хлеб из солонки и протянул коню. Но конь хлеба не взял, начал мелко перебирать ногами, попятился в сарай. Испугался Фильки. Тогда Филька перед всей деревней громко заплакал. Ребята зашептались и притихли, а Панкрат потрепал коня по шее и сказал:

«Тёплый хлеб». *Худ. Т. Капустина*

— Не пужайся, Мальчик! Филька — не злой человек. Зачем же его обижать? Бери хлеб, мирись!

Конь помотал головой, подумал, потом осторожно вытянул шею и взял наконец хлеб из рук Фильки мягкими губами. Съел один кусок, обнюхал Фильку и взял второй кусок. Филька ухмылялся сквозь слёзы, а конь жевал хлеб, фыркал. А когда съел весь хлеб, положил голову Фильке на плечо, вздохнул и закрыл глаза от сытости и удовольствия.

Все улыбались, радовались. Только старая сорока сидела на раките и сердито трещала: должно быть, опять хвасталась, что это ей одной удалось помирить коня с Филькой. Но никто её не слушал и не понимал, и сорока от этого сердилась всё больше и трещала как пулемёт.

Размышляем о прочитанном

1. Как бы вы назвали эту сказку Паустовского? Как вы объясните название, которое дал ей автор?
2. Что можно сказать о характере Фильки, судя по его поступкам? Почему его звали «Ну Тебя»?
3. Как менялась погода на протяжении происходящих в сказке событий?
4. Как реагировали взрослые и дети на поступок Фильки?
5. Что в сказке фантастического и что реального?
6. Чем закончилась сказка? Если бы эта сказка была не писательской, а народной, то как бы она начиналась и заканчивалась? Какие слова важны для начала и концовки народной сказки?

Обогащаем свою речь

1. Постарайтесь рассказать эту сказку близко к тексту с концовкой, характерной для народной сказки, и такой, какая есть в сказке Паустовского.
2. Объясните слова и выражения, использованные Паустовским, и включите их в свой пересказ:
   вороной конь — злорадный окрик — ...
   спелая рожь — колючий мороз — ...
   скорый на работу — неминучая смерть — ...
   в воздухе висел дым — лютый мороз — ...
   тёплый серый день — нашкодил — ...

Совершенствуем свою речь

Вспомните, как называются красочные, образные определения предмета. При пересказе эпизодов сказки К. Г. Паустовского постарайтесь максимально использовать образные (художественные) определения (эпитеты).

Заячьи лапы

К ветеринару в наше село пришёл с Урженского озера Ваня Малявин и принёс завёрнутого в рваную ватную куртку маленького тёплого зайца. Заяц плакал и часто моргал красными от слёз глазами.

— Ты что, одурел? — крикнул ветеринар. — Скоро будешь ко мне мышей таскать, оголец[1]!

— А вы не лайте, это заяц особенный, — хриплым шёпотом сказал Ваня. — Его дед прислал, велел лечить.

— От чего лечить-то?

— Лапы у него пожжённые.

Ветеринар повернул Ваню лицом к двери, толкнул в спину и крикнул вслед:

— Валяй, валяй! Не умею я их лечить. Зажарь его с луком — деду будет закуска.

Ваня ничего не ответил. Он вышел в сени, заморгал глазами, потянул носом и уткнулся в бревенчатую стену. По стене потекли слёзы. Заяц тихо дрожал под засаленной курткой.

— Ты что, милый? — спросила Ваню жалостливая бабка Анисья; она привела к ветеринару свою единственную козу. — Чего вы, сердешные, вдвоём слёзы льёте? Ай случилось что?

— Пожжённый он, дедушкин заяц, — сказал Ваня. — На лесном пожаре лапы себе пожёг, бегать не может. Вот-вот, гляди, умрёт.

— Не умрёт, малый, — прошамкала Анисья. — Скажи дедушке своему, ежели большая у него охота зайца выходить, пущай несёт его в город к Карлу Петровичу.

Ваня вытер слёзы и пошёл лесами домой, на Урженское озеро. Он не шёл, а бежал босиком по горячей песчаной дороге. Недавний лесной пожар прошёл стороной на север около самого озера.

Пахло гарью и сухой гвоздикой. Она большими островами росла на полянах.

Заяц стонал.

Ваня нашёл на дороге пушистые, покрытые серебряными мягкими волосами листья, вырвал их, положил под сосенку и развернул зайца. Заяц посмотрел на листья, уткнулся в них головой и затих.

— Ты чего, серый? — тихо спросил Ваня. — Ты бы поел.

---

[1] *Оголе́ц* — здесь: озорник.

Заяц молчал.

— Ты бы поел, — повторил Ваня, и голос его задрожал. — Может, пить хочешь?

Заяц повёл рваным ухом и закрыл глаза.

Ваня взял его на руки и побежал напрямик через лес — надо было поскорее дать зайцу напиться из озера.

Неслыханная жара стояла в то лето над лесами. Утром наплывали вереницы плотных белых облаков. В полдень облака стремительно рвались вверх, к зениту, и на глазах уносились и исчезали где-то за границами неба. Жаркий ураган дул уже две недели без передышки. Смола, стекавшая по сосновым стволам, превратилась в янтарный камень.

Наутро дед надел чистые онучи[1] и новые лапти, взял посох и кусок хлеба и побрёл в город. Ваня нёс зайца сзади. Заяц совсем притих, только изредка вздрагивал всем телом и судорожно вздыхал.

Суховей[2] вздул над городом облако пыли, мягкой, как мука. В ней летали куриный пух, сухие листья и солома. Издали казалось, что над городом дымит тихий пожар.

На базарной площади было очень пусто, знойно; извозчичьи лошади дремали около водоразборной будки, и на головах у них были надеты соломенные шляпы. Дед перекрестился.

— Не то лошадь, не то невеста — шут их разберёт! — сказал он и сплюнул.

Долго спрашивали прохожих про Карла Петровича, но никто толком ничего не ответил. Зашли в аптеку. Толстый старый человек в пенсне и в коротком белом халате сердито пожал плечами и сказал:

— Это мне нравится! Довольно странный вопрос! Карл Петрович Корш — специалист по детским болезням — уже три года как перестал принимать пациентов. Зачем он вам?

Дед, заикаясь от уважения к аптекарю и от робости, рассказал про зайца.

---

[1] *Ону́чи* — обвёртка на ногу из полотна под сапоги или лапти.

[2] *Суховéй* — сухой, горячий ветер.

— Это мне нравится! — сказал аптекарь. — Интересные пациенты завелись в нашем городе. Это мне замечательно нравится! — Он нервно снял пенсне, протёр, снова нацепил на нос и уставился на деда. Дед молчал, топтался. Аптекарь тоже молчал. Молчание становилось тягостным.

— Почтовая улица, три! — вдруг в сердцах крикнул аптекарь и захлопнул какую-то растрёпанную толстую книгу. — Три!

Дед с Ваней добрели до Почтовой улицы как раз вовремя — из-за Оки заходила высокая гроза. Ленивый гром потягивался за горизонтом, как заспанный силач распрямлял плечи, и нехотя потряхивал землю. Серая рябь пошла по реке. Бесшумные молнии исподтишка, но стремительно и сильно били в луга; далеко за полянами уже горел стог сена, зажжённый ими. Крупные капли дождя падали на пыльную дорогу, и вскоре она стала похожа на лунную поверхность: каждая капля оставляла в пыли маленький кратер.

Карл Петрович играл на рояле нечто печальное и мелодичное, когда в окне появилась растрёпанная борода деда. Через минуту Карл Петрович уже сердился.

— Я не ветеринар, — сказал он и захлопнул крышку рояля. Тотчас же в лугах проворчал гром. — Я всю жизнь лечил детей, а не зайцев.

— Что ребёнок, что заяц — всё одно, — упрямо пробормотал дед. — Всё одно! Полечи, яви милость! Ветеринару нашему такие дела неподсудны. Он у нас коновал[1]. Этот заяц, можно сказать, спаситель мой: я ему жизнью обязан, благодарность оказать должен, а ты говоришь — бросить!

Ещё через минуту Карл Петрович — старик с седыми взъерошенными бровями, — волнуясь, слушал спотыкающийся рассказ деда. Карл Петрович в конце концов согласился лечить зайца. На следующее утро дед ушёл

[1] *Конова́л* — лекарь-самоучка, лечащий лошадей.

«Заячьи лапы». *Худ. Н. Устинов* (*фрагмент*)

на озеро, а Ваню оставил у Карла Петровича ходить за зайцем.

Через день вся Почтовая улица, заросшая гусиной травой, уже знала, что Карл Петрович лечит зайца, обгоревшего на страшном лесном пожаре и спасшего какого-то старика. Через два дня об этом уже знал весь маленький городок, а на третий день к Карлу Петровичу пришёл длинный юноша в фетровой шляпе, назвался сотрудником московской газеты и попросил дать беседу о зайце.

Зайца вылечили. Ваня завернул его в ватное тряпьё и понёс домой. Вскоре историю о зайце забыли, и только какой-то московский профессор долго добивался от деда, чтобы тот ему продал зайца. Присылал даже письма с марками на ответ. Но дед не сдавался. Под его диктовку Ваня написал профессору письмо:

«Заяц не продажный, живая душа, пусть живёт на воле. При сём остаюсь Ларион Малявин».

Этой осенью я ночевал у деда Лариона на Урженском озере. Созвездия, холодные, как крупинки льда, плавали в воде. Шумел сухой тростник. Утки зябли в зарослях и жалобно крякали всю ночь.

Деду не спалось. Он сидел у печки и чинил рваную рыболовную сеть. Потом поставил самовар — от него окна в избе сразу запотели и звёзды из огненных точек превратились в мутные шары. Во дворе лаял Мурзик. Он прыгал в темноту, ляскал зубами и отскакивал — воевал с непроглядной октябрьской ночью. Заяц спал в сенях и изредка во сне громко стучал задней лапой по гнилой половице.

Мы пили чай ночью, дожидаясь далёкого и нерешительного рассвета, и за чаем дед рассказал мне наконец историю о зайце.

В августе дед пошёл охотиться на северный берег озера.

Леса стояли сухие, как порох.

Деду попался зайчонок с рваным левым ухом. Дед выстрелил в него из старого, связанного проволокой ружья, но промахнулся. Заяц удрал.

Дед пошёл дальше. Но вдруг затревожился: с юга, со стороны Лопухов, сильно тянуло гарью. Поднялся ветер. Дым густел, его уже несло белой пеленой по лесу, затягивало кусты. Стало трудно дышать.

Дед понял, что начался лесной пожар и огонь идёт прямо на него. Ветер перешёл в ураган. Огонь гнало по земле с неслыханной скоростью. По словам деда, даже поезд не мог бы уйти от такого огня.

Дед был прав: во время урагана огонь шёл со скоростью тридцати километров в час.

Дед побежал по кочкам, спотыкался, падал, дым выедал ему глаза, а сзади был уже слышен широкий гул и треск пламени.

Смерть настигала деда, хватала его за плечи, и в это время из-под ног у деда выскочил заяц. Он бежал медленно и волочил задние лапы. Потом только дед заметил, что они у зайца обгорели.

Дед обрадовался зайцу, будто родному. Как старый лесной житель, дед знал, что звери гораздо лучше человека чуют, откуда идёт огонь, и всегда спасаются. Гибнут

они только в тех редких случаях, когда огонь их окружает.

Дед побежал за зайцем. Он бежал, плакал от страха и кричал: «Погоди, милый, не беги так-то шибко!»

Заяц вывел деда из огня. Когда они выбежали из леса к озеру, заяц и дед, — оба упали от усталости. Дед подобрал зайца и понёс домой. У зайца были опалены задние ноги и живот. Потом дед его вылечил и оставил у себя.

— Да, — сказал дед, поглядывая на самовар так сердито, будто самовар был всему виной, — да, а перед тем зайцем, выходит, я сильно провинился, милый человек.

— Чем же ты провинился?

— А ты выдь, погляди на зайца, на спасителя моего, тогда узнаешь. Бери фонарь!

Я взял со стола фонарь и вышел в сенцы. Заяц спал. Я нагнулся над ним с фонарём и заметил, что левое ухо у зайца рваное. Тогда я понял всё.

Размышляем о прочитанном

1. Как вы объясните название рассказа?
2. От какой беды и как спас деда заяц? В чём перед ним провинился дед?
3. Как Ларион Малявин отблагодарил зайца?
4. Заяц спас деда Лариона от пожара, а какую роль он сыграл в судьбе внука Вани? Какие черты характера Вани проявились в истории спасения зайца?
5. Найдите в тексте рассказа описания жаркого полдня, надвигающейся грозы. Какие силы природы олицетворяются в этих описаниях? Что вы можете сказать об облаках, громе, молниях?

Фонохрестоматия (((*Слушаем актёрское чтение*)))

К. Г. Паустовский. «Заячьи лапы»

1. В начале рассказа Ваня разговаривает с ветеринаром и бабкой Анисьей. По тону разговора, по тому, какие слова го-

ворят ветеринар и бабка Анисья, как они обращаются к собеседнику, дайте характеристику этих персонажей.

2. Чем вам запомнилась речь аптекаря?
3. Почему в диалоге доктора Карла Петровича и деда доктор сердился, а дед волновался и сбивался? Как это звучит в чтении актёра?
4. Какие чувства, мысли, события дед сумел вложить в своё короткое письмо: «Заяц не продажный, живая душа, пусть живёт на воле...»?
5. Подготовьтесь к выразительному чтению рассказа, представив себе внешний вид, характер, манеру говорить всех персонажей произведения.

Обогащаем свою речь

1. У многих из вас или ваших друзей есть домашние животные. Может быть, вы стали свидетелями или участниками какого-нибудь происшествия с вашими любимцами. Расскажите или напишите об этом.

   Чтобы создать даже небольшой рассказ, нужно вспомнить, что рассказом мы называем прозаическое произведение, повествующее об одном или нескольких событиях.
2. Каким одним словом можно заменить описание — «заморгал глазами, потянул носом и уткнулся в бревенчатую стену»?

@material100

3. Подберите синонимы к словам и выражениям:

   печальное — ...

   бесшумные — ...

   яви милость — ...

   утки зябли — ...
4. Найдите в рассказе примеры просторечной лексики.
5. Какие слова героев рассказа показывают их особое отношение к зайцу («живая душа», «милый» и др.)?

Андрей Платонович ПЛАТОНОВ

1899—1951

Народ читает книги бережно и медленно. Будучи тружеником, он знает, сколько надо претворить, испытать и пережить действительности, чтобы произошла настоящая мысль и народилось точное, истинное слово.

А. Платонов

А. П. Платонов (настоящая фамилия Климентов) родился в многодетной, жившей часто на грани нищеты семье слесаря железнодорожных мастерских на рабочей окраине Воронежа, в Ямской слободке. «В Ямской были плетни, огороды, лопуховые пустыри, не дома, а хаты, куры, сапожники и много мужиков на Задонской большой дороге...» На всю жизнь писатель сохранил самые добрые воспоминания о своей учительнице Аполлинарии Николаевне. «Я её никогда не забуду, потому что я через неё узнал, что есть пропетая сердцем сказка про Человека», — писал Платонов в автобиографии. Писательскую свою работу он, как многие литераторы, начал в провинциальных газетах и журналах.

Как и многие известные прозаики, в начале своего творческого пути Платонов был поэтом. В 1922 году была издана книжка его стихов «Голубая глубина». Первый сборник рассказов Платонова вышел в 1927 году.

Сказки Платонов начал писать уже в конце своей жизни. Одно из его самых последних произведений — мудрая, немного грустная сказка-быль «Неизвестный цветок». Рассказ «Никита» — не сказка, но и в нём есть фантастическое.

?!

Проверьте себя

1. Какие воспоминания сохранил писатель о своей учительнице?
2. Расскажите, что вы узнали о жизни А. П. Платонова.

Никита

Рано утром мать уходила со двора в поле на работу. А отца в семействе не было; отец давно ушёл на главную работу — на войну и не вернулся оттуда. Каждый день мать ожидала, что отец вернётся, а его всё не было и нет.

В избе и на всём дворе оставался хозяином один Никита, пяти лет от роду. Уходя, мать ему наказывала, чтобы Никита не сжёг двора, чтобы он собрал яйца от кур, которые они снесли по закутам и под плетнями, чтобы чужой петух не приходил во двор и не бил своего петуха и чтобы он ел в обед молоко с хлебом на столе, а к вечеру мать вернётся и тогда покормит его горячим ужином.

— Не балуй, Никитушка, отца у тебя нету, — говорила мать. — Ты умный теперь, а тут всё добро наше — в избе и во дворе.

— Я умный, тут добро наше, а отца нету, — говорил Никита. — А ты приходи поскорее, мама, а то я боюсь.

— Чего ты боишься-то? На небе солнце светит, кругом в полях людно, ты не бойся, ты живи смирно один...

— Да, а солнце ведь далече, — отвечал Никита, — и его облако закроет.

Оставшись один, Никита обошёл всю тихую избу — горницу, затем другую комнату, где стояла русская печь, и вышел в сени. В сенях жужжали большие толстые мухи, паук дремал в углу посреди паутины, воробей пришёл пеший через порог и искал себе зёрнышко в жилой земле избы. Всех их знал Никита: и воробьёв, и пауков, и мух, и кур во дворе; они ему уже надоели, и от них ему было скучно. Он хотел теперь узнать то, чего он не знал. Поэтому Никита пошёл далее во двор и пришёл в сарай, где стояла в темноте пустая бочка. В ней, наверно, кто-нибудь жил, какой-нибудь маленький человек; днём он спал, а ночью выходил наружу, ел хлеб, пил воду и думал что-нибудь, а наутро опять прятался в бочку и спал.

— Я тебя знаю, ты там живёшь, — приподнявшись на ногах, сказал Никита сверху в тёмную гулкую бочку, а потом вдобавок постучал по ней кулаком. — Вставай, не спи, лодырь! Чего зимой есть будешь? Иди просо полоть, тебе трудодень дадут!

Никита прислушался. В бочке было тихо. «Помер он, что ль!» — подумал Никита. Но в бочке скрипнула её деревянная снасть, и Никита отошёл от греха. Он понял, что, значит, тамошний житель повернулся на бок либо хотел встать и погнаться за Никитой.

Но какой он был — тот, кто жил в бочке? Никита сразу представил его в уме. Это был маленький, а живой человек. Борода у него была длинная, она доставала до земли, когда он ходил ночью, и он нечаянно сметал ею сор и солому, отчего в сарае оставались чистые стёжки.

У матери недавно пропали ножницы. Это он, должно быть, взял ножницы, чтобы обрезать себе бороду.

— Отдай ножницы! — тихо попросил Никита. — Отец придёт с войны — всё одно отымет, он тебя не боится. Отдай!

Бочка молчала. В лесу, далеко за деревней, кто-то ухнул, и в бочке тоже ответил ему чёрным страшным голосом маленький житель: я тут!

Никита выбежал из сарая во двор. На небе светило доброе солнце, облака не застили его сейчас, и Никита в испуге поглядел на солнце, чтобы оно защитило его.

— Там житель в бочке живёт! — сказал Никита, смотря на небо.

Доброе солнце по-прежнему светило на небе и глядело на него в ответ тёплым лицом. Никита увидел, что солнце было похоже на умершего дедушку, который всегда был ласков к нему и улыбался, когда был живой и смотрел на него. Никита подумал, что дедушка стал теперь жить на солнце.

— Дедушка, ты где, ты там живёшь? — спросил Никита. — Живи там, а я тут буду, я с мамой.

За огородом, в зарослях лопухов и крапивы, находился колодец. Из него уже давно не брали воду, потому что в колхозе вырыли другой колодец с хорошей водой.

В глубине того глухого колодца, в его подземной тьме, была видна светлая вода с чистым небом и облаками, идущими под солнцем. Никита наклонился через сруб колодца и спросил:

— Вы чего там?

Он думал, что там живут на дне маленькие водяные люди. Он знал, какие они были, он их видел во сне и, проснувшись, хотел их поймать, но они убежали от него по траве в колодец, в свой дом. Ростом они были с воробья, но толстые, безволосые, мокрые и вредные, они, должно быть, хотели у Никиты выпить глаза, когда он спал.

— Я вам дам! — сказал в колодец Никита. — Вы зачем тут живёте?

Вода в колодце вдруг замутилась, и оттуда кто-то чавкнул пастью. Никита открыл рот, чтобы вскрикнуть, но голос его вслух не прозвучал, он занемел от страха; у него только дрогнуло и приостановилось сердце.

«Здесь ещё великан живёт и его дети!» — понял Никита.

— Дедушка! — поглядев на солнце, крикнул он вслух. — Дедушка, ты там?

И Никита побежал назад к дому. У сарая он опомнился. Под плетнёвую стену сарая уходили две земляные норы. Там тоже жили тайные жители. А кто они такие были? Может быть, змеи! Они выползут ночью, приползут в избу и ужалят мать во сне, и мать умрёт.

Никита побежал скорее домой, взял там два куска хлеба со стола и принёс их. Он положил у каждой норы хлеб и сказал змеям:

— Змеи, ешьте хлеб, а к нам ночью не ходите.

Никита оглянулся. На огороде стоял старый пень. Посмотрев на него, Никита увидел, что это голова человека.

У пня были глаза, нос и рот, и пень молча улыбался Никите.

— Ты тоже тут живёшь? — спросил мальчик. — Вылезай к нам в деревню, будешь землю пахать.

Пень крякнул в ответ, и лицо его стало сердитое.

— Не вылезай, не надо, живи лучше там! — сказал Никита, испугавшись.

Во всей деревне было тихо сейчас, никого не слыхать. Мать в поле далеко, до неё добежать не успеешь. Никита ушёл от сердитого пня в сени избы. Там было не страшно, там мать недавно дома была. В избе стало теперь жарко. Никита хотел испить молока, что оставила ему мать, но, посмотрев на стол, он заметил, что стол — это тоже человек, только на четырёх ногах, а рук у него нету.

Никита вышел в сени на крыльцо. Вдалеке за огородом и колодцем стояла старая баня. Она топилась почёрному, и мать говорила, что в ней дедушка любил купаться, когда ещё живым был.

Банька была старая и омшелая[1] вся, скучная избушка.

«Это бабушка наша, она не померла, она избушкой стала! — в страхе подумал Никита о дедушкиной бане. — Ишь, живёт себе, вон у ней голова есть — это не труба, а голова — и рот щербатый в голове. Она нарочно баня, а по правде тоже человек! Я вижу!»

Чужой петух вошёл во двор с улицы. Он был похож по лицу на знакомого худого пастуха с бородкой, который по весне утонул в реке, когда хотел переплыть её в половодье, чтобы идти гулять на свадьбу в чужую деревню.

Никита порешил, что пастух не захотел быть мёртвым и стал петухом; значит, петух этот — тоже человек, только тайный. Везде есть люди, только кажутся они не людьми.

Никита наклонился к жёлтому цветку. Кто он был? Вглядевшись в цветок, Никита увидел, как постепенно в круглом его личике являлось человеческое выражение,

[1] *Омше́лая* — поросшая мхом.

и вот уже стали видны маленькие глаза, нос и открытый влажный рот, пахнущий живым дыханием.

— А я думал, ты правда цвет! — сказал Никита. — А дай я посмотрю — что у тебя внутри, есть у тебя кишки?

Никита сломал стебель — тело цветка — и увидел в нём молоко.

— Ты маленький ребёнок был, ты мать свою сосал! — удивился Никита.

Он пошёл к старой бане.

— Бабушка! — тихо сказал ей Никита. Но щербатое лицо бабушки гневно ощерилось на него, как на чужого.

«Ты не бабушка, ты другая!» — подумал Никита.

Колья из плетня смотрели на Никиту, как лица многих неизвестных людей. И каждое лицо было незнакомое и не любило его: одно сердито ухмылялось, другое злобно думало что-то о Никите, а третий кол опирался иссохшими руками-ветвями о плетень и собирался вовсе вылезти из плетня, чтобы погнаться за Никитой.

— Вы зачем тут живёте? — сказал Никита. — Это наш двор!

Но незнакомые, злобные лица людей отовсюду неподвижно и зорко смотрели на Никиту. Он глянул на лопухи — они должны быть добрыми. Однако и лопухи сейчас угрюмо покачивали большими головами и не любили его.

Никита лёг на землю и прильнул к ней лицом. Внутри земли гудели голоса, там, должно быть, жили в тесной тьме многие люди, и слышно было, как они корябаются руками, чтобы вылезти оттуда на свет солнца. Никита поднялся в страхе, что везде кто-то живёт и отовсюду глядят на него чужие глаза, а кто не видит его, тот хочет выйти к нему из-под земли, из норы, из чёрной застрехи сарая. Он обернулся к избе. Изба смотрела на него, как прохожая старая тётка из дальней деревни, и шептала ему: «У-у, непутёвые, нарожали вас на свет — хлеб пшеничный даром жевать».

— Мама, иди домой! — попросил Никита далёкую мать. — Пускай тебе половину трудодня запишут. К нам во двор чужие пришли и живут. Прогони их!

Мать не услышала сына. Никита пошёл за сарай, он хотел поглядеть, не вылезает ли пень-голова из земли; у пня рот большой, он всю капусту на огороде поест, из чего тогда мать будет щи варить зимой?

Никита издали робко посмотрел на пень в огороде. Сумрачное, нелюдимое лицо, обросшее морщинистой корой, неморгающими глазами глянуло на Никиту.

И далеко кто-то, из леса за деревней, громко крикнул:

— Максим, ты где?

— В земле! — глухо отозвался пень-голова.

Никита обернулся, чтобы бежать к матери в поле, но упал. Он занемог от страха; ноги его стали теперь как чужие люди и не слушались его. Тогда он пополз на животе, словно был ещё маленький и не мог ходить.

— Дедушка! — прошептал Никита и посмотрел на доброе солнце на небе.

Облако застило свет, и солнца теперь не было видно.

— Дедушка, иди опять к нам жить!

Дедушка-солнце показался из-за облака, будто дед сразу отвёл от своего лица тёмную тень, чтобы видеть своего ослабевшего внука, ползшего по земле. Дед теперь смотрел на него; Никита подумал, что дед видит его, поднялся на ноги и побежал к матери.

Он бежал долго. Он пробежал по пыльной пустой дороге всю деревенскую улицу, потом уморился и сел в тени овина на околице.

Никита сел ненадолго. Но он нечаянно опустил голову к земле, уснул и очнулся лишь навечер. Новый пастух гнал колхозное стадо. Никита пошёл было далее, в поле к матери, однако пастух сказал ему, что уже время позднее и мать Никиты давно ушла с поля ко двору.

Дома Никита увидел мать. Она сидела за столом и смотрела, не отводя глаз, на старого солдата, который ел хлеб и пил молоко.

Солдат поглядел на Никиту, потом поднялся с лавки и взял его к себе на руки. От солдата пахло теплом, чем-то добрым и смирным, хлебом и землёй. Никита оробел и молчал.

— Здравствуй, Никита, — сказал солдат. — Ты уж давно позабыл меня, ты грудной ещё был, когда я поцеловал тебя и ушёл на войну. А я-то помню тебя, умирал и помнил.

— Это твой отец домой пришёл, Никитушка, — сказала мать и утёрла передником слёзы с лица.

Никита осмотрел отца — лицо его, руки, медаль на груди и потрогал ясные пуговицы на его рубашке.

— А ты опять не уйдёшь от нас?

— Нет, — произнёс отец. — Теперь уж век буду с тобой вековать. Врага-неприятеля мы погубили, пора о тебе с матерью думать...

Наутро Никита вышел во двор и сказал вслух всем, кто жил во дворе, — и лопухам, и сараю, и кольям в плетне, и пню-голове в огороде, и дедушкиной бане:

— К нам отец пришёл. Он век будет с нами вековать.

Во дворе все молчали: видно, всем стало боязно отца-солдата, и под землёй было тихо, никто не корябался оттуда наружу, на свет.

— Иди ко мне, Никита. Ты с кем там разговариваешь?

Отец был в сарае. Он осматривал и пробовал руками топоры, лопаты, пилу, рубанок, тиски, верстак и разные железки, что были в хозяйстве.

Отделавшись, отец взял Никиту за руку и пошёл с ним по двору, оглядывая — где, что и как стояло, что было цело, а что погнило, что было нужно и что нет.

Никита так же, как вчера, смотрел в лицо каждому существу во дворе, но ныне он ни в одном не увидел тайного человека; ни в ком не было ни глаз, ни носа, ни рта, ни злой жизни. Колья в плетнях были иссохшими толстыми палками, слепыми и мёртвыми, а дедушкина баня была сопревшим домиком, уходящим от старости

«Никита». *Худ. В. Куприянов*

лет в землю. Никита даже пожалел сейчас дедушкину баню, что она умирает и больше её не будет.

Отец сходил в сарай за топором и стал колоть на дрова ветхий пень на огороде. Пень сразу начал разваливаться, он сотлел насквозь, и его сухой прах дымом поднялся из-под отцовского топора.

Когда пня-головы не стало, Никита сказал отцу:

— А тебя не было, он слова говорил, он был живой. Под землёй у него пузо и ноги есть.

Отец провёл сына домой в избу.

— Нет, он давно умер, — сказал отец. — Это ты хочешь всех сделать живыми, потому что у тебя доброе сердце. Для тебя и камень живой, и на луне покойная бабушка снова живёт.

— А на солнце дедушка! — сказал Никита.

Днём отец стругал доски в сарае, чтобы перестелить заново пол в избе, а Никите он тоже дал работу — выпрямлять молотком кривые гвоздики.

Никита с охотой, как большой, начал работать молотком. Когда он выпрямил первый гвоздь, он увидел в нём маленького доброго человечка, улыбавшегося ему из-под своей железной шапки. Он показал его отцу и сказал ему:

— А отчего другие злые были — и лопух был злой, и пень-голова, и водяные люди, а этот добрый человек?

Отец погладил светлые волосы сына и ответил ему:

— Тех ты выдумал, Никита, их нету, они непрочные, оттого они и злые. А этого гвоздя-человечка ты сам трудом сработал, он и добрый.

Никита задумался.

— Давай всё трудом работать, и все живые будут.

— Давай, сынок, — согласился отец.

Отец верил, что Никита останется добрым на весь свой долгий век.

Размышляем о прочитанном

1. Какие события — реальные или фантастические — происходят в этом произведении А. П. Платонова?
2. Как объяснить то, что фантазии приходили к Никите, когда уходила мама?
3. Почему Никита старался превратить в людей неодушевлённые предметы?
4. Что проявилось в характере Никиты, какие черты преобладали — доброта, сердечность, злоба, сострадание? Подтвердите свой ответ цитатами из текста рассказа.

Фонохрестоматия ((((*Слушаем актёрское чтение*))))

А. П. Платонов. «Никита»

1. Почему строения, растения, животные казались Никите «тайными людьми»?
2. Какие из предметов казались Никите добрыми, какие — злыми? Почему? Как это передаёт актёр, читая монологи Никиты?
3. Почему Никита зовёт дедушку-солнце опять к ним жить?
4. Отец верил, что Никита останется добрым «на весь долгий век». Почему он так думал?
5. Подготовьте выразительное чтение эпизода встречи Никиты с отцом, передав чувства, которые переживают мать, отец и Никита.

Совершенствуем свою речь

1. Подготовьте выразительное чтение текста или подробный рассказ о главном герое (на выбор).
2. Объясните значение следующих выражений из текста рассказа:
   живи смирно один — ...
   на небе светило доброе солнце — ...
   тайные жители — ...
   век вековать — ...
   трудом сработал — ...
3. Как объяснил отец желание Никиты всех «сделать живыми»?
4. Что значат слова героя: «Давай всё трудом работать, и все живые будут»? Во что верил отец?
5. Какой фрагмент рассказа изображён на иллюстрации? Так ли вы представляли себе этот эпизод? Дайте развёрнутый ответ на этот вопрос.

@material100

Виктор Петрович АСТАФЬЕВ

1924—2001

...Думал я, думал, и вышло, что мне надо рассказывать о своих земляках, в первую голову о своих односельчанах, о бабушке и дедушке и прочей родне... Они были интересны мне и любимы мной такими, какие они есть на самом деле.

В. Астафьев

В. П. Астафьев родился близ Красноярска в крестьянской семье. Рано потерял мать. Около трёх лет жил у бабушки и дедушки. Затем переехал с отцом и мачехой в Игарку, убежал из дому, беспризорничал, поступил в школу на станции Енисей, работал в пригороде Красноярска, участвовал в боях в Великую Отечественную войну, был ранен, потом работал разнорабочим. Позднее он напишет:

«...Масса встреч, масса впечатлений, множество событий, разных, приятных и неприятных, — всё это откладывалось, где-то накапливалось потихоньку, пока не попросилось наружу».

В 1951 году он написал первый рассказ «Гражданский человек». В автобиографии В. П. Астафьев пишет:

«...Я твёрдо знаю одно — заставили писать меня книги и жизнь. Я всегда и всюду много читал, и читал порой в ущерб учёбе... Начался я как литератор не в тот вечер, когда сел писать свой первый рассказ, а, видимо, тогда, когда сочинял длинные „лирические“ письма с фронта, когда в госпиталях, в пути и на привалах рассказывал о своих фронтовых товарищах, о разных случаях из своей жизни». В 1953 году в Перми был опубликован первый сборник рассказов Астафьева «До будущей весны».

Проверьте себя

1. Что, по словам самого В. П. Астафьева, заставило его писать?
2. Подготовьте устное сообщение о писателе, используя содержание статьи учебника и произведений В. П. Астафьева, прочитанных вами ранее.

СУДЬБА РАССКАЗА «ВАСЮТКИНО ОЗЕРО»

Судьба рассказа «Васюткино озеро» любопытна. В городе Игарке преподавал когда-то русский язык и литературу Игнатий Дмитриевич Рождественский, известный потом сибирский поэт. Преподавал он, как я теперь понимаю, свои предметы хорошо, заставлял нас «шевелить мозгами» и не слизывать из учебников изложения, а писать сочинения на вольные темы. Вот так он однажды предложил написать нам, пятиклассникам, о том, как прошло лето. А я летом заблудился в тайге, много дней провёл один, и вот обо всём об этом и написал. Сочинение моё было напечатано в рукописном школьном журнале под названием «Жив». Много лет спустя я вспомнил о нём, попробовал восстановить в памяти. Так вот и получилось «Васюткино озеро» — мой первый рассказ для детей.

В. П. Астафьев

Васюткино озеро

Это озеро не отыщешь на карте. Небольшое оно. Небольшое, зато памятное Васютке. Ещё бы! Мала ли честь для тринадцатилетнего мальчишки — озеро, названное его именем! Пускай оно и не велико, не то, что, скажем, Байкал, но Васютка сам нашёл его и людям показал. Да, да, не удивляйтесь и не думайте, что все озёра уже известны и что у каждого есть своё название. Много ещё, очень много в нашей стране безымянных озёр и речек. Потому что велика наша Родина, и сколько по ней ни броди, всё будешь находить что-нибудь новое, интересное.

Рыбаки из бригады Григория Афанасьевича Шадрина — Васюткиного отца — совсем было приуныли. Частые осенние дожди вспучили реку, вода в ней поднялась, и рыба стала плохо ловиться: ушла на глубину.

Холодная изморось и тёмные волны на реке нагоняли тоску. Не хотелось даже выходить на улицу, не то что выплывать на реку. Заспались рыбаки, рассолодели от безделья, даже шутить перестали. Но вот подул с юга тёплый ветер и точно разгладил лица людей. Заскользили по реке лодки с упругими парусами. Ниже и ниже по Енисею спускалась бригада. Но уловы по-прежнему были малы.

— Нету нам нынче фарту, — ворчал Васюткин дедушка Афанасий. — Оскудел батюшко Енисей. Раньше жили, как Бог прикажет, и рыба тучами ходила. А теперь пароходы да моторки всю живность распугали. Придёт время — ерши да пескари и те переведутся, а об омуле, стерляди и осетре только в книжках будут читать.

Спорить с дедушкой — дело бесполезное, потому никто с ним не связывался.

Далеко ушли рыбаки в низовья Енисея и наконец остановились. Лодки вытащили на берег, багаж унесли в избушку, построенную несколько лет назад учёной экспедицией.

Григорий Афанасьевич, в высоких резиновых сапогах с отвёрнутыми голенищами и в сером дождевике, ходил по берегу и отдавал распоряжения.

Васютка всегда немного робел перед большим, неразговорчивым отцом, хотя тот никогда его не обижал.

— Шабаш, ребята! — сказал Григорий Афанасьевич, когда разгрузка кончилась. — Больше кочевать не будем. Так, без толку, можно и до Карского моря дойти.

Он обошёл вокруг избушки, зачем-то потрогал рукой углы и полез на чердак, подправил съехавшие в сторону пластишины корья[1] на крыше. Спустившись по дряхлой

[1] *Пласти́шины корья́* (пласты корья) — слои, или пласты, содранной с деревьев коры, которыми покрыта крыша избушки.

лестнице, он тщательно отряхнул штаны, высморкался и разъяснил рыбакам, что избушка подходящая, что в ней можно спокойно ждать осеннюю путину[1], а пока вести промысел паромами и перемётами. Лодки же, неводы, плавные сети и всю прочую снасть надобно как следует подготовить к большому ходу рыбы.

Потянулись однообразные дни. Рыбаки чинили неводы, конопатили лодки, изготовляли якорницы, вязали, смолили.

Раз в сутки они проверяли перемёты и спаренные сети — паромы, которые ставили вдали от берега.

Рыба в эти ловушки попадалась ценная: осётр, стерлядь, таймень, частенько налим, или, как его в шутку называли в Сибири, поселенец. Но это спокойный лов. Нет в нём азарта, лихости и того хорошего, трудового веселья, которое так и рвётся наружу из мужиков, когда они полукилометровым неводом за одну тоню[2] вытаскивают рыбы по нескольку центнеров.

Совсем скучное житьё началось у Васютки. Поиграть не с кем — нет товарищей, сходить некуда. Одно утешало: скоро начнётся учебный год, и мать с отцом отправят его в деревню. Дядя Коляда, старшина рыбосборочного бота, уже учебники новые из города привёз. Днём Васютка нет-нет да и заглянет в них от скуки.

Вечерами в избушке становилось людно и шумно. Рыбаки ужинали, курили, щёлкали орехи, рассказывали были и небылицы. К ночи на полу лежал толстый слой ореховой скорлупы. Трещала она под ногами, как осенний ледок на лужах.

Орехами рыбаков снабжал Васютка. Все ближние кедры он уже обколотил. С каждым днём приходилось забираться всё дальше и дальше в глубь леса. Но эта работа была не в тягость. Мальчишке нравилось бродить. Ходит себе по лесу один, напевает, иногда из ружья пальнёт.

---

[1] *Путина́* — сезон, во время которого производится промышленный лов рыбы.
[2] *Одна́ то́ня* — здесь: один улов.

Васютка проснулся поздно. В избушке одна мать. Дедушка Афанасий ушёл куда-то. Васютка поел, полистал учебники, оборвал листок календаря, с радостью отметил, что до первого сентября осталось всего девять дней.

Мать недовольно сказала:

— К ученью надо готовиться, а ты в лесу пропадаешь.

— Чего ты, мамка? Орехи кто-то должен добывать? Охота ведь рыбакам пощёлкать вечером.

— «Охота, охота»! Надо орехов, так пусть сами ходят. Привыкли парнишкой помыкать да сорить в избе.

Мать ворчит по привычке, потому что ей не на кого больше ворчать.

Когда Васютка с ружьём на плече и с патронташем на поясе, похожий на коренастого, маленького мужичка, вышел из избы, мать привычно строго напомнила:

— Ты от затесей[1] далеко не отходи — сгинешь. Хлеба взял ли с собой?

— Да зачем он мне? Каждый раз обратно приношу.

— Не разговаривай! На вот краюшку. Не задавит она тебя. Спокон веку так заведено, мал ещё таёжные законы переиначивать.

Тут уж с матерью не поспоришь. Таков старинный порядок: идёшь в лес — бери еду, бери спички.

Васютка покорно сунул краюшку в мешок и поспешил исчезнуть с глаз матери, а то ещё придерётся к чему-нибудь.

Весело насвистывая, шёл он по тайге, следил за пометами на деревьях и думал о том, что, наверное, всякая таёжная дорога начинается с затесей. Сделает человек зарубку на одном дереве, отойдёт немного, ещё топором тюкнет, потом ещё. За этим человеком пойдут другие люди; собьют каблуками мох с валежин, притопчут траву, ягодники, отпечатают следы в грязи — и получится тропинка. Лесные тропинки узенькие, извилистые, что морщинки на лбу дедушки Афанасия. Только иные тро-

[1] *За́теси* — зарубки, отметки на стволах деревьев, которые делаются для того, чтобы не потерять дорогу в тайге.

пинки зарастают со временем, а уж морщинки-то на лице едва ли зарастут.

Склонность к пространным рассуждениям, как у всякого таёжника, появилась и у Васютки. Он ещё долго думал бы о дороге и о всяких таёжных разностях, если бы не скрипучее кряканье где-то над головой.

«Кра-кра-кра!» — неслось сверху, будто тупой пилой резали крепкий сук.

Васютка поднял голову. На самой вершине старой взлохмаченной ели увидел кедровку. Птица держала в когтях кедровую шишку и орала во всё горло. Ей так же горласто откликались подруги. Васютка не любил этих нахальных птиц. Он снял с плеча ружьё, прицелился и щёлкнул языком, будто на спуск нажал. Стрелять он не стал. Ему уже не раз драли уши за попусту сожжённые патроны. Трепет перед драгоценным «припасом» (так называют сибирские охотники порох и дробь) крепко вбит в сибиряков отроду.

— «Кра-кра!» — передразнил Васютка кедровку и запустил в неё палкой.

Досадно было парню, что не может он долбануть птицу, даром что ружьё в руках. Кедровка перестала кричать, неторопливо ощипалась, задрала голову, и по лесу снова понеслось её скрипучее «кра!».

— Тьфу, ведьма проклятая! — выругался Васютка и пошёл.

Ноги мягко ступали по мху. На нём там и сям валялись шишки, попорченные кедровками. Они напоминали комочки сотов. В некоторых отверстиях шишек, как пчёлки, торчали орехи. Но пробовать их бесполезно. Удивительно чуткий клюв у кедровки: пустые орехи птица даже не вынимает из гнёздышка. Васютка поднял одну шишку, осмотрел её со всех сторон и покачал головой:

— Эх, и пакость же ты!

Бранился Васютка так: для солидности. Он ведь знал — кедровка — птица полезная: она разносит по тайге семена кедра.

«Васюткино озеро». *Худ. Е. Мешков*

Наконец Васютка облюбовал дерево и полез на него. Намётанным глазом он определил: там, в густой хвое, упрятались целые выводки смолистых шишек. Он принялся колотить ногами по разлапистым веткам кедра. Шишки так и посыпались вниз.

Васютка слез с дерева, собрал их в мешок. Потом оглядел окружающий лес и облюбовал ещё один кедр.

— Обобью и этот, — сказал он. — Тяжеловато будет, пожалуй, да ничего, донесу.

Вдруг впереди Васютки что-то сильно захлопало. Он вздрогнул от неожиданности и тут же увидел поднимаю-

щуюся с земли большую чёрную птицу. «Глухарь!» — догадался Васютка, и сердце его замерло. Стрелял он и уток, и куликов, и куропаток, но глухаря подстрелить ему ещё не доводилось.

Глухарь перелетел через мшистую поляну, вильнул между деревьями и сел на сухостоину. Попробуй подкрадись!

Мальчик стоял неподвижно и не спускал глаз с огромной птицы. Вдруг он вспомнил, что глухаря часто берут с собакой. Охотники рассказывали, что глухарь, сидя на дереве, с любопытством смотрит вниз, на заливающуюся лаем собаку, а порой и подразнивает её. Охотник тем временем незаметно подходит с тыла и стреляет.

Васютка же, как назло, не позвал с собой Дружка. Обругав себя шёпотом за оплошность, Васютка пал на четвереньки, затявкал, подражая собаке, и стал осторожно продвигаться вперёд. От волнения голос у него прерывался. Глухарь замер, с любопытством наблюдая эту интересную картину. Мальчик расцарапал себе лицо, порвал телогрейку, но ничего этого не замечал. Перед ним наяву глухарь!

...Пора! Васютка быстро встал на одно колено и попытался с маху посадить на мушку забеспокоившуюся птицу. Наконец унялась дрожь в руках, мушка перестала плясать, кончик её задел глухаря... тр-рах! — и чёрная птица, хлопая крыльями, повалилась вниз. Не коснувшись земли, она выправилась и полетела в глубь леса.

«Ранил!» — встрепенулся Васютка и бросился за подбитым глухарём.

Только теперь он догадался, в чём дело, и начал беспощадно корить себя:

— Мелкой дробью грохнул. А что ему мелкой-то? Он чуть не с Дружка!..

Птица уходила небольшими перелётами. Они становились всё короче и короче. Глухарь слабел. Вот он уже, не в силах поднять грузное тело, побежал.

«Теперь всё — догоню!» — уверенно решил Васютка и припустил сильнее. До птицы оставалось совсем недалеко.

Быстро скинув с плеча мешок, Васютка поднял ружьё и выстрелил. В несколько прыжков очутился возле глухаря и упал на него животом.

— Стоп, голубчик, стоп! — радостно бормотал Васютка. — Не уйдёшь теперь! Ишь какой прыткий! Я, брат, тоже бегаю — будь здоров!

Васютка с довольной улыбкой гладил глухаря, любуясь чёрными с голубоватым отливом перьями. Потом взвесил на руке. «Килограммов пять будет, а то и полпуда, — прикинул он и сунул птицу в мешок. — Побегу, а то мамка наподдаст по загривку».

Думая о своей удаче, Васютка, счастливый, шёл по лесу, насвистывая, пел, что на ум приходило.

Вдруг он спохватился: где же затеси? Пора уж им быть.

Он посмотрел кругом. Деревья ничем не отличались от тех, на которых были сделаны зарубки. Лес стоял неподвижно тихий в своей унылой задумчивости, такой же редкий, полуголый, сплошь хвойный. Лишь кое-где виднелись хилые берёзки с редкими жёлтыми листьями. Да, лес был такой же. И всё же от него веяло чем-то чужим...

Васютка круто повернул назад. Шёл он быстро, внимательно приглядываясь к каждому дереву, но знакомых зарубок не было.

— Фу ты, чёрт! Где же затеси? — сердце у Васютки сжалось, на лбу выступила испарина. — Всё этот глухарина! Понёсся, как леший, теперь вот думай, куда идти, — заговорил Васютка вслух, чтобы отогнать подступающий страх. — Ничего, сейчас посоображаю и найду дорогу. Та-ак... Почти голая сторона у ели — значит, в ту сторону север, а где ветвей больше — юг. Та-ак...

После этого Васютка пытался припомнить, на какой стороне деревьев сделаны зарубки старые и на какой — новые. Но этого-то он и не приметил. Затеси и затеси.

— Эх, дубина!

Страх начал давить ещё сильнее. Мальчик снова заговорил вслух:

— Ладно, не робей. Найдём избушку. Надо идти в одну сторону. На юг надо идти. У избушки Енисей поворот делает, мимо никак не пройдёшь. Ну вот, всё в порядке, а ты, чудак, боялся! — хохотнул Васютка и бодро скомандовал себе: — Шагом арш! Эть, два!

Но бодрости хватило ненадолго. Затесей всё не было и не было. Порой мальчику казалось, что он ясно видит их на тёмном стволе. С замирающим сердцем бежал он к дереву, чтобы пощупать рукой зарубку с капельками смолы, но вместо неё обнаруживал шершавую складку коры. Васютка уже несколько раз менял направление, высыпал из мешка шишки и шагал, шагал...

В лесу сделалось совсем тихо. Васютка остановился и долго стоял прислушиваясь. Тук-тук-тук, тук-тук-тук — билось сердце. Потом напряжённый до предела слух Васютки уловил какой-то странный звук. Где-то слышалось жужжание. Вот оно замерло и через секунду снова донеслось, как гудение далёкого самолета. Васютка нагнулся и увидел у ног своих истлевшую тушку птицы. Опытный охотник — паук растянул над мёртвой птичкой паутину. Паука уже нет — убрался, должно быть, зимовать в какое-нибудь дупло, а ловушки бросил. Попалась в него сытая, крупная муха-плевок и бьётся, бьётся, жужжит слабеющими крыльями. Что-то начало беспокоить Васютку при виде беспомощной мухи, влипшей в тенёта. И тут его будто стукнуло: да ведь он заблудился!

Открытие было настолько простым и потрясающим, что Васютка не сразу пришёл в себя.

Он много раз слышал от охотников страшные рассказы о том, как блуждают люди в лесу и погибают иногда, но представлял это совсем не так. Уж очень просто всё получилось. Васютка ещё не знал, что страшное в жизни часто начинается очень просто.

Оцепенение длилось до тех пор, пока Васютка не услышал какой-то таинственный шорох в глубине потемневшего леса. Он вскрикнул и бросился бежать. Сколько раз он спотыкался, падал, вставал и снова бежал, Васютка не знал. Наконец он заскочил в бурелом и начал с треском продираться сквозь сухие колючие ветви. Потом упал с валежин лицом вниз в сырой мох и замер. Отчаяние охватило его, и сразу не стало сил. «Будь что будет», — отрешённо подумал он.

В лес бесшумно, как сова, прилетела ночь. А с нею и холод. Васютка чувствовал, как стынет взмокшая от пота одежда.

«Тайга, наша кормилица, хлипких не любит!» — вспомнились ему слова отца и дедушки. И он стал припоминать всё, чему его учили, что знал из рассказов рыбаков и охотников. Перво-наперво надо развести огонь. Ладно, что спички захватил из дому.

Васютка обломал нижние сухие ветки у дерева, ощупью сорвал пучок сухого мха-бородача, искрошил мелко сучки, сложил всё в кучу и поджёг. Огонёк, покачиваясь, неуверенно пополз по сучкам. Мох вспыхнул — вокруг посветлело. Васютка подбросил ещё веток. Между деревьями зашарахались тени, темнота отступила подальше. Монотонно зудя, на огонь налетело несколько комаров — веселее с ними.

Надо было запастись на ночь дровами. Васютка, не щадя рук, наломал сучьев, приволок сухую валежину, выворотил старый пень. Вытащив из мешка краюшку хлеба, вздохнул и с тоской подумал: «Плачет, поди, мамка». Ему тоже захотелось плакать, но он переборол себя и, ощипав глухаря, начал перочинным ножиком потрошить его. Потом сгрёб костёр в одну сторону, на горячем месте выкопал ямку и положил туда птицу. Плотно закрыл её мхом, присыпал горячей землёй, золой, углями, сверху положил пылающие головни и подбросил дров.

Через час примерно он раскопал глухаря. От птицы шёл пар и аппетитный запах: глухарь упрел в собствен-

ном соку — охотничье блюдо! Но без соли какой же вкус! Васютка через силу глотал пресное мясо.

— Эх, дурило, дурило! Сколько этой соли в бочках на берегу! Что стоило горсточку в карман сыпануть! — укорял он себя.

Потом он вспомнил, что мешок, который он взял для шишек, был из-под соли, и торопливо вывернул его. Из уголков мешка он выковырял щепотку грязных кристалликов, раздавил их на прикладе ружья и через силу улыбнулся.

— Живём!

Поужинав, Васютка сложил остатки еды в мешок, повесил его на сук, чтобы мыши или кто-нибудь ещё не добрался до харчей, и принялся готовить место для ночлега.

Он перенёс в сторону костёр, убрал все угольки, набросал веток с хвоей, мху и лёг, накрывшись телогрейкой.

Снизу подогревало.

Занятый хлопотами, Васютка не так остро чувствовал одиночество. Но стоило лечь и задуматься, как тревога начала одолевать с новой силой. Заполярная тайга не страшна зверьём. Медведь здесь редкий житель. Волков нет. Змей — тоже. Бывает, встречаются рыси и блудливые песцы. Но осенью корма для них полно в лесу, и едва ли они могли позариться на Васюткины запасы. И всё-таки было жутко. Он зарядил одноствольную переломку, взвёл курок и положил ружьё рядом. Спать!

Не прошло и пяти минут, как Васютка почувствовал, что к нему кто-то крадётся. Он открыл глаза и замер: да, крадётся! Шаг, второй, шорох, вздох... Кто-то медленно и осторожно идёт по мху. Васютка боязливо поворачивает голову и неподалёку от костра видит что-то тёмное, большое. Сейчас оно стоит, не шевелится.

Мальчик напряжённо вглядывается и начинает различать вздетые к небу не то руки, не то лапы. Васютка не дышит: «Что это?» В глазах от напряжения рябит, нет

больше сил сдерживать дыхание. Он вскакивает, направляет ружьё на это тёмное:

— Кто такой? А ну подходи, не то садану картечью!

В ответ ни звука. Васютка ещё некоторое время стоит неподвижно, потом медленно опускает ружьё и облизывает пересохшие губы. «В самом деле, что там может быть?» — мучается он и ещё раз кричит:

— Я говорю, не прячься, а то хуже будет!

Тишина. Васютка рукавом утирает пот со лба и, набравшись храбрости, решительно направляется в сторону тёмного предмета.

— Ох, окаянный! — облегчённо вздыхает он, увидев перед собой огромный корень-выворотень. — Ну и трус же я! Чуть ума не лишился из-за этакой чепухи.

Чтобы окончательно успокоиться, он отламывает отростки от корневища и несёт их к костру.

Коротка августовская ночь в Заполярье. Пока Васютка управился с дровами, густая, как смоль, темнота начала редеть, прятаться в глубь леса. Не успела она ещё совсем рассеяться, а на смену ей уже выполз туман. Стало холоднее. Костёр от сырости зашипел, защёлкал, принялся чихать, будто сердился на волглую пелену, окутавшую всё вокруг. Комары, надоедавшие всю ночь, куда-то исчезли. Ни дуновения, ни шороха.

Всё замерло в ожидании первого утреннего звука. Что это будет за звук — неизвестно. Может быть, робкий свист пичужки или лёгкий шум ветра в вершинах бородатых елей и корявых лиственниц, может, застучит по дереву дятел или протрубит дикий олень.

Что-то должно родиться из этой тишины, кто-то должен разбудить сонную тайгу. Васютка зябко поёжился, придвинулся ближе к костру и крепко заснул, так и не дождавшись утренней весточки.

Солнце было уже высоко. Туман росою пал на деревья, на землю, мелкая пыль искрилась всюду.

«Где это я?» — изумлённо подумал Васютка. И, окончательно проснувшись, услышал оживлённую тайгу.

По всему лесу озабоченно кричали кедровки на манер базарных торговок. Где-то по-детски заплакала желна[1]. Над головой Васютки, хлопотливо попискивая, потрошили синички старое дерево. Васютка встал, потянулся и спугнул кормившуюся белку. Она, всполошённо цокая, пронеслась вверх по стволу ели, села на сучок и, не переставая цокать, уставилась на Васютку.

— Ну, чего смотришь? Не узнала? — с улыбкой обратился к ней Васютка.

Белка пошевелила пушистым хвостиком.

— А я вот заблудился. Понёсся сдуру за глухарём и заблудился. Теперь меня по всему лесу ищут, мамка ревёт... Не понимаешь ты ничего, толкуй с тобой! А то бы сбегала, сказала нашим, где я. Ты вон какая проворная! — Он помолчал и махнул рукой:

— Убирайся давай, рыжая, стрелять буду!

Васютка вскинул ружьё и выстрелил в воздух. Белка, будто пушинка, подхваченная ветром, метнулась и пошла считать деревья.

Проводив её взглядом, Васютка выстрелил ещё раз и долго ждал ответа. Тайга не откликалась. По-прежнему надоедливо, вразнобой горланили кедровки, неподалёку трудился дятел да пощёлкивали капли росы, осыпаясь с деревьев.

Патронов осталось десять штук. Стрелять Васютка больше не решился. Он снял телогрейку, кепку и, поплевав на руки, полез на дерево...

Тайга... Тайга... Без конца и края тянулась она во все стороны, молчаливая, равнодушная. С высоты она казалась огромным тёмным морем. Небо не обрывалось сразу, как это бывает в горах, а тянулось далеко-далеко, всё ближе прижимаясь к вершинам леса. Облака над головой были редкие, но чем дольше смотрел Васютка, тем они делались гуще, и наконец голубые проёмы исчезли совсем. Облака спрессованной ватой ложились на тайгу, и она растворялась в них.

Долго Васютка отыскивал глазами жёлтую полоску лиственника среди неподвижного зелёного моря (листвен-

[1] *Желна́* — лесная птица из семейства дятловых.

ничный лес обычно тянется по берегам реки), но кругом темнел сплошной хвойник. Видно, Енисей и тот затерялся в глухой, угрюмой тайге. Маленьким-маленьким почувствовал себя Васютка и закричал с тоской и отчаянием:

— Э-эй, мамка! Папка! Дедушка! Заблудился я!..

Голос его пролетел немного над тайгой и упал невесомо — кедровой шишкой на мох.

Медленно спустился Васютка с дерева, задумался, да так и просидел с полчаса. Потом встряхнулся, отрезал мяса и, стараясь не смотреть на маленькую краюшку хлеба, принялся жевать. Подкрепившись, он собрал кучу кедровых шишек, размял их и стал насыпать в карманы орехи. Руки делали своё дело, а в голове решался вопрос, один-единственный вопрос: «Куда идти?» Вот уже и карманы полны орехов, патроны проверены, к мешку вместо лямки приделан ремень, а вопрос всё ещё не решён. Наконец Васютка забросил мешок за плечо, постоял минутку, как бы прощаясь с обжитым местом, и пошёл строго на север. Рассудил он просто: в южную сторону тайга тянется на тысячи километров, в ней вовсе затеряешься. А если идти на север, то километров через сто лес кончится, начнётся тундра. Васютка понимал, что выйти в тундру — это ещё не спасение. Поселения там очень редки. Но ему хотя бы выбраться из лесу, который загораживает свет и давит своей угрюмостью.

Погода держалась всё ещё хорошая. Васютка боялся и думать о том, что с ним будет, если разбушуется осень. По всем признакам ждать этого осталось недолго.

Солнце пошло на закат, когда Васютка заметил среди однообразного мха тощие стебли травы. Он прибавил шагу. Трава стала попадаться чаще, и уже не отдельными былинками, а пучками. Васютка заволновался: трава растёт обычно вблизи больших водоёмов. «Неужели впереди Енисей?» — с наплывающей радостью думал Васютка. Заметив меж хвойных деревьев берёзки, осинки,

а дальше мелкий кустарник, он не сдержался, побежал и скоро ворвался в густые заросли черёмушника, ползучего тальника, смородинника. Лицо и руки жалила крапива, но Васютка не обращал на это внимания и, защищая рукой глаза от гибких ветвей, с треском продирался вперёд. Меж кустов мелькнул просвет.

Впереди берег... Вода! Не веря своим глазам, Васютка остановился. Так он простоял некоторое время и почувствовал, что ноги его вязнут. Болото! Болота чаще всего бывают у берегов озёр. Губы Васютки задрожали: «Нет, неправда! Бывают болота возле Енисея тоже». Несколько прыжков через чащу, крапиву, кусты — и вот он на берегу.

Нет, это не Енисей. Перед глазами Васютки небольшое унылое озеро, подёрнутое у берегов ряской.

Васютка лёг на живот, отгрёб рукой зелёную кашицу ряски и жадно припал губами к воде. Потом он сел, усталым движением снял мешок, начал было вытирать кепкой лицо и вдруг, вцепившись в неё зубами, навзрыд расплакался.

Заночевать решил Васютка на берегу озера. Он выбрал посуше место, натаскал дров, развёл огонь. С огоньком всегда веселее, а в одиночестве тем более. Обжарив на костре шишки, Васютка одну за другой выкатал их из золы палочкой, как печёную картошку. От орехов уже болел язык, но он решил: пока хватит терпения, не трогать хлеб.

Опускался вечер. Сквозь густые прибрежные заросли на воду падали отблески заката, тянулись живыми струями в глубину и терялись там, не достигая дна. Прощаясь с днём, кое-где с грустью тенькали синички, плакала сойка, стонали гагары. И всё-таки у озера было куда веселее, чем в гуще тайги. Но здесь ещё сохранилось много комаров. Они начали донимать Васютку. Отмахиваясь от них, мальчик внимательно следил за ныряющими на озере утками. Они были совсем не пуганы и плавали возле самого берега с хозяйским покрякиванием. Уток было

множество. Стрелять по одной не было никакого расчёта. Васютка, прихватив ружьё, отправился на мысок, вдававшийся в озеро, и сел на траву. Рядом с осокой, на гладкой поверхности воды, то и дело расплывались круги. Это привлекло внимание мальчика. Васютка взглянул в воду и замер: около травы, плотно, одна к другой, пошевеливая жабрами и хвостами, копошились рыбы. Рыбы было так много, что Васютку взяло сомнение: «Водоросли, наверное?» Он потрогал траву палкой. Косячки рыбы подались от берега и снова остановились, лениво работая плавниками.

Столько рыбы Васютка ещё никогда не видел. И не просто какой-нибудь озёрной рыбы — щуки там, сороги или окуня, — нет, по широким спинам и белым бокам он узнал пелядей, чиров, сигов. Это было удивительнее всего. В озере — белая рыба!

Васютка сдвинул густые брови, силясь что-то припомнить. Но в это время табун уток-свиязей отвлёк его от размышлений. Он подождал, пока утки поравняются с мысом, выделил пару и выстрелил. Две нарядные свиязи опрокинулись кверху брюшками и часто-часто задвигали лапками. Ещё одна утка, оттопырив крыло, боком уплывала от берега. Остальные всполошились и с шумом полетели на другую сторону озера. Минут через десять над водой носились табуны перепуганных птиц.

Пару подбитых уток мальчик достал длинной палкой, а третья успела уплыть далеко.

— Ладно, завтра достану!

Небо уже потемнело, в лес опускались сумерки. Середина озера напоминала сейчас раскалённую печку. Казалось, положи на гладкую поверхность воды ломтики картошки, они мигом испекутся, запахнет горелым и вкусным. Васютка проглотил слюну, ещё раз поглядел на озеро, на кровянистое небо и с тревогой проговорил:

— Ветер завтра будет. А вдруг ещё с дождём?

Он ощипал уток, зарыл их в горячие угли костра, лёг на пихтовые ветки и начал щёлкать орехи.

Заря догорала. В потемневшем небе стыли редкие неподвижные облака. Начали прорезаться звёзды. Показался маленький, похожий на ноготок, месяц. Стало светлее. Васютка вспомнил слова дедушки: «Вызвездило — к холоду!» — и на душе у него сделалось ещё тревожнее.

Чтобы отогнать худые мысли, Васютка старался думать сначала о доме, а потом ему вспомнилась школа, товарищи.

Васютка дальше Енисея ещё нигде не бывал и видел только один город — Игарку.

А много ли в жизни хотелось узнать и увидеть Васютке? Много. Узнает ли? Выберется ли из тайги? Затерялся в ней, точно песчинка. А что теперь дома? Там, за тайгой, люди словно в другом мире: смотрят кино, едят хлеб... Может, даже конфеты. Едят сколько угодно. В школе сейчас, наверное, готовятся встречать учеников. Над школьными дверями уже вывешен новый плакат, на котором крупно написано: «Добро пожаловать!»

Совсем приуныл Васютка. Жалко ему самого себя стало, начало донимать раскаяние. Не слушал вот он на уроках и в перемену чуть не на голове ходил...

— Эх, сейчас бы учительницу Ольгу Фёдоровну увидеть... — думал Васютка вслух.

Устал Васютка за день, но сон не шёл. Он подбросил в костёр дров, снова лёг на спину. Облака исчезли. Далёкие и таинственные, перемигивались звёзды, словно звали куда-то. Вот одна из них ринулась вниз, прочертила небо и растаяла. «Погасла звёздочка — значит, чья-то жизнь оборвалась», — вспомнил Васютка слова дедушки Афанасия.

Совсем горько стало Васютке.

«Может быть, увидели её наши?» — подумал он, натягивая на лицо телогрейку, и вскоре забылся беспокойным сном.

Проснулся Васютка поздно, от холода, и не увидел ни озера, ни неба, ни кустов. Опять кругом был клейкий,

неподвижный туман. Только слышались с озера громкие и частые шлепки: это играла и кормилась рыба.

Васютка встал, поёжился, раскопал уток, раздул угольки. Когда костёр разгорелся, он прогрел спину, потом отрезал кусочек хлеба, взял одну утку и принялся торопливо есть. Мысль, которая вчера вечером беспокоила Васютку, снова полезла в голову: «Откуда в озере столько белой рыбы?» Он не раз слышал от рыбаков, что в некоторых озёрах будто бы водится белая рыба, но озёра эти должны быть или были когда-то проточными. «А что, если?..»

Да, если озеро проточное и из него вытекает речка, она в конце концов приведёт его к Енисею. Нет, лучше не думать. Вчера вон обрадовался — Енисей, Енисей, — а увидел шиш болотный. Не-ет, уж лучше не думать.

Покончив с уткой, Васютка ещё полежал у огня, пережидая, когда уляжется туман. Веки склеивались. Но и сквозь тягучую, унылую дремоту пробивалось: «Откуда всё же взялась в озере речная рыба?»

— Тьфу, нечистая сила! — выругался Васютка. — Привязалась, как банный лист. «Откуда, откуда?» Ну, может, птицы икру на лапах принесли, ну, может, и мальков, ну, может... А, к лешакам всё! — Васютка вскочил и, сердито треща кустами, натыкаясь в тумане на валежины, начал пробираться вдоль берега. Вчерашней убитой утки на воде не обнаружил, удивился и решил, что её коршун утащил или съели водяные крысы.

Васютке казалось, что в том месте, где смыкаются берега, и есть конец озера, но он ошибся. Там был лишь перешеек. Когда туман растворился, перед мальчиком открылось большое, мало заросшее озеро, а то, возле которого он ночевал, было всего-навсего заливом — отголоском озера.

— Вот это да! — ахнул Васютка. — Вот где рыбищито, наверно... Уж здесь не пришлось бы зря сетями воду цедить. Выбраться бы, рассказать бы. — И, подбадри-

вая себя, он прибавил: — А что? И выйду! Вот пойду, пойду и...

Тут Васютка заметил небольшой комочек, плавающий у перешейка, подошёл поближе и увидел подбитую утку. Он так и обомлел: «Неужели моя? Как же её принесло сюда?!» Мальчик быстро выломал палку и подгрёб птицу к себе. Да, это была утка-свиязь с окрашенной в вишнёвый цвет головкой.

— Моя! Моя! — в волнении забормотал Васютка, бросая утку в мешок. — Моя уточка! — Его даже лихорадить начало. — Раз ветра не было, а утку отнесло, значит, есть тягун, озеро проточное!

И радостно, и как-то боязно было верить в это. Торопливо переступая с кочки на кочку, через бурелом, густые ягодники продирался Васютка. В одном месте почти из-под ног взметнулся здоровенный глухарь и сел неподалёку. Васютка показал ему кукиш:

— А этого не хочешь? Провалиться мне, если я ещё свяжусь с вашим братом!

Поднимался ветер.

Качнулись, заскрипели отжившие свой век сухие деревья. Над озером заполошной стаей закружились поднятые с земли и сорванные с деревьев листья. Застонали гагары, вещая непогоду. Озеро подёрнулось морщинами, тени на воде заколыхались, облака прикрыли солнце, вокруг стало хмуро, неуютно.

Далеко впереди Васютка заметил входящую в глубь тайги жёлтую бороздку лиственного леса. Значит, там речка. От волнения у него пересохло в горле. «Опять какая-нибудь кишка озёрная. Мерещится, и всё», — засомневался Васютка, однако пошёл быстрее. Теперь он даже боялся остановиться попить: что, если наклонится к воде, поднимет голову и не увидит впереди яркой бороздки?

Пробежав с километр по едва приметному бережку, заросшему камышом, осокой и мелким кустарником, Васютка остановился и перевёл дух. Заросли сошли на нет, а вместо них появились высокие обрывистые берега.

— Вот она, речка! Теперь уж без обмана! — обрадовался Васютка.

Правда, он понимал, что речушки могут впадать не только в Енисей, но и в какое-нибудь другое озеро, но он не хотел про это думать. Речка, которую он так долго искал, должна привести его к Енисею, иначе... он обессилеет и пропадёт. Вон, с чего-то тошнит...

Чтобы заглушить тошноту, Васютка на ходу срывал гроздья красной смородины, совал их в рот вместе со стебельками. Рот сводило от кислятины, и щипало язык, расцарапанный ореховой скорлупой.

Пошёл дождь. Сначала капли были крупные, редкие, потом загустело кругом, полилось, полилось... Васютка приметил пихту, широко разросшуюся среди мелкого осинника, и залёг под неё. Не было ни желания, ни сил шевелиться, разводить огонь. Хотелось есть и спать. Он отковырнул маленький кусочек от чёрствой краюшки и, чтобы продлить удовольствие, не проглотил его сразу, а начал сосать. Есть захотелось ещё сильнее. Васютка выхватил остатки горбушки из мешка, вцепился зубами и, плохо разжёвывая, съел всю.

Дождь не унимался. От сильных порывов ветра качалась пихта, стряхивая на воротник Васютки холодные капли воды. Они ползли по спине. Васютка скорчился, втянул голову в плечи. Веки его начали смыкаться, будто повесили на них тяжёлые грузила, какие привязывают к рыболовным сетям.

Когда он очнулся, на лес уже опускалась темнота, смешанная с дождём. Было всё так же тоскливо; сделалось ещё холоднее.

— Ну, зарядил, окаянный! — обругал Васютка дождь.

Он засунул руки в рукава, прижался плотнее к стволу пихты и снова забылся тяжёлым сном. На рассвете Васютка, стуча зубами от холода, вылез из-под пихты, подышал на озябшие руки и принялся искать сухие дрова. Осинник за ночь разделся почти донага. Будто тоненькие пластинки свёклы, на земле лежали тёмно-красные ли-

стья. Вода в речке заметно прибыла. Лесная жизнь примолкла. Даже кедровки и те не подавали голоса.

Расправив полы ватника, Васютка защитил от ветра кучу веток и лоскуток берёсты. Спичек осталось четыре штуки. Не дыша, он чиркнул спичку о коробок, дал огоньку разгореться в ладонях и поднёс к берёсте. Она стала корчиться, свернулась в трубочку и занялась. Потянулся хвостик чёрного дыма. Сучки, шипя и потрескивая, разгорались. Васютка снял прохудившиеся сапоги, размотал грязные портянки. Ноги издрябли и сморщились от сырости. Он погрел их, высушил сапоги и портянки, оторвал от кальсон тесёмки и подвязал ими державшуюся на трёх гвоздях подошву правого сапога.

Греясь возле костра, Васютка неожиданно уловил что-то похожее на комариный писк и замер. Через секунду звук повторился, вначале протяжно, потом несколько раз коротко.

«Гудок! — догадался Васютка. — Пароход гудит! Но почему же он слышится оттуда, с озера? А-а, понятно».

Мальчик знал эти фокусы тайги: гудок всегда откликается на ближнем водоёме. Но гудит-то пароход на Енисее! В этом Васютка был уверен. Скорей, скорей бежать туда! Он так заторопился, будто у него был билет на этот самый пароход.

В полдень Васютка поднял с реки табун гусей, ударил по ним картечью и выбил двух. Он спешил, поэтому зажарил одного гуся на вертеле, а не в ямке, как это делал раньше. Осталось две спички, кончались и Васюткины силы. Хотелось лечь и не двигаться. Он мог отойти метров на двести — триста от речки. Там, по редколесью, легче пробираться, но он боялся потерять речку из виду.

Мальчик брёл, почти падая от усталости. Неожиданно лес расступился, открыв перед Васюткой отлогий берег Енисея. Мальчик застыл. У него даже дух захватило — так красива, так широка была его родная река! А раньше она ему почему-то казалась обыкновенной и не очень приветливой. Он бросился вперёд, упал на край берега

и жадными глотками стал хватать воду, шлёпать по ней руками, окунать в неё лицо...

— Енисеюшко! Славный, хороший... — шмыгал Васютка носом и размазывал грязными, пропахшими дымом руками слёзы по лицу.

От радости Васютка совсем очумел. Принялся прыгать, подбрасывать горстями песок. С берега поднялись стаи белых чаек и с недовольными криками закружились над рекой. Так же неожиданно Васютка очнулся, перестал шуметь и даже несколько смутился, оглядываясь вокруг. Но никого и нигде не было, и он стал решать, куда идти: вверх или вниз по Енисею? Место было незнакомое. Мальчик так ничего и не придумал. Обидно, конечно: может быть, дом близко, в нём мать, дедушка, отец, еды сколько хочешь, а тут сиди и жди, пока кто-нибудь проплывёт, а плавают в низовьях Енисея не часто.

Васютка смотрит то наверх, то вниз по реке. Тянутся берега навстречу друг другу, хотят сомкнуться и теряются в просторе. Вон там, в верховьях реки, появился дымок. Маленький, будто от папиросы. Дымок становится всё больше и больше... Вот уж под ним обозначилась тёмная точка. Идёт пароход. Долго ещё ждать его. Чтобы как-то скоротать время, Васютка решил умыться. Из воды на него глянул парнишка с заострившимися скулами. От дыма, грязи и ветра брови стали темнее, а губы потрескались.

— Ну и дошёл же ты, друг! — покачал головой Васютка. — А что, если бы дольше пришлось бродить?

Пароход всё приближался и приближался. Васютка уже видел, что это не обыкновенный пароход, а двухпалубный пассажирский теплоход. Васютка силился разобрать надпись и, когда наконец ему это удалось, с наслаждением прочитал вслух:

— «Серго Орджоникидзе».

На теплоходе маячили тёмные фигурки пассажиров, Васютка заметался по берегу.

— Эй-эй, пристаньте! Возьмите меня! Э-эй!.. Слушайте!..

Кто-то из пассажиров заметил его и помахал рукой. Растерянным взглядом проводил Васютка теплоход.

— Эх вы-и, ещё капитанами называетесь! «Серго Орджоникидзе», а человеку помочь не хотите...

Васютка понимал, конечно, что за долгий путь от Красноярска капитаны видели множество людей на берегу, около каждого не наостанавливаешься — и всё-таки было обидно. Он начал собирать дрова на ночь.

Эта ночь была особенно длинной и тревожной. Васютке всё казалось, что кто-то плывёт по Енисею. То он слышал шлёпанье вёсел, то стук моторов.

Под утро он и в самом деле уловил равномерно повторяющиеся звуки: бут-бут-бут-бут... Так могла стучать только выхлопная труба рыбосборочного катера-бота.

— Неужели дождался? — Васютка вскочил, протёр глаза и закричал: — Стучит! — и опять прислушался и начал, приплясывая, напевать: — Вот стучит, стучит, стучит!..

Тут же опомнился, схватил свои манатки, побежал по берегу навстречу боту. Потом кинулся назад и стал складывать в костёр все припасённые дрова: догадался, что у костра его скорей заметят. Взметнулись искры, высоко поднялось пламя. Наконец из предрассветной мглы выплыл высокий неуклюжий силуэт бота.

Васютка неожиданно закричал:

— На боте! Э-эй, на боте! Остановитесь! Заблудился я! Э-эй! Дяденьки! Кто там живой? Э-эй, штурвальный!..

Он вспомнил про ружьё, схватил его и начал палить вверх: бах! Бах! Бах!

— Кто стреляет? — раздался гулкий, придавленный голос, будто человек говорил, не разжимая губ. Это в рупор спрашивали с бота.

— Да это я, Васька! Заблудился я! Пристаньте, пожалуйста! Пристаньте скорее!..

На боте послышались голоса, и мотор, будто ему сунули в горло паклю, заработал глуше. Раздался звонок,

из выхлопной трубы вылетел клуб огня. Мотор затарахтел с прежней силой: бот подрабатывал к берегу.

Но Васютка никак не мог этому поверить и выпалил последний патрон.

— Дяденька, не уезжайте! — закричал он. — Возьмите меня! Возьмите!..

От бота отошла шлюпка. Васютка кинулся в воду, побрёл навстречу, глотая слёзы и приговаривая:

— За-заблудился я-а, совсем заблудился-а...

Потом, когда втащили его в шлюпку, заторопился:

— Скорее, дяденьки, плывите скорее, а то уйдёт ещё бот-то! Вон вчера пароход только мелькнул...

— Ты, малый, шо, сказывся?! — послышался бас с кормы шлюпки, и Васютка узнал по голосу и смешному украинскому выговору старшину бота «Игарец».

— Дяденька Коляда! Это вы? А это я, Васька! — перестав плакать, заговорил мальчик.

— Який Васька?

— Да Шадринский, Григория Шадрина, рыбного бригадира, знаете?

— Тю-у! А як ты сюда попав?

И когда в тёмном кубрике, уплетая за обе щеки хлеб с вяленой осетриной, Васютка рассказал о своих похождениях, Коляда хлопал себя по коленям и восклицал:

— Ай, скажэнный хлопець! Та на шо тоби той глухарь сдався? Во налякав[1] ридну маты и батьку...

— Ещё и дедушку...

Коляда затрясся от смеха:

— Ой, шо б тоби! Он и дида вспомнил! Ха-ха-ха! Ну и бисова душа! Да знаешь ли ты, дэ тебя вынесло?

— Не-е-е.

— Шестьдесят километров ниже вашего стану.

— Ну-у?

— Оце тоби и ну! Лягай давай спать, горе ты моё гиркое...

[1] Испугал (*укр.*).

Васютка уснул на койке старшины, закутанный в одеяло и в одежду, какая имелась в кубрике.

А Коляда глядел на него, разводил руками и бормотал:

— Во, герой глухариный, спит соби, а батько с маткой с глузду зъихалы[1]...

Не переставая бормотать, он поднялся к штурвальному и приказал:

— На Песчаном острове и у Корасихи не будет остановки. Газуй прямо к Шадрину.

— Понятно, товарищ старшина, домчим хлопца мигом!

Подплывая к стоянке бригадира Шадрина, штурвальный покрутил ручку сирены. Над рекой пронёсся пронзительный вой. Но Васютка не слышал сигнала.

На берег спустился дедушка Афанасий и принял чалку с бота.

— Что это вы сегодня один-одинёшенек? — спросил вахтенный матрос, сбрасывая трап.

— Не говори, паря, — уныло отозвался дед. — Беда у нас, ой, беда!.. Васютка, внук-то мой, потерялся. Пятый день ищем. Ох-хо-хо, парнишка-то был какой, парнишка-то, шустрый, востроглазый!..

— Почему был? Рано ты собрался его хоронить! Ещё с правнуками понянчишься! — И, довольный тем, что озадачил старика, матрос с улыбкой добавил: — Нашёлся ваш пацан, в кубрике спит себе и в ус не дует.

— Чего это? — встрепенулся дед и выронил кисет, из которого зачерпывал трубкой табак. — Ты... ты, паря, над стариком не смейся. Откудова Васютка мог на боте взяться?

— Правду говорю, на берегу мы его подобрали! Он там такую полундру устроил — все черти в болото спрятались!

— Да не треплись ты! Где Васютка-то? Давай его скорей! Цел ли он?

— Це-ел. Старшина пошёл его будить.

[1] С ума сошли (*укр.*).

Дед Афанасий бросился было к трапу, но тут же круто повернул и засеменил вверх, к избушке:

— Анна! Анна! Нашёлся пескаришко-то! Анна! Где ты там? Скорее беги! Отыскался он...

В цветастом переднике, со сбившимся набок платком показалась Васюткина мать. Когда она увидела спускавшегося по трапу оборванного Васютку, ноги её подкосились. Она со стоном осела на камни, протягивая руки навстречу сыну.

...И вот Васютка дома! В избушке натоплено так, что дышать нечем. Накрыли его двумя стёганными одеялами, оленьей дохой да ещё пуховой шалью повязали.

Лежит Васютка на топчане разомлевший, а мать и дедушка хлопочут возле, простуду из него выгоняют. Мать натёрла его спиртом, дедушка напарил каких-то горьких, как полынь, корней и заставил пить это зелье.

— Может, ещё что-нибудь покушаешь, Васенька? — нежно, как у больного, спрашивает мать.

— Да, мам, некуда уж...

— А если вареньица черничного? Ты ведь его любишь?

— Если черничного, ложки две, пожалуй, войдёт.

— Ешь, ешь!

— Эх ты, Васюха, Васюха! — гладил его по голове дедушка. — Как же ты сплоховал? Раз уж такое дело, не надо было метаться. Нашли бы тебя скоро. Ну да ладно, дело прошлое. Му́ка — вперёд наука. Да-а, глухаря-то, говоришь, завалил всё-таки? Дело! Купим тебе новое ружьё на будущий год. Ты ещё медведя ухлопаешь. Помяни моё слово!

— Ни боже мой! — возмутилась мать. — Близко к избе вас с ружьём не подпущу. Гармошку, приёмник покупайте, а ружья — чтобы и духу не было!

— Пошли бабьи разговоры! — махнул рукой дедушка. — Ну, поплутал маленько парень. Так что теперь, потвоему, и в лес не ходить?

Дед подмигнул Васютке: дескать, не обращай внимания, будет новое ружьё — и весь сказ!

Мать хотела ещё что-то сказать, но на улице залаял Дружок, и она выбежала из избушки.

Из лесу, устало опустив плечи, в мокром дождевике, шёл Григорий Афанасьевич. Глаза его ввалились, лицо, заросшее щетиной, было мрачно.

— Напрасно всё, — отрешённо махнул он рукой. — Нету, пропал парень...

— Нашёлся! Дома он...

Григорий Афанасьевич минуту стоял растерянный, потом заговорил, сдерживая волнение:

— Ну а зачем реветь? Нашёлся — и хорошо. К чему мокреть-то разводить? Здоров он? — и, не дожидаясь ответа, отправился к избушке.

Мать остановила его:

— Ты уж, Гриша, не особенно строго с ним. Он и так лиха натерпелся. Порассказывал, так мурашки по коже...

— Ладно, не учи!

Григорий Афанасьевич зашёл в избу, поставил в угол ружьё, снял дождевик.

Васютка, высунув голову из-под одеяла, выжидательно и робко следил за отцом. Дед Афанасий, дымя трубкой, покашливал.

— Ну, где ты тут, бродяга? — повернулся к Васютке отец, и губы его тронула чуть заметная улыбка.

— Вот он я! — привскочил с топчана Васютка, заливаясь счастливым смехом. — Укутала меня мамка, как девчонку, а я вовсе не простыл. Вот пощупай, пап. — Он протянул руку отца к своему лбу.

Григорий Афанасьевич прижал лицо сына к животу и легонько похлопал по спине:

— Затараторил, варнак[1]! У-у-у, лихорадка болотная! Наделал ты нам хлопот, попортил крови!.. Рассказывай, где тебя носило?

— Он всё про озеро какое-то толкует, — заговорил дед Афанасий. — Рыбы, говорит, в нём видимо-невидимо.

— Рыбных озёр мы и без него знаем много, да не вдруг на них попадёшь.

[1] *Варна́к* — здесь: негодник.

— А к этому, папка, можно проплыть, потому что речка из него вытекает.

— Речка, говоришь? — оживился Григорий Афанасьевич. — Интересно! Ну-ка, ну-ка, рассказывай, что ты там за озеро отыскал?..

Через два дня Васютка, как заправский провожатый, шагал по берегу речки вверх, а бригада рыбаков на лодках поднималась следом за ним.

Погода стояла самая осенняя. Мчались куда-то мохнатые тучи, чуть не задевая вершины деревьев; шумел и качался лес; в небе раздавались тревожные крики птиц, тронувшихся на юг. Васютке теперь любая непогода нипочём. В резиновых сапогах и в брезентовой куртке, он держался рядом с отцом, приноравливаясь к его шагу, и наговаривал:

— Они, гуси-то, как взлетя-ат сразу все, а я ка-ак дам! Два на месте упали, а один ещё ковылял, ковылял и свалился в лесу, да я не пошёл за ним, побоялся от речки отходить.

На Васюткины сапоги налипли комья грязи, он устал, вспотел и нет-нет да и переходил на рысь, чтобы не отстать от отца.

— И ведь я их влёт саданул, гусей-то...

Отец не отзывался. Васютка посеменил молча и опять начал:

— А что? Влёт ещё лучше, оказывается, стрелять: сразу вон несколько ухлопал!

— Не хвались! — заметил отец и покачал головой. — И в кого ты такой хвастун растёшь? Беда!

— Да я не хвастаюсь: раз правда, так что мне хвалиться, — сконфуженно пробормотал Васютка и перевёл разговор на другое: — А скоро, пап, будет пихта, под которой я ночевал. Ох и продрог я тогда!

— Зато сейчас, я вижу, весь сопрел. Ступай к дедушке в лодку, похвались насчёт гусей. Он любитель байки слушать. Ступай, ступай!

Васютка отстал от отца, подождал лодку, которую тянули бечевой рыбаки. Они очень устали, намокли, и Ва-

сютка постеснялся плыть в лодке и тоже взялся за бечеву и стал помогать рыбакам.

Когда впереди открылось широкое, затерявшееся среди глухой тайги озеро, кто-то из рыбаков сказал:

— Вот и озеро Васюткино...

С тех пор и пошло: Васюткино озеро, Васюткино озеро.

Рыбы в нём оказалось действительно очень много. Бригада Григория Шадрина, а вскоре и ещё одна колхозная бригада переключились на озёрный лов.

Зимой у этого озера была построена избушка. По снегу колхозники забросили туда рыбную тару, соль, сети и открыли постоянный промысел.

На районной карте появилось ещё одно голубое пятнышко, с ноготь величиной, под словами «Васюткино оз.». На краевой карте это пятнышко всего с булавочную головку, уже без названия. На карте же нашей страны озеро это сумеет найти разве сам Васютка.

Может, видели вы на физической карте в низовьях Енисея пятнышки, будто небрежный ученик брызнул с пера голубыми чернилами? Вот где-то среди этих клякс очек и есть та, которую именуют Васюткиным озером.

Размышляем о прочитанном

1. Почему рассказ называется «Васюткино озеро»?
2. Что рассказывает писатель о рыбной ловле? Какая рыба попадалась в ловушки?
3. Как заблудился Васютка? Что помогло ему выжить, выйти из леса (смелость, смекалка, терпение, знание леса, другие качества)?
4. Какое время странствий в лесу оказалось для Васютки самым трудным и почему?
5. Что вспоминал Васютка? Как прислушивался к лесным звукам, о чём разговаривал с лесными жителями?
6. Почему взрослые рыбаки решили назвать озеро Васюткиным именем?
7. Какие иллюстрации вы нарисовали бы к этому рассказу?
8. Как начинается и как заканчивается рассказ «Васюткино озеро»? Как связаны начало и конец этого рассказа и какую роль играет их связь?

Литература и изобразительное искусство

Подберите текст из рассказа «Васюткино озеро» к иллюстрации Е. Мешкова, помещённой в учебнике.

Обогащаем свою речь

1. Обратите внимание на детали рассказа, например: почему мать настаивала, чтобы Васютка взял с собой краюшку хлеба?
   Что значат её слова: «На вот краюшку. Не задавит она тебя. Спокон веку так заведено, мал ещё таёжные законы переиначивать»?
   «Ему уже не раз драли уши за попусту сожжённые патроны. Трепет перед драгоценным „припасом“ (так называют сибирские охотники порох и дробь) крепко вбит в сибиряков отроду» — отчего был такой трепет? Что он означает?
   «Страх начал давить ещё сильнее. Мальчик снова заговорил вслух: „Ладно, не робей. Найдём избушку. Надо идти в одну сторону...“» Почему Васютка стал разговаривать вслух?
2. Объясните слова и включите их в пересказ текста: *холодная изморось, осётр, стерлядь, были, небылицы, хилые берёзки, затеси, белая рыба, шлюпка, бот, пацан, хлопец, варнак, рыбная тара.*
3. *Пошёл, ковыляя, передвигался, поплёлся...* — какие из этих слов вы часто используете в своей речи?
4. *Замёрз, продрог, окоченел...* — когда используется каждое из этих слов? Приведите примеры.
5. *Устал, притомился, изнемог...* — придумайте предложения с этими словами.

Творческое задание

Вспомните истории, которые происходили с вами в лесу. Расскажите об этом устно или письменно, используя запомнившиеся вам образные слова и выражения из текста рассказа «Васюткино озеро».

ЛИТЕРАТУРА XX—XXI ВЕКОВ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА ТЕМУ «ЧЕЛОВЕК НА ВОЙНЕ»

ПОЭТЫ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ (1941—1945)

Истинная поэзия всегда была голосом народа, выражала его чувства, мысли и чаяния, оплакивала утраты и воспевала победы.

Героическое прошлое нашей Родины отражено в фольклоре, литературе и искусстве позднейших эпох. Народ помнит своих легендарных стражей — Илью Муромца и Добрыню Никитича.

Судьба России сложилась так, что русскому народу пришлось не однажды защищать границы страны от захватчиков, посягавших на её свободу.

Особенно мощно патриотическая тема зазвучала в Отечественную войну 1812 года. Русская поэзия отразила важнейшие события этой войны — битвы за Смоленск и при Бородине, пожар Москвы и изгнание Наполеона. В стихотворении «Бородино» М. Ю. Лермонтова показано выдающееся по своему масштабу сражение, в котором солдаты и командиры объединились в единодушном порыве победить врага.

Поэтическая летопись Великой Отечественной войны 1941—1945 годов складывалась из стихотворений, поэм, песен М. В. Исаковского, А. А. Суркова, М. И. Алигер, О. Ф. Берггольц, А. Т. Твардовского, К. М. Симонова и других замечательных поэтов. В поэме «Василий Тёркин» А. Т. Твардовский с гордостью говорит:

Я счастлив жить, служить Отчизне,
Я за неё ходил на бой...

В послевоенные годы поэзия служит миру. Сразу же после окончания войны Твардовский в стихотворении «В час мира» обращается ко всем народам:

Все в мире сущие народы,
Благословите светлый час!
Отгрохотали эти годы,
Что на земле застали нас...

Среди многих произведений о Великой Отечественной войне достойное место принадлежит стихотворениям Александра Трифоновича Твардовского «Рассказ танкиста» и Константина Михайловича Симонова «Майор привёз мальчишку на лафете...», в которых рассказывается о подростках, ваших сверстниках — участниках военных событий. Познакомьтесь с ними. Подготовьте их выразительное чтение.

Обогащаем свою речь

Прочитайте синонимические пары слов на военную тему: *воспевать — хвалить; ратный — воинский; оплакивать — печалиться; воин — солдат.*
Какие из этих слов употребляются в торжественной стихотворной речи, какие — в обыденной речи?
Приведите примеры других синонимических пар слов торжественных, возвышенных и разговорных.

Александр Трифонович Твардовский
1910–1971

Рассказ танкиста

Был трудный бой. Всё нынче как спросонку,
И только не могу себе простить:
Из тысяч лиц узнал бы я мальчонку,
А как зовут, забыл его спросить.

Лет десяти — двенадцати. Бедовый,
Из тех, что главарями у детей,
Из тех, что в городишках прифронтовых
Встречают нас как дорогих гостей.

Машину обступают на стоянках,
Таскать им воду вёдрами — не труд,
Приносят мыло с полотенцем к танку
И сливы недозрелые суют...

Шёл бой за улицу. Огонь врага был страшен,
Мы прорывались к площади вперёд.
А он гвоздит — не выглянуть из башен,
И чёрт его поймёт, откуда бьёт.

Тут угадай-ка, за каким домишкой
Он примостился, — столько всяких дыр.
И вдруг к машине подбежал парнишка:
— Товарищ командир, товарищ командир!

«Вот солдаты идут...» *Худ. Ю. Непринцев*

Я знаю, где их пушка. Я разведал...
Я подползал, они вон там, в саду...
— Да где же, где?.. — А дайте я поеду
На танке с вами. Прямо приведу.

Что ж, бой не ждёт. — Влезай сюда, дружище!
И вот мы катим к месту вчетвером.
Стоит парнишка — мины, пули свищут,
И только рубашонка пузырём.

Подъехали. — Вот здесь. — И с разворота
Заходим в тыл и полный газ даём.
И эту пушку, заодно с расчётом[1],
Мы вмяли в рыхлый, жирный чернозём.

Я вытер пот. Душила гарь и копоть:
От дома к дому шёл большой пожар.
И, помню, я сказал: — Спасибо, хлопец! —
И руку, как товарищу, пожал...

Был трудный бой. Всё нынче как спросонку,
И только не могу себе простить:
Из тысяч лиц узнал бы я мальчонку,
Но как зовут, забыл его спросить.

Размышляем о прочитанном

1. Почему рассказчик не может себе простить, что забыл спросить мальчика, как его зовут?
2. В рассказе «Весной 1942 года» А. Т. Твардовский вспоминает о тех впечатлениях, которые произвела на него война: «Вряд ли я когда в жизни был так взволнован чем-либо подобным. Закат стоял над дорогой, широкой, укатанной, зимней, степной дорогой на выезде из деревни.
На необычайном, малиновом крае неба вставали густые синие и чёрные дымы деревни. И всё было так непередаваемо говоряще и значительно — степь, Россия, война, — что сжималось сердце и словно нечем было дышать».
Расскажите, какой показана война в воспоминаниях А. Твардовского о ней и в стихотворении «Рассказ танкиста».

[1] *Расчёт* — воинская группа, обслуживающая орудие, пулемёт и некоторые другие боевые средства.

Литература и изобразительное искусство

Что изображено на картине Ю. Непринцева? Как этот сюжет можно соотнести со стихотворением А. Твардовского «Рассказ танкиста»? Подготовьте устное сочинение по картине.

Фонохрестоматия ((((*Слушаем актёрское чтение*))))

А. Т. Твардовский. «Рассказ танкиста»

1. Вспомните стихотворение М. Ю. Лермонтова «Бородино». В нём тоже был рассказ о войне, о сражении. Похожи ли рассказчики в стихотворениях Лермонтова и Твардовского? Каким характером наделяет актёр своего танкиста? Каким вы его представляете себе: молодым, средних лет, весёлым, задорным, подвижным или степенным, неторопливым, основательным?
2. Как вы думаете, почему поэт в конце стихотворения вновь напоминает нам, что подвиг юного героя остался безымянным, имя парнишки так и осталось неизвестным?

Учимся читать выразительно

Подготовьте выразительное чтение стихотворения, постарайтесь при чтении передать характеры персонажей.

Совершенствуем свою речь

1. Объясните следующие строки и выражения:
   — *Всё нынче как спросонку...*
   — *Бедовый, из тех, что главарями у детей...*
   — *А он гвоздит — не выглянуть из башен...*
   — *...за каким домишкой он примостился...*
   — *...заходим в тыл и полный газ даём.*
   — *И эту пушку, заодно с расчётом,*
   Мы вмяли в рыхлый, жирный чернозём.
2. Расскажите о том, какое впечатление произвело на вас стихотворение А. Твардовского, используя слова и словосочетания из него.
3. Поговорите с вашими родственниками о любимых ими стихотворениях, песнях, частушках времён Великой Отечественной войны. Как вы думаете, почему песни военных лет остаются популярными и в мирное время?

Константин Михайлович Симонов

1915–1979

***

Майор привёз мальчишку на лафете.
Погибла мать. Сын не простился с ней.
За десять лет на том и этом свете
Ему зачтутся эти десять дней.

Его везли из крепости, из Бреста.
Был исцарапан пулями лафет.
Отцу казалось, что надёжней места
Отныне в мире для ребёнка нет.

Отец был ранен, и разбита пушка.
Привязанный к щиту, чтоб не упал,
Прижав к груди заснувшую игрушку,
Седой мальчишка на лафете спал.

Мы шли ему навстречу из России.
Проснувшись, он махал войскам рукой...
Ты говоришь, что есть ещё другие,
Что я там был и мне пора домой...

Ты это горе знаешь понаслышке,
А нам оно оборвало сердца.
Кто раз увидел этого мальчишку,
Домой прийти не сможет до конца.

Я должен видеть теми же глазами,
Которыми я плакал там, в пыли,
Как тот мальчишка возвратится с нами
И поцелует горсть своей земли.

За всё, чем мы с тобою дорожили,
Призвал нас к бою воинский закон.
Теперь мой дом не там, где прежде жили,
А там, где отнят у мальчишки он.

За тридевять земель, в горах Урала,
Твой мальчик спит. Испытанный судьбой,
Я верю: мы во что бы то ни стало
В конце концов увидимся с тобой.

Но если нет, когда наступит дата
Ему, как мне, идти в такие дни
Вслед за отцом, по праву, как солдата,
Прощаясь с ним, меня ты помяни.

Размышляем о прочитанном

1. Что поразило рассказчика и что он хочет сказать своим стихотворением?
2. Объясните следующие выражения:
   — *...седой мальчишка на лафете спал.*
   — *Ты это горе знаешь понаслышке, а нам оно оборвало сердца.*

Учимся читать выразительно

Подготовьте стихотворение к чтению в классе. При чтении следует передать торжественное и скорбное звучание произведения.

Фонохрестоматия ((((*Слушаем актёрское чтение*))))

К. М. Симонов. «Майор привёз мальчишку на лафете...»

1. Послушайте подряд два стихотворения — «Рассказ танкиста» А. Т. Твардовского и «Майор привёз мальчишку на лафете...» К. М. Симонова. Различаются ли ритм, тембр, эмоциональная окраска звучания этих произведений? Если различаются, то чем?
2. Как вы считаете, почему стихотворение К. М. Симонова написано торжественным слогом, каким было бы уместно писать клятву или присягу?

Валентин Петрович КАТАЕВ

1897–1986

Валентин Петрович Катаев родился в Одессе в семье учителя русского языка и литературы. Мать писателя была человеком, хорошо знавшим и тонко чувствующим музыку. Любовь отца к литературе и обширная библиотека родителей сделали своё дело — сыновья, старший Валентин и младший Евгений, стали писателями.

Литературные творческие способности Валентина Катаева проявились рано. Когда ему было 13 лет, в одной из одесских газет было напечатано его стихотворение «Осень».

В. П. Катаев стал автором большого количества литературных произведений. Он писал сказки и рассказы, повести и романы, пьесы и киносценарии. Его сказки «Цветик-семицветик», «Дудочка и кувшинчик» вы наверняка читали в младших классах, а возможно, видели мультфильмы, снятые по этим сказкам. Первым крупным прозаическим произведением писателя, принёсшим ему известность, стал роман «Белеет парус одинокий» о революционных событиях в Одессе и дружбе двух подростков Гаврика и Пети.

В годы Великой Отечественной войны В. П. Катаев был военным корреспондентом, его очерки, статьи и рассказы, написанные на передовых позициях различных фронтов, регулярно появлялись на страницах центральных газет. Самым известным произведением писателя из написанных во время войны стала повесть «Сын полка». В повести рассказывается о мальчике Ване Солнцеве, которого война сделала сиротой, а нашедшие его солдаты Красной армии — сыном полка.

?!

Проверьте себя

Вспомните содержание сказок В. П. Катаева «Цветик-семицветик», «Дудочка и кувшинчик». О чём эти сказки? Какова их главная мысль?

Сын полка

(фрагменты из повести)

Посвящается Жене
и Павлику Катаевым

Это многих славных путь.

Н. А. Некрасов

1

Была самая середина глухой осенней ночи. В лесу было очень сыро и холодно. Из чёрных лесных болот, заваленных мелкими коричневыми листьями, поднимался густой туман. <...>

И всюду, где только лес был пореже, лежали на земле белые холсты лунного света. <...>

Но меньше всего в этот глухой, мёртвый час думали о красоте полесской чащи три солдата, возвращавшиеся с разведки.

Больше суток провели они в тылу у немцев, выполняя боевое задание. А задание это заключалось в том, чтобы найти и отметить на карте расположение неприятельских сооружений.

Работа была трудная, очень опасная. Почти всё время пробирались ползком. Один раз часа три подряд пришлось неподвижно пролежать в болоте — в холодной, вонючей грязи, накрывшись плащ-палатками, сверху засыпанными жёлтыми листьями.

Обедали сухарями и холодным чаем из фляжек. <...>

...Обстановка требовала полной тишины. Нельзя было не только перебросить словечком — даже высморкаться или кашлянуть: каждый звук раздавался в лесу необыкновенно громко.

Луна тоже сильно мешала. Идти приходилось очень медленно, гуськом, метрах в тринадцати друг от друга, стараясь не попадать в полосы лунного света, и через каждые пять шагов останавливаться и прислушиваться.

Впереди пробирался старшой, подавая команду осторожным движением руки: поднимет руку над головой —

все тотчас останавливались и замирали; вытянет руку в сторону с наклоном к земле — все в ту же секунду быстро и бесшумно ложились; махнёт рукой вперёд — все двигались вперёд; покажет назад — все медленно пятились назад. <...>

Они вступили в самую опасную часть своего пути. <...>

Вдруг старшой остановился и поднял руку. В тот же миг другие тоже остановились, не спуская глаз со своего командира. <...>

Звук, который привлёк внимание сержанта Егорова — такова была фамилия старшого, — казался очень странным. <...>

Странный, тихий, ни на что не похожий прерывистый звук слышался где-то совсем недалеко, направо, за кустом можжевельника. Было похоже, что звук выходит откуда-то из-под земли. <...>

Тогда Егоров подал знак ложиться и лёг сам животом на листья, уже поседевшие от инея. Он взял в рот кинжал и пополз, бесшумно подтягиваясь на локтях, по-пластунски.

Через минуту он скрылся за тёмным кустом можжевельника, а ещё через минуту, которая показалась долгой, как час, разведчики услышали тонкое посвистывание. Оно обозначало, что Егоров зовёт их к себе. Они поползли и скоро увидели сержанта, который стоял на коленях, заглядывая в небольшой окопчик, скрытый среди можжевельника.

Из окопчика явственно слышалось бормотание, всхлипывание, сонные стоны. Без слов понимая друг друга, разведчики окружили окопчик и растянули руками концы своих плащ-палаток так, что они образовали нечто вроде шатра, не пропускавшего свет. Егоров опустил в окоп руку с электрическим фонариком.

Картина, которую они увидели, была проста и вместе с тем ужасна.

В окопчике спал мальчик.

Стиснув на груди руки, поджав босые, тёмные, как картофель, ноги, мальчик лежал в зелёной вонючей луже и тяжело бредил во сне. Его непокрытая голова, заросшая давно не стриженными, грязными волосами, была неловко откинута назад. Худенькое горло вздрагивало. Из провалившегося рта с обмётанными лихорадкой, воспалёнными губами вылетали сиплые вздохи.

Слышалось бормотание, обрывки неразборчивых слов, всхлипывание. Выпуклые веки закрытых глаз были нездорового, малокровного цвета. Они казались почти голубыми, как снятое молоко. Короткие, но густые ресницы слиплись стрелками. Лицо было покрыто царапинами и синяками. На переносице виднелся сгусток запёкшейся крови. <...>

Сон мальчика был так тяжёл, так глубок, душа его, блуждающая по мукам сновидений, была так далека от тела, что некоторое время он не чувствовал ничего: ни пристальных глаз разведчиков, смотревших на него сверху, ни яркого света электрического фонарика, в упор освещавшего его лицо.

Но вдруг мальчика как будто ударило изнутри, подбросило. Он проснулся, вскочил, сел. Его глаза дико блеснули. В одно мгновение он выхватил откуда-то большой отточенный гвоздь. Ловким, точным движением Егоров успел перехватить горячую руку мальчика и закрыть ему ладонью рот.

— Тише. Свои, — шёпотом сказал Егоров.

Только теперь мальчик заметил, что шлемы солдат были русские, автоматы — русские, плащ-палатки — русские, и лица, наклонившиеся к нему, — тоже русские, родные.

Радостная улыбка бледно вспыхнула на его истощённом лице. Он хотел что-то сказать, но сумел произнести только одно слово:

— Наши...

И потерял сознание. <...>

Командир батареи капитан Енакиев сидел на небольшой дощатой площадке, устроенной на верхушке сосны, между крепкими суками. <...>

Командир батареи капитан Енакиев и командир батальона капитан Ахунбаев были заняты очень срочным, очень важным и очень кропотливым делом: они ориентировали на местности свои карты, уточняя данные, доставленные артиллерийской разведкой. <...>

Но в это время внизу раздались голоса... и на площадку выскочил, тяжело дыша, молодой офицер... Это был офицер связи... Он стукнул шпорами, коротко бросил руку к козырьку, точно оторвал её с силой вниз, и подал капитану Енакиеву пакет.

— Приказ по полку... — сказал он строго, но не удержался и, ярко сверкнув карими глазами, взволнованно добавил: — ...о наступлении!

— Когда? — спросил Енакиев.

— В девять часов сорок пять минут. Сигнал — две ракеты синих и одна жёлтая. Там написано. <...>

— Лейтенант Седых! — сказал Енакиев.

— Я здесь, товарищ капитан.

— Вы слышали?

— Так точно.

— Командный пункт здесь. Связь между мной и всеми взводами — телефонная. При движении вперёд наращивать проволоку без малейшей задержки. От взводов не отрываться ни на одну секунду. В случае нарушения телефонной связи дублируйте по радио открытым текстом... Задача ясна?

— Так точно. <...>

Лейтенант Седых сошёл на одну ступеньку ниже, но остановился:

— Товарищ капитан, разрешите доложить. Совсем из головы выскочило. Как прикажете поступить с мальчиком? <...>

— Очухался малый?

— Будто ничего.

— Что же он рассказывает?

— Много чего говорит. Да вот сержант Егоров лучше знает. <...>

— Что там с вашим мальчиком? Как его самочувствие? Рассказывайте. <...>

— Дело известное, товарищ капитан, — сказал Егоров. — Отец погиб на фронте в первые дни войны. Деревню заняли немцы. Мать не хотела отдавать корову. Мать убили. Бабка и маленькая сестрёнка померли с голоду. Остался один. Потом деревню спалили. Пошёл с сумкой собирать куски. Где-то на дороге попался полевым жандармам. Отправили силком в какой-то ихний страшный детский изолятор. Там, конечно, заразился паршой, поймал чесотку, болел сыпным тифом — чуть не помер, но всё же кое-как сдюжил. Потом убежал. Почитай, два года бродил, прятался в лесах, всё хотел через фронт перейти. Да фронт тогда далеко был. Совсем одичал, зарос волосами. Злой стал. Настоящий волчонок. Постоянно с собой в сумке гвоздь отточенный таскал. Это он себе такое оружие выдумал. Непременно хотел этим гвоздём какого-нибудь фрица убить. А ещё в сумке у него мы нашли букварь. Рваный, потрёпанный. «Для чего тебе букварь?» — спрашиваем. «Чтобы грамоте не разучиться», — говорит. Ну что вы скажете!

— Сколько ж ему лет?

— Говорит, двенадцать, тринадцатый. Хотя на вид больше десяти никак не дать. Изголодался, отощал. Одна кожа да кости.

— Да, — задумчиво сказал капитан Енакиев. — Двенадцать лет. Стало быть, когда всё это началось, ему ещё девяти не было.

— С детства хлебнул, — сказал Егоров вздыхая.

Они помолчали, прислушиваясь к звукам артиллерийской перестрелки, которая стала заметно стихать, как это всегда бывает перед началом боя.

Скоро наступила напряжённая, обманчивая тишина.

— И что же, хороший паренёк? — спросил капитан Енакиев.

— Замечательный мальчишка! Шустрый такой, смышлёный! — воскликнул Егоров уже совсем по-домашнему.

Капитан нахмурился и отвернулся.

Был когда-то и у капитана Енакиева мальчик, сын Костя, правда, немного поменьше возрастом — теперь бы ему было семь лет. Были у капитана Енакиева молодая жена и мать. И всего этого он лишился в один день три года назад. <...> Они все трое погибли по дороге в Минск, в то страшное июньское утро сорок первого года, когда немецкие штурмовики налетели на беззащитных людей — стариков, женщин, детей, уходящих пешком по минскому шоссе от разбойников, ворвавшихся в родную страну. <...>

— Как его звать? — сказал капитан Енакиев. <...>

— Просто Ваня, — с весёлой готовностью ответил сержант Егоров, и его лицо расплылось в широкую, добрую улыбку. — И фамилия такая подходящая: Ваня Солнцев. <...>

— Приказываю отправить его в тыл. Нечего ему здесь болтаться... <...>

— Разрешите идти?

— Идите.

И в то время, когда сержант Егоров спускался по лестнице, из-за мутной стены дальнего леса медленно вылетела бледно-синяя звёздочка. Она ещё не успела погаснуть, как по её следу выкатилась другая синяя звёздочка, а за нею третья звёздочка — жёлтая.

— Батарея, к бою, — сказал капитан Енакиев негромко.

— Батарея, к бою! — крикнул звонко телефонист в трубку.

И это звонкое восклицание сразу наполнило зловеще притихший лес сотней ближних и дальних отголосков. <...>

Позавчера в сумерках Биденко и Горбунов вышли в разведку, взяв с собой Ваню. <...> У них было задание

как можно дальше проникнуть в расположение противника и разведать дороги, по которым в случае продвижения можно было бы наилучшим образом провести свою батарею через болота вперёд. <...>

Мальчика же они взяли с собой за проводника, потому что он отлично знал эту болотистую, труднопроходимую местность.

Впрочем, если бы Ваню к этому времени успели помыть в баньке, остричь и обмундировать, его бы вряд ли взяли в разведку. Но пастушку повезло. Неожиданно, как это всегда бывает на фронте, батарея была брошена из резерва прямо в бой. Опять всё смешалось. Тылы отстали. Ни о какой баньке пока не могло быть и речи. И Ваня передвигался со взводом управления в своём натуральном виде — заросший, нечёсаный, босой, с холщовой торбой, — настоящий деревенский пастушок.

Какому немцу, встретившему мальчика у себя в тылу, могло прийти в голову, что это неприятельский разведчик? В таком виде Ваня мог пройти куда угодно, не возбуждая никаких подозрений. Лучшего проводника и не придумаешь.

Кроме того, Ваня очень просился. Он так жалобно повторял: «Дяденька, возьмите меня с собой! Ну что вам стоит? Я здесь каждый кустик знаю. Я вас так проведу, что ни один немец не заметит. Вы мне только спасибо скажете. Дяденька!» <...>

Для того чтобы Ваня ещё больше походил на пастушонка и не имел подозрительного вида человека, шатающегося в немецком расположении без дела, была придумана лошадь. Мальчик должен был вести за собою лошадь, якобы убежавшую и теперь найденную.

Подходящую лошадь добыли у обозников во втором эшелоне полка. Это была старая раненая кляча серой масти, давно уже подлежавшая исключению из списков. Звали её Серко.

Ваня свил себе из верёвки настоящий пастушеский кнут, сделал для своего Серко верёвочный повод, и после

полуночи, ближе к рассвету, трое разведчиков — в их числе и Ваня со своей клячей — без особого труда перешли линию фронта. <...>

Пока Биденко и Горбунов сидели, спрятавшись где-нибудь в старом омёте или в кустарнике, Ваня уходил со своей клячей вперёд и осматривал местность, потом возвращался и крякал, давая знать, что путь свободен.

Так работать было гораздо удобнее и быстрее.

Ожидая Ваню, разведчики обычно не теряли времени даром. Они наносили на карту всё, что им удалось разведать по дороге. Добыча на этот раз была особенно богатой. Участок, отведённый батарее капитана Енакиева, был тщательно, толково разведан на всю глубину немецкой обороны. Оставалось только разведать небольшую болотистую речку и отметить на карте те места, где можно было наиболее скрыто переправить орудия на другой берег вброд. Это имело особенно важное значение в случае успешного прорыва немецкой обороны, это давало возможность капитану Енакиеву неожиданно, одним рывком, не теряя времени на разведку, по головному маршруту в надлежащий миг выбросить свои пушки далеко вперёд и громить отступающие немецкие колонны почти с тылу.

Но произвести эту сложную разведку днём — особенно найти подходящие броды, прощупать дно и измерить глубину реки — было невозможно. Надо было дожидаться ночи. <...> Так и сделали. Переночевали на лугу, а часа за два до рассвета Ваня взял за повод своего Серко и пошёл, как обычно, вперёд.

Биденко и Горбунов стали его дожидаться. До речки было недалеко, и, по их расчёту, Ваня должен был воротиться самое большее через час.

Но прошёл час, потом два, потом три, а Ваня не возвращался. Вместо него пришёл Серко один. Тогда разведчики поняли: с Ваней приключилась беда. Надо было идти на выручку. <...>

И разведчики поползли... в том направлении, куда ночью ушёл Ваня. В иных местах на топкой почве были ещё довольно ясно заметны следы его босых ног. <...>

Когда началось болото, следы вовсе пропали. Теперь двигались по компасу, в направлении речки. <...>

Берег речки хотя и был пуст, но внушал опасение. На поверхности ещё довольно яркого мокрого луга были видны многочисленные следы грузовиков. <...>

Было похоже, что где-то недалеко совсем недавно строили мост. Несомненно, мост был тут, только его скрывали камыши. Но раз был мост — значит, была и охрана. И этого следовало опасаться. Что же касается леса на противоположном берегу, то в нём явно стояла воинская часть или находились штабы: в нескольких местах над лесом подымались дымки, а в одном месте на опушке между корнями деревьев просматривалось какое-то инженерное сооружение, тщательно затянутое зелёной маскировочной сетью. <...>

Это было очень важное открытие, и разведчики напряжённо всматривались в местность, стараясь запомнить все подробности, для того чтобы позже, когда представится возможность, нанести их на карту по памяти.

Однако, как бы то ни было, дольше оставаться здесь было невозможно. Надо было поскорее уходить. Но они медлили. Разве могли они бросить товарища в беде и вернуться в часть без Вани! А с другой стороны, что они ещё могли сделать?

Вот они дошли до той речки, куда до них отправился мальчик. Вот они видят эту речку. Но что же дальше? <...>

Вдруг Биденко у самых своих глаз увидел на земле предмет, который чуть не заставил его крикнуть. Это был химический карандаш, тот самый маленький химический карандашик с маркой «Хим-уголь», который Биденко недавно подарил Ване и который Ваня постоянно таскал в своей торбе.

— Кузьма! — шёпотом сказал Биденко, показывая глазами на карандаш.

Горбунов посмотрел и ахнул. <...> Они увидели пучок белого конского волоса, повисший на сучке. Они увидели втоптанную в землю недокуренную немецкую сигарету. Они увидели целый ворох листьев, сбитых с поломанного куста. Наконец, они увидели немного подальше верёвочный кнут Вани.

Земля вокруг была истоптана, изрыта солдатскими сапогами, подбитыми железом.

Из всех этих подробностей перед ними вдруг встала страшная картина того, что здесь произошло несколько часов тому назад.

Теперь всё стало ясно. <...>

Именно тут, на том самом месте, где сейчас лежали Горбунов и Биденко, Ваню схватили немцы. Судя по всему, они схватили его внезапно и грубо. <...>

Ване Солнцеву было мало того, что его берут в разведку проводником... Его слишком горячее, ненасытное сердце требовало большего... Перед тем как отправиться в разведку, Ваня втайне от всех раздобыл себе компас. Как выяснилось потом, он его просто-напросто стащил у одного разведчика. Точнее сказать, он его потихоньку взял с койки, рассчитывая после разведки положить на прежнее место... Карандашик у Вани уже был. А вместо записной книжки он решил воспользоваться букварём. <...>

«Сын полка». *Худ. И. Гринштейн*

Во время разведки, дожидаясь Ваню, ушедшего вперёд, Горбунов и Биденко понятия не имели, чем без них занимался мальчик. Они думали, что он просто идёт со своей лошадкой, изучает местность, потом возвращается и докладывает, свободен ли путь.

Но Ваня... подражая разведчикам... вёл самостоятельные наблюдения. Сопя и прилежно наморщив лоб, он возился с компасом, устанавливая азимут. На полях своего букваря он... рисовал условными знаками дороги, рощи, реки, болота.

Именно за таким занятием и застал его немецкий комендантский патруль, когда он, расположившись со своим компасом и букварём в дубовом кустарнике, снимал план местности с речкой и новым мостом, который Ваня действительно разведал в камышах.

Нетрудно себе представить, что случилось потом.

Ваня сопротивлялся яростно и отчаянно. Но что мог поделать мальчик против двух солдат немецкого комендантского патруля?

Скрутив Ване за спину руки и толкая его прикладом, они повели его через новый мост, на гору, в лес.

Здесь они втолкнули его в глубокий, тёмный блиндаж и заперли.

Через некоторое время за Ваней пришёл солдат и отвёл его в другой блиндаж на допрос.

Блиндаж этот, над которым снаружи между стволами сосен висела растянутая маскировочная сеть, был просторный, тёплый и освещался электричеством. В углу мурлыкало радио.

Посередине, за длинным сосновым столом, вбитым в пол, сидели рядом мужчина и женщина.

Мужчина был немецкий офицер в тесном френче с просторным отложным воротником чёрного бархата, обшитым серебряным басоном, что придавало ему погребальный вид. <...> Офицер имел вид человека, крайне утомлённого бессонницей и раздражённого слишком ярким светом. <...>

Что касается женщины, то Ваня не мог понять, кто она такая, хотя почему-то сразу назвал её про себя «учительницей». <...>

Ваню поставили перед столом, и он тотчас увидел на столе свой компас и свой букварь, развёрнутый как раз на том месте, где он пытался нарисовать план местности с речкой, мостом и рощей, той самой рощей, где он теперь находился.

Женщина быстро надела очки — золотые очки с толстыми стёклами без оправы, — высморкалась в маленький кружевной платочек и сказала голосом учёного скворца на делано правильном русском языке:

— Поди сюда, мальчик, и отвечай на все мои вопросы. Ты меня понял? Я буду тебя спрашивать, а ты мне отвечай. Не так ли? Договорились?

Но Ваня плохо понимал, что ему говорят. В голове у него ещё гудело после драки с солдатами. В глазах было темновато. Скрученные за спиной руки набрякли и сильно болели в локтях. <...>

Ване развязали руки, но он молчал, бросая вокруг исподлобья быстрые взгляды.

— А теперь... — сказала немка, продолжая кротко показывать золотой зуб, — а теперь, мальчик, подойди к нам поближе. Не бойся нас. Мы только тебя будем спрашивать, а ты только будешь нам отвечать. Не так ли? Итак, скажи нам: кто ты таков, как тебя зовут, где ты живёшь, кто твои родители и зачем ты очутился в этом укреплённом районе?

Ваня угрюмо опустил глаза.

— Я ничего не знаю. Чего вы от меня хотите? Я вас не трогал, — сказал он, всхлипывая. — Я коня своего искал. Насилу нашёл. Целый день и целую ночь мотался. Заблудился. Сел отдохнуть. А ваши солдаты стали меня бить. Какое право?

— Ну-ну, мальчик. Не следует так грубо разговаривать. Солдаты исполняли свой долг и тоже немножко погорячились, не больше. Но мы хотим знать, кто ты таков, откуда, где твои родители — отец, матушка?

— Я сирота.

— О! Бедный ребёнок. Твои родители умерли, не так ли?

— Они не умерли. Их убили. Ваши же и убили, — сказал Ваня со страшной, застывшей улыбкой, смотря в толстую переносицу немки, на которой блестели мелкие капельки пота.

Немка засуетилась и стала вытирать платочком пористый нос.

— Да, да. Такова война, — быстро сказала немка. — Это очень печально, но не надо огорчаться. Тут никто не виноват. Везде много сирот. Бедный мальчик! Но ты не горюй. Мы дадим тебе образование и воспитание. Мы поместим тебя в детский дом. В хороший детский дом. А потом, возможно, в учебное заведение. Ты получишь основательную жизненную профессию. Ты этого хочешь? Не так ли?

— Фрау Мюллер, — с раздражением сказал офицер по-немецки желудочным сварливым голосом, нетерпеливо барабаня пальцами по веснушчатому лбу, — перестаньте разводить антимонию[1]. Это никому не интересно. Мне нужно знать, откуда у мерзавца компас и кто его послал снимать схему нашего укреплённого района. <...>

— Итак, скажи нам, мальчик, откуда ты получил этот компас?

— Нашёл.

— Ай-ай-ай! Нехорошо обманывать... Ты должен усвоить, что ложь унижает достоинство человека. <...> Можно подумать, что здесь компасы растут на земле, как грибы.

— Кто-нибудь потерял, а я нашёл. <...>

— Здесь есть только немецкие солдаты. У немецких солдат имеются немецкие компасы. А этот компас русского образца. Что ты на это скажешь, мальчик?

Ваня молчал, с досадой чувствуя, что совершил промах.

— Ну, как же это получилось?

---

[1] *Разводи́ть антимо́нии* — вести пустые, излишне долгие и отвлекающие от серьёзной темы разговоры; проявлять излишнюю мягкость.

— Не знаю. <...>

— Хорошо. Я тебе верю. Допустим — ты говоришь правду. Но в таком случае скажи: кто тебя научил рисовать такие прекрасные рисунки?

— Чего рисунки? Я не понимаю, про чего вы спрашиваете, — сказал Ваня тупо, утирая рукавом нос.

— Подойди-ка сюда. Поближе. Не бойся. Я ведь тебя не бью. Кому принадлежит эта книга?..

— Букварь-то?

— Да. Букварь. Чей он?

— Мой.

— А рисовал на нём кто?

— Чегой-то рисовал?

— Эй, мальчик, ты не прикидывайся! Кто делал эту схему?

— Которую схему? — снова захныкал Ваня. — Я не знаю никакой вашей схемы. Я потерял лошадь. Днём и ночью мотался. Отпустите меня, тётенька! Что я вам сделал?

— Иди сюда, говорю тебе! — крикнула немка, и её глаза в очках сделались резкими, как у галки.

Она схватила мальчика за плечо пальцами, твёрдыми, как щипцы, рванула к столу, ткнула носом в букварь:

— Вот это. Кто рисовал?

Что мог ответить Ваня? Улики были слишком очевидны. Молча, с побледневшим лицом Ваня смотрел на обтрепавшуюся страницу букваря, где поверх прописей и картинок была неумело, но довольно толково нарисована химическим карандашом схема реки с новым мостом и бродами. <...>

Ваня понял, что отпереться невозможно и он пропал.

— Кто это рисовал? — повторила немка голосом, задрожавшим, как сильно натянутая струна.

— Не знаю, — сказал Ваня.

— Ты не знаешь? — сказала немка, и лицо её сначала покрылось пятнами, а потом стало сплошь тёмно-розовое, как земляничное мыло.

И вдруг она, проворно схватив мальчика за уши своими железными пальцами, с силой повернула его лицо вверх:

— Открой рот. Я тебе приказываю! Сию же минуту открой рот и покажи язык!

Ваня понял и сжал зубы. Тогда немка стиснула его необыкновенно сильными, мускулистыми коленями, всунула ему за щёки указательные пальцы и стала, как крючками, раздирать ему рот.

Ваня вскрикнул от боли и на мгновение показал язык. Немка посмотрела на него и сказала весело:

— Теперь мы знаем!

Весь Ванин язык был в лиловом анилине, потому что, рисуя схему, он старательно слюнявил химический карандаш.

— Итак, мальчик, — сказала немка, брезгливо вытирая о вязаную юбку свои толстые красные пальцы, — мы тебя будем спрашивать, а ты нам отвечай. Не так ли? Кто тебя научил делать топографические схемы, где они находятся, эти люди, и как их найти? Ты меня понял? Ты получишь трёх опытных провожатых, и ты покажешь им дорогу.

— Я не знаю, про что вы меня спрашиваете, — сказал Ваня.

Мальчик стоял вплотную к столу. Он изо всех сил кусал губы. Его голова была упрямо опущена. С ресниц, как горошины, сыпались слёзы, падая на схему, нарисованную на пробеле страницы, между чёрной картинкой, изображающей топор, воткнутый в бревно, и красивой прописью в сетке косых линеек: «Рабы не мы. Мы не рабы».

— Говори, — тихо сказала немка и задышала носом.

— Не скажу, — ещё тише проговорил Ваня.

И в тот же миг он увидел, как рука офицера с тонким обручальным кольцом на пальце медленно сползла вниз, открыв веснушчатое лицо нездорового цвета, с остреньким красненьким носиком и крошечным старушечьим подбородком.

Глаза офицера Ваня заметить не успел, так как они вспыхнули, мелькнули и оглушительная пощёчина отбросила мальчика к стене.

Ваня стукнулся затылком о бревно, но упасть не успел. Его тотчас одним рывком бросили обратно к столу, и он получил вторую пощёчину, такую же страшную, как и первая. И снова ему не дали упасть. Он стоял, шатаясь, перед столом, и теперь на букварь из его носа капала кровь, заливая пропись: «Рабы не мы. Мы не рабы».

Перед глазами мальчика летали ослепительно-белые и ослепительно-чёрные значки, слипшиеся попарно. В ушах гудело, как будто он находился в пустом котле и по этому котлу снаружи били молотком. И Ваня услыхал голос, показавшийся ему страшно тихим и страшно далёким:

— Теперь ты скажешь?

— Тётенька, не бейте меня! — закричал мальчик, в ужасе закрывая голову руками.

— Теперь ты скажешь? — нежно повторил далёкий голос.

— Не скажу, — еле двигая губами, прошептал мальчик.

Новый удар отбросил его к стене, и больше уже ничего Ваня не помнил. Он не помнил, как два солдата волокли его из блиндажа и как немка кричала ему вслед:

— Подожди, мой голубчик! Ты у нас ещё заговоришь, после того как три дня не получишь воды и пищи.

Ваня очнулся в полной темноте от страшных ударов, трясших землю. Его подбрасывало, швыряло от стенки к стенке, качало. Сверху с сухим шорохом сыпался песок. То он бежал тонкими ручейками, то вдруг обваливался громадными массами. Ваня чувствовал на себе тяжесть песка. Он был уже полузасыпан. Он изо всех сил работал руками, пытаясь выкопаться. Он обдирал себе ногти. Он не знал, сколько времени был без сознания. Вероятно, довольно долго, потому что чувствовал голод, сильный до тошноты.

Он был насквозь прохвачен душной ледяной сыростью.

Его зубы стучали. Пальцы окоченели, еле разгибались. Голова ещё болела, но сознание было ясное, отчётливое.

Ваня понимал, что находится в том самом блиндаже, куда его заперли перед допросом, и что вокруг — бомбёжка.

С большим трудом, натыкаясь на трясущиеся стены, мальчик пополз отыскивать дверь. Он искал её долго и наконец нашёл. Но она была заперта снаружи, не поддавалась.

Вдруг совсем близко, над самой головой, раздался удар такой страшной силы, что мальчик на миг перестал слышать. Сверху, едва не стукнув его по голове, упало несколько брёвен.

Дощатая дверь, сорванная с петель, разбилась вдребезги. Сквозь раскиданные брёвна наката ярко ударил в глаза едкий дневной свет. Послышался слитный звук множества пулемётов, работающих совсем близко, как бы наперегонки.

Бомба, разметавшая блиндаж, где сидел Ваня, была последняя. В наступившей тишине отовсюду отчётливо слышалась машина боя, пущенная полным ходом. В её беспощадном, механическом шуме возвратившийся слух мальчика уловил нежный, согласный хор человеческих голосов, как будто бы где-то певших: «а-а-а-а-а!»

И в Ванином сознании повторилась фраза, уже однажды слышанная им у разведчиков: «Пошла царица полей в атаку».

По осыпавшимся, заваленным земляным ступенькам мальчик выбрался из блиндажа и припал к земле.

Он увидел лес, тот самый лес, в который его так недавно приволокли фашисты.

Тогда в этом лесу был полный порядок, спокойствие, тишина. <...> Теперь же этот удобно оборудованный немецкий штабной лес был изуродован до неузнаваемости. <...>

Со звуком, похожим на короткий свист хлыста, летели пули, сбивая кору и отрубая ветки.

Ваня тотчас понял, что немцы уже очистили лес, но наши ещё в него не вошли. <...> С сильно бьющимся сердцем, прижавшись к земле, Ваня ждал, когда же наконец покажутся свои. <...>

И вот они показались.

Первым был большой солдат в грязной, разорванной развевающейся плащ-палатке. <...>

И в тот же миг Ваня узнал солдата. Это был Горбунов. <...>

— Дядя Горбунов! — крикнул Ваня тонким голосом, стараясь перекричать шум боя.

И в ту же минуту глаза их встретились.

На лице Горбунова вспыхнула радостная улыбка — та, прежняя, широкая, артельная улыбка, открывшая щербатые зубы.

— Пастушок! Ванюшка! — крикнул Горбунов на весь лес своим богатырским, но вместе с тем и немного бабьим, высоким голосом. — Будь ты неладен! Гляди — жив! А я думал, ты и вовсе пропал. Друг ты мой сердечный, ну что ты скажешь! — говорил он, одним махом очутившись рядом с Ваней. — Ну, брат, задал ты нам заботу!

Он крепко обнял мальчика, прижал к себе, потом взял горячими руками за щёки и два раза поцеловал в губы жёсткими солдатскими губами.

Невероятное счастье испытал Ваня, почувствовав тепло его большого потного тела, распаренного боем.

Всё, что с ним происходит, казалось Ване сном, чудом. Ему хотелось ещё крепче прижаться к Горбунову, спрятаться под его плащ-палатку и так сидеть сколько угодно, хоть пять часов подряд. Но он вспомнил, что он солдат и что солдату не подобают такие глупости.

— Дядя Горбунов, — сказал он быстро, — тут в лесу есть один штабной блиндаж, где они меня допрашивали. Куда лучше, чем тот наш, с карбидной лампой. Раза в два больше.

— Да что ты говоришь?

— Честное батарейское. <...> И там у них ещё радио было. Всё время играло.

— Радио? Это нам очень надо, — засуетился Горбунов, почувствовав прилив хозяйственной деятельности. — А ну, где этот блиндаж, показывай! <...>

Они бросились к блиндажу.

Размышляем о прочитанном

1. Расскажите о том, что произошло с Ваней до того, как его нашли разведчики.
2. «Просто Ваня... и фамилия такая подходящая: Ваня Солнцев». Как вы думаете, почему автор именно так назвал своего героя?
3. Почему у Вани появилось желание непременно остаться у разведчиков?
4. Как вы объясните то, что разведчики не захотели отправлять Ваню в тыл?

5. Прочитайте повесть целиком и расскажите, как и почему Ваня всё же остался у разведчиков.
6. Почему Биденко и Горбунов решили взять Ваню в разведку?
7. Как разведчики догадались, что Ваню схватили фашисты?
8. Почему в сцене допроса писатель дважды обращает внимание читателя на страницу букваря с текстом: «Рабы не мы. Мы не рабы»?

Творческое задание

Почему В. П. Катаев назвал повесть «Сын полка», а не «Ваня Солнцев»? Напишите развёрнутый ответ на этот вопрос. В ответе используйте примеры (возможно, цитаты) из других произведений о детях на войне.

Обогащаем свою речь

Прочитайте повесть «Сын полка» полностью. Составьте план рассказа о Ване Солнцеве. Опираясь на составленный план, расскажите о судьбе Вани Солнцева дома своим родственникам.

Евгений Иванович НОСОВ

1925—2002

Евгений Иванович Носов принадлежит к поколению, которое пришло в литературу, опалённое огнём войны.

И. Баскевич

Евгений Иванович Носов родился в деревне Толмачёво Курской области. Будущий писатель учился в школе, когда началась Великая Отечественная война. Ему пришлось пережить тяжёлое и горькое время фашистской оккупации, а сразу же после освобождения Курской земли от захватчиков, не окончив средней школы, Носов ушёл на фронт, служил артиллеристом. Этапами его солдатского боевого пути были и форсирование Днепра, и сражение за Минск, и бои за освобождение польских городов. Под Кёнигсбергом, незадолго до Великой Победы Носов получил тяжелейшие ранения. Победу он встретил в госпитале. «К сентябрю 1945 года врачи кое-как заштопали, и я вернулся в школу, чтобы продолжить прерванную учёбу».

Двадцатилетний фронтовик в армейской гимнастёрке, с медалями на груди, сел за школьную парту. После окончания школы работал в газетах. «Судьба моя сложилась так, что я вошёл в литературу не через Литинститут, а с полевых дорог журналистики», — писал он в автобиографии. Несколько лет работал в Курской областной молодёжной газете «Молодая гвардия». На страницах газеты печатались не только репортажи, статьи, очерки, но и рассказы Носова.

В 1958 году в Курске вышла в свет первая книга рассказов писателя «На рыбачьей тропе». В отзывах на неё отмечалась мягкость в описании картин природы, «акварельность» пейзажей. Казалось бы, от писателя-фронтовика можно было ожидать рассказов о боях, подвигах, героических событиях, но Евгений Иванович Носов создал книгу о мирной послевоенной жизни, о повседневных делах и заботах современников. Он

с любовью описал неяркую среднерусскую природу... А тема войны в его произведениях звучала как тема памяти людей, переживших войну, всплывала при описании отношения молодого поколения к старшему, перенесшему военные испытания. Размышления о судьбе человека у Носова нерасторжимо связаны с описаниями природы и представлениями о смысле жизни, о том, как она может быть прожита. Так, в рассказе «Живое пламя» очень краткое по времени, но яркое, пламенное цветение мака напоминает матери погибшего в годы войны лётчика о том, как прожил жизнь и погиб её сын. Воспоминание это становится поводом для раздумий о жизни человека вообще: «А я как-то раньше без внимания к маку-то этому. Короткая у него жизнь. Зато без оглядки, в полную силу прожита. И у людей так бывает...»

Прочитайте рассказ Е. И. Носова «Живое пламя» и подготовьтесь к его обсуждению в классе по вопросам, предложенным в учебнике.

Живое пламя

Тётя Оля заглянула в мою комнату, опять застала за бумагами и, повысив голос, повелительно сказала:

— Будет писать-то! Поди проветрись, клумбу помоги разделать.

Тётя Оля достала из чулана берестяной короб. Пока я с удовольствием разминал спину, взбивая граблями влажную землю, она, присев на завалинку[1] и высыпав себе на колени пакетики и узелки с цветочными семенами, разложила их по сортам.

— Ольга Петровна, а что это, — замечаю я, — не сеете вы на клумбах маков?

— Ну, какой из мака цвет! — убеждённо ответила она. — Это овощ. Его на грядках вместе с луком и огурцами сеют.

— Что вы! — рассмеялся я. — Ещё в какой-то старинной песенке поётся:

[1] *Зава́линка* — земляная насыпь вдоль наружных стен дома.

А лоб у неё, точно мрамор, бел.
А щёки горят, будто маков цвет.

— Цветом он всего два дня бывает, — упорствовала Ольга Петровна. — Для клумбы это никак не подходит: пыхнул и сразу сгорел. А потом всё лето торчит эта самая колотушка, только вид портит.

Но я всё-таки сыпанул тайком щепотку мака на самую середину клумбы. Через несколько дней она зазеленела.

— Ты маков посеял? — подступилась ко мне тётя Оля. — Ах, озорник ты этакий! Так уж и быть, тройку оставила, тебя пожалела. А остальные все выполола.

Неожиданно я уехал по делам и вернулся только через две недели. После жаркой, утомительной дороги было приятно войти в тихий старенький домик тёти Оли. От свежевымытого пола тянуло прохладой. Разросшийся под окном жасминовый куст ронял на письменный стол кружевную тень.

— Квасу налить? — предложила она, сочувственно оглядев меня, потного и усталого. — Алёшка очень любил квас. Бывало, сам по бутылкам разливал и запечатывал.

Когда я снимал эту комнатку, Ольга Петровна, подняв глаза на портрет юноши в лётной форме, что висит над письменным столом, спросила:

— Не помешает?

— Что вы.

— Это мой сын Алексей. И комната была его. Ну, ты располагайся, живи на здоровье.

Подавая мне тяжёлую медную кружку с квасом, тётя Оля сказала:

— А маки твои поднялись, уже бутоны выбросили.

Я пошёл посмотреть на цветы. Клумба стояла неузнаваемой. По самому краю расстилался коврик, который своим густым покровом с разбросанными по нему цветами очень напоминал настоящий ковёр. Потом клумбу

опоясывала лента маттиол — скромных ночных цветков, привлекающих к себе не яркостью, а нежно-горьковатым ароматом, похожим на запах ванили. Пестрели куртинки[1] жёлто-фиолетовых анютиных глазок, раскачивались на тонких ножках пурпурно-бархатные шляпки парижских красавиц. Было много и других знакомых и незнакомых цветов. А в центре клумбы, над всей этой цветочной пестротой, поднялись мои маки, выбросив навстречу солнцу три тугих, тяжёлых бутона.

Распустились они на другой день.

Тётя Оля вышла поливать клумбу, но тотчас вернулась, громыхая пустой лейкой.

— Ну, иди смотри, зацвели.

Издали маки походили на зажжённые факелы с живыми, весело полыхающими на ветру языками пламени. Лёгкий ветер чуть колыхал, а солнце пронизывало светом полупрозрачные алые лепестки, отчего маки то вспыхивали трепетно-ярким огнём, то наливались густым багрянцем. Казалось, что, стоит только прикоснуться — сразу опалят!

Маки слепили своей озорной, обжигающей яркостью, и рядом с ними померкли, потускнели все эти парижские красавицы, львиные зевы и прочая цветочная аристократия.

Два дня буйно пламенели маки. А на исходе вторых суток вдруг осыпались и погасли. И сразу на пышной клумбе без них стало пусто.

Я поднял с земли ещё совсем свежий, в капельках росы, лепесток и расправил его на ладони.

— Вот и всё, — сказал я громко, с чувством ещё не остывшего восхищения.

— Да, сгорел... — вздохнула, словно по живому существу, тётя Оля. — А я как-то раньше без внимания к маку-то этому. Короткая у него жизнь. Зато без оглядки, в полную силу прожита. И у людей так бывает...

---

[1] *Куртúна* — обложенная дёрном гряда для цветочных культур.

Тётя Оля, как-то сгорбившись, вдруг заторопилась в дом.

Мне уже рассказывали о её сыне. Алексей погиб, спикировав на своём крошечном «ястребке» на спину тяжёлого фашистского бомбардировщика...

Я теперь живу в другом конце города и изредка заезжаю к тёте Оле. Недавно я снова побывал у неё. Мы сидели за летним столиком, пили чай, делились новостями. А рядом на клумбе полыхал большой ковёр маков. Одни осыпались, роняя на землю лепестки, точно искры, другие только раскрывали свои огненные языки. А снизу, из влажной, полной жизненной силы земли, подымались всё новые и новые туго свёрнутые бутоны, чтобы не дать погаснуть живому огню.

Размышляем о прочитанном

1. Что имела в виду тётя Оля, когда сказала: «Да, сгорел... Короткая у него жизнь. Зато без оглядки, в полную силу прожита. И у людей так бывает...»?
2. Как вы понимаете конец рассказа? Почему тётя Оля отдала предпочтение макам? Какие литературные приёмы использует автор, чтобы показать красоту короткой, но яркой жизни маков?
3. О чём этот рассказ Е. И. Носова и как можно объяснить его название?
4. Представьте себе клумбу с цветами, расскажите, какие цветы росли бы на ней. Какие цветы посадили бы вы на своей клумбе? Почему?

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ XIX–XXI ВЕКОВ НА ТЕМУ ДЕТСТВА

Владимир Галактионович КОРОЛЕНКО

1853–1921

В. Г. Короленко родился в Житомире в семье уездного судьи, известного кристальной честностью. Матери своей будущий писатель обязан впечатлительностью и религиозными чувствами. Детство прошло в Житомире и Ровно. В семье мирно уживались две религии, две национальности и три языка. Дети знали русский, польский и украинский языки, посещали православный и католический храмы. Окончив гимназию с серебряной медалью, Короленко приехал в Петербург и подал прошение о приёме в Технологический институт. Нужда заставляла перебиваться случайными заработками: рисованием географических карт, раскрашиванием ботанических атласов, корректурой и переводами. Материальные трудности вынудили его перебраться в Москву, где он был принят на первый курс лесного отделения Петровской академии. В 1878 году состоялась первая публикация заметки «Драка у Апраксина двора».

Современники не раз отмечали уникальность личности Короленко, называя его «нравственным гением», праведником русской литературы.

Проверьте себя

1. На каких трёх славянских языках свободно общались дети в семье Короленко?

2. Используя ресурсы Интернета, расскажи о В. Г. Короленко, подчеркнув уникальность, непохожесть на других и значительность личности писателя, о которых говорили его современники.

В дурном обществе[1]

I. Развалины

Моя мать умерла, когда мне было шесть лет. Отец, весь отдавшись своему горю, как будто совсем забыл о моём существовании. Порой он ласкал мою маленькую сестру Соню и по-своему заботился о ней, потому что в ней были черты матери. Я же рос, как дикое деревцо в поле, — никто не окружал меня особенною заботливостью, но никто и не стеснял моей свободы.

Местечко, где мы жили, называлось Княжье-Вено или, проще, Княж-городок...

Если вы подъезжаете к местечку с востока, вам прежде всего бросается в глаза тюрьма, лучшее архитектурное украшение города. Самый город раскинулся внизу, над сонными, заплесневевшими прудами. Серые заборы, пустыри с кучами всякого хлама понемногу перемежаются с подслеповатыми, ушедшими в землю хатками. Деревянный мост, перекинутый через узкую речушку, кряхтит, вздрагивая под колёсами, и шатается, точно дряхлый старик. Вонь, грязь, кучи ребят, ползающих в уличной пыли. Но вот ещё минута — и вы уже за городом. Тихо шепчутся берёзы над могилами кладбища, да ветер волнует хлеба на нивах и звенит унылою, бесконечною песней в проволоках придорожного телеграфа.

С севера и юга городок ограждался широкими водяными гладями и топями. Пруды год от году мелели, зарастали зеленью, и высокие, густые камыши волновались, как море, на громадных болотах. Посредине одного из прудов находится остров. На острове — старый, полу-

[1] Произведение публикуется в адаптированном (сокращённом) виде.

разрушенный замок. О нём ходили предания и рассказы один другого страшнее.

В западной стороне, на горе, среди истлевших крестов и провалившихся могил, стояла давно заброшенная часовня. У неё кое-где провалилась крыша, стены осыпались, и вместо гулкого медного колокола совы заводили в ней по ночам свои зловещие песни.

Было время, когда старый замок служил даровым убежищем всякому бедняку без малейших ограничений... Все эти бедняки терзали внутренности дряхлого здания, обламывая потолки и полы, топили печи, что-то варили и чем-то питались — вообще как-то поддерживали своё существование.

Однако настали дни, когда среди этого общества, ютившегося под кровом седых развалин, пошли раздоры. Старый Януш, бывший некогда одним из мелких графских служащих, выхлопотал себе нечто вроде звания управляющего и приступил к преобразованиям... Януш оставил в замке преимущественно бывших слуг или потомков слуг графского рода.

Привлечённые шумом и криками, которые во время этой революции неслись с острова, я и несколько моих товарищей пробрались туда и, спрятавшись за толстыми стволами тополей, наблюдали, как Януш во главе целой армии красноносых старцев и безобразных старух гнал из замка последних подлежавших изгнанию жильцов. Наступал вечер. Туча, нависшая над высокими вершинами тополей, уже сыпала дождиком. Какие-то несчастные тёмные личности, запахиваясь изорванными донельзя лохмотьями, жалкие и сконфуженные, совались по острову, точно кроты, выгнанные из нор мальчишками, стараясь вновь незаметно шмыгнуть в какое-нибудь из отверстий замка. Но Януш и старые ведьмы с криком и ругательствами гоняли их отовсюду, угрожая кочергами и палками, а в стороне стоял молчаливый будочник[1], тоже с увесистою дубиной в руках.

[1] *Бу́дочник* — полицейский.

...С того вечера и замок, и Януш явились передо мной в новом свете... Замок стал мне противен... Я не мог забыть холодной жестокости, с которой торжествующие жильцы замка гнали своих несчастных сожителей, а при воспоминании о тёмных личностях, оставшихся без крова, у меня сжималось сердце. Несчастные изгнанники нашли приют где-то на горе, около часовни, но как они ухитрились пристроиться там, никто не мог сказать в точности. Все видели только, что с той стороны, с гор и оврагов, окружавших часовню, спускались в город по утрам самые невероятные и подозрительные фигуры, которые в сумерки исчезали в том же направлении. Ходили слухи, что эти бедняки, окончательно лишённые всяких средств к жизни со времени изгнания из замка, составили дружное сообщество и занимались, между прочим, мелким воровством в городе и окрестностях.

Организатором и руководителем этого сообщества несчастливцев был пан Тыбурций Драб, самая замечательная личность из всех не ужившихся в старом замке.

...Наружность пана Тыбурция не имела в себе ничего аристократического[1]. Роста он был высокого, крупные черты лица были грубо выразительны. Короткие, слегка рыжеватые волосы торчали врозь; низкий лоб, несколько выдавшаяся вперёд нижняя челюсть и сильная подвижность лица напоминали что-то обезьянье; но глаза, сверкавшие из-под нависших бровей, смотрели упорно и мрачно, и в них светились вместе с лукавством острая проницательность, энергия и ум. В то время как на его лице сменялся целый ряд гримас, эти глаза сохраняли постоянно одно выражение, отчего мне всегда было безотчётно жутко смотреть на кривлянье этого странного человека. Под ним как будто струилась глубокая постоянная печаль.

Никто не знал, откуда у пана Тыбурция явились дети: мальчик лет семи, но рослый и развитый не по летам, и маленькая трёхлетняя девочка.

---

[1] *Аристократи́ческий* — здесь: свойственный аристократам (дворянской знати).

Мальчик по имени Ва́лек, высокий, тонкий, черноволосый, угрюмо шатался иногда по городу без особенного дела, заложив руки в карманы и кидая по сторонам взгляды, смущавшие калачниц[1]. Девочку видели только один или два раза на руках пана Тыбурция, а затем она куда-то исчезла, и где находилась — никому не было известно.

Поговаривали о каких-то подземельях на горе около часовни. Гора, изрытая могилами, пользовалась дурной славой. На старом кладбище в сырые осенние ночи загорались синие огни, а в часовне сычи кричали так пронзительно и звонко, что сжималось сердце...

II. Я и мой отец

С тех пор как умерла моя мать, а суровое лицо отца стало ещё угрюмее, меня очень редко видели дома. В последние летние вечера я прокрадывался по саду, как молодой волчонок, избегая встречи с отцом, отворял посредством особых приспособлений своё окно, полузакрытое густой зеленью сирени, и тихо ложился в постель. Если маленькая сестрёнка ещё не спала в своей качалке в соседней комнате, я подходил к ней, и мы тихо ласкали друг друга и играли, стараясь не разбудить ворчливую старую няньку.

А утром, чуть свет, когда в доме ещё спали, я уж прокладывал росистый след в густой, высокой траве сада, перелезал через забор и шёл к пруду, где меня ждали с удочками такие же сорванцы-товарищи, или к мельнице, где сонный мельник только что отодвинул шлюзы[2] и вода, чутко вздрагивая на зеркальной поверхности, кидалась в лотки[3] и бодро принималась за дневную работу...

Я шёл далее. Мне нравилось встречать пробуждение природы; я бывал рад, когда мне удавалось вспугнуть за-

---

[1] *Кала́чницы* — торговки калачами.

[2] *Шлю́зы* — здесь: ворота в плотине для пропуска воды.

[3] *Лото́к* — лопасть мельничного колеса.

спавшегося жаворонка или выгнать из борозды трусливого зайца. Капли росы падали с верхушек трясунки, с головок луговых цветов, когда я пробирался полями к загородной роще. Деревья встречали меня шёпотом ленивой дремоты.

Все меня звали бродягой, негодным мальчишкой и так часто укоряли в разных дурных наклонностях, что я наконец и сам проникся этим убеждением. Отец также поверил этому и делал иногда попытки заняться моим воспитанием, но попытки всегда кончались неудачей. При виде строгого и угрюмого лица, на котором лежала суровая печать неизлечимого горя, я робел и замыкался в себе. Я стоял перед ним, переминаясь, теребя свои штанишки, и озирался по сторонам. Временами что-то как будто подымалось у меня в груди, мне хотелось, чтоб он обнял меня, посадил к себе на колени и приласкал. Тогда я прильнул бы к его груди, и, быть может, мы вместе заплакали бы — ребёнок и суровый мужчина — о нашей общей утрате. Но он смотрел на меня отуманенными глазами, как будто поверх моей головы, и я весь сжимался под этим непонятным для меня взглядом.

— Ты помнишь матушку?

Помнил ли я её? О да, я помнил её! Я помнил, как, бывало, просыпаясь ночью, я искал в темноте её нежные руки и крепко прижимался к ним, покрывая их поцелуями. Я помнил её, когда она сидела больная перед открытым окном и грустно оглядывала чудную весеннюю картину, прощаясь с нею в последний год своей жизни.

И теперь часто, в глухую полночь, я просыпался, полный любви, которая теснилась в груди, переполняя детское сердце, просыпался с улыбкой счастья. И опять, как прежде, мне казалось, что она со мною, что я сейчас встречу её любящую, милую ласку.

Да, я помнил её!.. Но на вопрос высокого, угрюмого человека, в котором я желал, но не почувствовал родную душу, я съёживался ещё более и тихо выдёргивал из его руки свою ручонку.

И он отворачивался от меня с досадою и болью. Он чувствовал, что не имеет на меня ни малейшего влияния, что между нами стоит какая-то стена. Он слишком любил её, когда она была жива, не замечая меня из-за своего счастья. Теперь меня закрывало от него тяжёлое горе.

И мало-помалу пропасть, нас разделявшая, становилась всё шире и глубже... Порой, спрятавшись в кустах, я наблюдал за ним; я видел, как он шагал по аллеям, всё ускоряя походку, и глухо стонал от нестерпимой душевной муки. Тогда моё сердце загоралось жалостью и сочувствием. Один раз, когда, сжав руками голову, он присел на скамейку и зарыдал, я не вытерпел и выбежал из кустов на дорожку, повинуясь пламенному желанию кинуться на шею отцу. Но, услышав мои шаги, он сурово взглянул на меня и осадил холодным вопросом:

— Что нужно?

Мне ничего не было нужно. Я быстро отвернулся, стыдясь своего порыва, боясь, чтобы отец не прочёл его в моём смущённом лице. Убежав в чащу сада, я упал лицом в траву и горько заплакал от досады и боли.

С шести лет я испытывал уже ужас одиночества.

Сестре Соне было четыре года. Я любил её страстно, и она платила мне такою же любовью; но установившийся взгляд на меня, как на отпетого маленького разбойника, воздвиг и между нами высокую стену. Всякий раз, когда я начинал играть с нею, по-своему шумно и резво, старая нянька, вечно сонная и вечно дравшая, с закрытыми глазами, куриные перья для подушек, немедленно просыпалась, быстро схватывала мою Соню и уносила к себе, кидая на меня сердитые взгляды; в таких случаях она всегда напоминала мне всклоченную наседку, себя я сравнивал с хищным коршуном, а Соню — с маленьким цыплёнком. Мне становилось очень горько и досадно. Немудрено поэтому, что скоро я прекратил всякие попытки занимать Соню моими преступными играми, а ещё через некоторое время мне стало тесно в доме и

в садике, где я не встречал ни в ком привета и ласки. Я начал бродяжить.

Мне всё казалось, что где-то там, в этом большом и неведомом свете, за старою оградой сада, я найду что-то; казалось, что я что-то должен сделать и могу что-то сделать, но только не знал, что именно. Я притерпелся к упрёкам и выносил их, как выносил внезапно налетавший дождь или солнечный зной. Я хмуро выслушивал замечания и поступал по-своему. Шатаясь по улицам, я всматривался детски-любопытными глазами в незатейливую жизнь городка с его лачугами, вслушивался в гул проволок на шоссе, стараясь уловить, как вести несутся по ним из далёких больших городов, или в шелест колосьев, или в шёпот ветра на высоких гайдамацких могилах[1]...

Когда все углы города сделались мне известны до последних грязных закоулков, тогда я стал заглядываться на видневшуюся вдали, на горе, часовню. Мне захотелось осмотреть её всю, заглянуть внутрь, чтобы убедиться, что и там нет ничего, кроме пыли. Но так как одному было бы и страшно, и неудобно предпринимать подобную экскурсию, то я собрал на улицах города небольшой отряд из трёх сорванцов, привлечённых обещанием булок и яблоков из нашего сада.

III. Я приобретаю новое знакомство

Мы вышли в экскурсию после обеда. Солнце начинало склоняться к закату. Косые лучи мягко золотили зелёную мураву старого кладбища, играли на старых, покосившихся крестах, переливались в уцелевших окнах часовни. Было тихо, веяло спокойствием и глубоким миром брошенного кладбища.

Мы были одни; только воробьи возились кругом да ласточки бесшумно влетали и вылетали в окна старой часовни, которая стояла, грустно понурясь, среди поросших

[1] *Гайдама́цкие моги́лы* — могилы казаков, участников восстания против польских помещиков.

травою могил, скромных крестов, полуразвалившихся каменных гробниц, на развалинах которых стлалась густая зелень, пестрели разноцветные головки лютиков, кашки, фиалок.

Дверь часовни была крепко заколочена, окна — высоко над землёю; однако при помощи товарищей я надеялся взобраться на них и заглянуть внутрь часовни.

— Не надо! — вскрикнул один из моих спутников, вдруг потерявший всю свою храбрость, и схватил меня за руку.

— Пошёл ко всем чертям, баба! — прикрикнул на него старший из нашей маленькой армии, с готовностью подставляя спину.

Я храбро взобрался на неё, потом он выпрямился, и я стал на его плечи. В таком положении я без труда достал рукой раму и, убедясь в её крепости, поднялся к окну и сел на него.

— Ну, что же там? — спрашивали меня снизу с живым интересом.

Я молчал. Перегнувшись через косяк, я заглянул внутрь часовни. Внутренность высокого узкого здания была лишена всяких украшений. Лучи вечернего солнца, свободно врываясь в открытые окна, разрисовали ярким золотом старые, ободранные стены. Углы были затканы паутиной. От окна до пола казалось гораздо дальше, чем до травы снаружи. Я смотрел точно в глубокую яму и сначала не мог разглядеть каких-то предметов, еле выделявшихся на полу странными очертаниями.

Между тем моим товарищам надоело стоять внизу, ожидая от меня известий, и потому один из них, проделав то же, что и я раньше, повис рядом со мною, держась за оконную раму.

— Что там такое? — с любопытством указал он на тёмный предмет, видневшийся рядом с престолом[1].

— Поповская шапка.

— Нет, ведро.

[1] *Престóл* — высокий стол, стоящий в передней части церковного алтаря.

— Зачем же тут ведро?

— Может быть, в нём когда-то были угли для кадила[1].

— Нет, это действительно шапка. Впрочем, можно посмотреть. Давай привяжем к раме пояс, и ты по нём спустишься.

— Да, как же, так и спущусь!.. Полезай сам, если хочешь.

— Ну, что ж! Думаешь, не полезу?

— И полезай!

Действуя по первому побуждению, я крепко связал два ремня, задел их за раму и, отдав один конец товарищу, сам повис на другом. Когда моя нога коснулась пола, я вздрогнул; но взгляд на участливо склонившуюся ко мне рожицу моего приятеля восстановил мою бодрость. Стук каблука зазвенел под потолком, отдался в пустоте часовни, в её тёмных углах. Несколько воробьёв вспорхнули с насиженных мест на хорах[2] и вылетели в большую прореху в крыше.

Мне было жутко; глаза моего друга сверкали захватывающими дух любопытством и участием.

— Ты подойдёшь? — спросил он тихо.

— Подойду, — ответил я так же, собираясь с духом. Но в эту минуту случилось нечто совершенно неожиданное.

Сначала послышался стук и шум обвалившейся на хорах штукатурки. Что-то завозилось вверху, тряхнуло в воздухе тучею пыли, и большая серая масса, взмахнув крыльями, поднялась к прорехе в крыше. Часовня на мгновение как будто потемнела. Огромная старая сова, обеспокоенная нашей вознёй, вылетела из тёмного угла, мелькнула на фоне голубого неба в пролёте и шарахнулась вон.

Я почувствовал прилив судорожного страха.

— Подымай! — крикнул я товарищу, схватившись за ремень.

---

[1] *Кади́ло* — сосуд на цепочках, в который кладут на горячие угли душистую смолу; кадило употребляется во время богослужения.

[2] *Хо́ры* — галерея или балкон внутри церкви.

— Не бойся, не бойся! — успокаивал он, приготовляясь поднять меня на свет дня и солнца.

Но вдруг лицо его исказилось от страха; он вскрикнул и мгновенно исчез, спрыгнув с окна. Я инстинктивно[1] оглянулся и увидел странное явление, поразившее меня, впрочем, больше удивлением, чем ужасом.

Тёмный предмет нашего спора, шапка или ведро, оказавшийся в конце концов горшком, мелькнул в воздухе и на глазах моих скрылся под престолом. Я успел только разглядеть очертания небольшой, как будто детской руки.

Трудно передать мои ощущения в эту минуту. Чувство, которое я испытывал, нельзя даже назвать страхом. Откуда-то, точно из другого мира, в течение нескольких секунд доносился до меня быстрою дробью тревожный топот трёх пар детских ног. Но вскоре затих и он. Я был один, точно в гробу, в виду каких-то странных и необъяснимых явлений.

Времени для меня не существовало, поэтому я не мог сказать, скоро ли услышал я под престолом сдержанный шёпот:

— Почему же он не лезет назад?

— Видишь, испугался.

Первый голос показался мне совсем детским; второй мог принадлежать мальчику моего возраста. Мне показалось также, что в щели старого престола сверкнула пара чёрных глаз.

— Что же он теперь будет делать? — послышался опять шёпот.

— А вот погоди, — ответил голос постарше.

Под престолом что-то сильно завозилось, он даже как будто покачнулся, и в то же мгновение из-под него вынырнула фигура.

Это был мальчик лет девяти, больше меня, худощавый и тонкий, как тростинка. Одет он был в грязной рубашонке, руки держал в карманах узких и коротких шта-

[1] *Инстинкти́вно* — непроизвольно.

нишек. Тёмные курчавые волосы лохматились над чёрными задумчивыми глазами.

Хоть незнакомец, явившийся на сцену столь неожиданным и странным образом, подходил ко мне с тем беспечно-задорным видом, с каким всегда на нашем базаре подходили друг к другу мальчишки, готовые вступить в драку, но всё же, увидев его, я сильно ободрился. Я ободрился ещё более, когда из-под того же престола, или, вернее, из люка в полу часовни, который он покрывал, сзади мальчика показалось ещё грязное личико, обрамлённое белокурыми волосами и сверкавшее на меня детски-любопытными голубыми глазами.

Я несколько отодвинулся от стены и тоже положил руки в карманы. Это было признаком, что я не боюсь противника и даже отчасти намекаю на моё к нему презрение.

Мы стали друг против друга и обменялись взглядами. Оглядев меня с головы до ног, мальчишка спросил:

— Ты здесь зачем?

— Так, — ответил я. — Тебе какое дело?

Мой противник повёл плечом, как будто намереваясь вынуть руку из кармана и ударить меня.

Я не моргнул и глазом.

— Я вот тебе покажу! — погрозил он.

Я выпятился грудью вперёд.

— Ну, ударь... попробуй!..

Мгновение было критическое; от него зависел характер дальнейших отношений. Я ждал, но мой противник, окинув меня тем же испытующим взглядом, не шевелился.

— Я, брат, и сам... тоже... — сказал я, но уже более миролюбиво.

Между тем девочка, упёршись маленькими ручонками в пол часовни, старалась тоже выкарабкаться из люка. Она падала, вновь приподымалась и наконец направилась нетвёрдыми шагами к мальчишке. Подойдя вплоть, она крепко ухватилась за него и, прижавшись к нему,

«В дурном обществе». Валек и Маруся. *Худ. Г. Фитингоф*

поглядела на меня удивлённым и отчасти испуганным взглядом.

Это решило исход дела; стало совершенно ясно, что в таком положении мальчишка не мог драться, а я, конечно, был слишком великодушен, чтобы воспользоваться его неудобным положением.

— Как твоё имя? — спросил мальчик, гладя рукой белокурую головку девочки.

— Вася. А ты кто такой?

— Я Валек... Я тебя знаю: ты живёшь в саду над прудом. У вас большие яблоки.

— Да, это правда, яблоки у нас хорошие... Не хочешь ли?

Вынув из кармана два яблока, назначавшиеся для расплаты с моею постыдно бежавшей армией, я подал одно из них Валеку, другое протянул девочке. Но она скрыла своё лицо, прижавшись к Валеку.

— Боится, — сказал тот и сам передал яблоко девочке.

— Зачем ты влез сюда? Разве я когда-нибудь лазал в ваш сад? — спросил он затем.

— Что ж, приходи! Я буду рад, — ответил я радушно.

Ответ этот озадачил Валека; он призадумался.

— Я тебе не компания, — сказал он грустно.

— Отчего же? — спросил я, искренне огорчённый грустным тоном, каким были сказаны эти слова.

— Твой отец — пан судья.

— Ну так что же? — изумился я чистосердечно. — Ведь ты будешь играть со мной, а не с отцом.

Валек покачал головой.

— Тыбурций не пустит, — сказал он, и, как будто это имя напомнило ему что-то, он вдруг спохватился: — Послушай... ты, кажется, славный хлопец, но всё-таки тебе лучше уйти. Если Тыбурций тебя застанет, будет плохо.

Я согласился, что мне действительно пора уходить.

— Как же мне отсюда выйти?

— Я тебе укажу дорогу. Мы выйдем вместе.

— А она? — ткнул я пальцем в нашу маленькую даму.

— Маруся? Она тоже пойдёт с нами.

— Как, в окно?

Валек задумался.

— Нет, вот что: я тебе помогу взобраться на окно, а мы выйдем другим ходом.

С помощью моего нового приятеля я поднялся к окну. Отвязав ремень, я обвил его вокруг рамы и, держась за оба конца, повис в воздухе. Затем, опустив один конец, я спрыгнул на землю и выдернул ремень. Валек и Маруся ждали меня уже под стеной снаружи.

Солнце недавно ещё село за гору. Город утонул в лилово-туманной тени, и только верхушки высоких тополей на острове резко выделялись червонным золотом, разрисованные последними лучами заката.

— Как хорошо! — сказал я, охваченный свежестью наступающего вечера и вдыхая полной грудью влажную прохладу.

— Скучно здесь... — с грустью произнёс Валек.

— Вы все здесь живёте? — спросил я, когда мы втроём стали спускаться с горы.

— Здесь.

— Где же ваш дом?

Я не мог себе представить, чтобы дети могли жить без «дома».

Валек усмехнулся с обычным грустным видом и ничего не ответил.

Пройдя меж камышей по высохшему болоту и переправившись через ручеёк по тонким дощечкам, мы очутились у подножия горы, на равнине.

Тут надо было расстаться. Пожав руку моему новому знакомому, я протянул её также и девочке. Она ласково подала мне свою крохотную ручонку и, глядя снизу вверх голубыми глазами, спросила:

— Ты придёшь к нам опять?

— Приду, — ответил я, — непременно!..

— Что же, — сказал в раздумье Валек, — приходи, пожалуй, только в такое время, когда наши будут в городе.

— Хорошо. Я посмотрю, когда они будут в городе, и тогда приду. А пока прощайте!

— Эй, послушай-ка! — крикнул мне Валек, когда я отошёл на несколько шагов. — А ты болтать не будешь о том, что был у нас?

— Никому не скажу, — ответил я твёрдо.

— Ну вот, это хорошо! А этим твоим дуракам, когда станут приставать, скажи, что видел чёрта.

— Ладно, скажу.

— Ну, прощай.

— Прощай.

Густые сумерки залегли над Княжьим-Веном, когда я приблизился к забору своего сада. Над замком зарисовался тонкий серп луны, загорелись звёзды. Я хотел уже подняться на забор, как кто-то схватил меня за руку.

— Вася, друг! — заговорил взволнованным шёпотом мой бежавший товарищ. — Как же это ты?.. Голубчик!..

— А вот, как видишь... А вы все меня бросили!..

Он потупился, но любопытство взяло верх над чувством стыда, и он спросил опять:

— Что же там было?

— Что! — ответил я тоном, не допускавшим сомнения. — Разумеется, черти... А вы — трусы.

И, отмахнувшись от сконфуженного товарища, я полез на забор.

IV. Знакомство продолжается

С этих пор я весь был поглощён моим новым знакомством. Вечером, ложась в постель, и утром, вставая, я

только и думал о предстоящем визите[1] на гору. По улицам города я шатался теперь с исключительною целью — высмотреть, тут ли находится вся компания, которую Януш характеризовал словами «дурное общество»; и, если тёмные личности шныряли по базару, я тотчас же бегом отправлялся через болото, на гору, к часовне, предварительно наполнив карманы яблоками, которые мог рвать в саду без запрета, и лакомствами, которые я сберегал всегда для своих новых друзей.

Валек, вообще очень солидный и внушавший мне уважение своими манерами взрослого человека, принимал эти приношения просто и по большей части откладывал куда-нибудь, приберегая для сестры, но Маруся всякий раз всплёскивала ручонками, и глаза её загорались огоньком восторга; бледное лицо девочки вспыхивало румянцем, она смеялась, и этот смех нашей маленькой приятельницы отдавался в наших сердцах, вознаграждая за конфеты, которые мы жертвовали в её пользу.

Это было бледное, крошечное создание, напоминавшее цветок, выросший без лучей солнца. Несмотря на свои четыре года, она ходила ещё плохо, неуверенно ступая кривыми ножками и шатаясь, как былинка; руки её были тонки и прозрачны; головка покачивалась на тонкой шее, как головка полевого колокольчика; глаза смотрели порой так не по-детски грустно и улыбка так напоминала мне мою мать в последние дни, когда она, бывало, сидела против открытого окна и ветер шевелил её белокурые волосы, что мне становилось самому грустно и слёзы подступали к глазам.

Я невольно сравнивал её с моей сестрой; они были в одном возрасте, но моя Соня была кругла, как пышка, и упруга, как мячик. Она так резво бегала, когда, бывало, разыграется, так звонко смеялась, на ней всегда были такие красивые платья, и в тёмные косы ей каждый день горничная вплетала алую ленту.

---

[1] *Визи́т* — посещение.

А моя маленькая приятельница почти никогда не бегала и смеялась очень редко; когда же смеялась, то смех её звучал, как самый маленький серебряный колокольчик, которого на десять шагов уже не слышно. Платье её было грязно и старо, в косе не было лент, но волосы у неё были гораздо больше и роскошнее, чем у Сони, и Валек, к моему удивлению, очень искусно умел заплетать их, что и исполнял каждое утро.

Я был большой сорванец. В первые же дни я внёс своё оживление и в общество моих новых знакомых. Едва ли эхо старой часовни повторяло когда-нибудь такие громкие крики, как в то время, когда я старался расшевелить и завлечь в свои игры Валека и Марусю. Однако это удавалось плохо. Валек серьёзно смотрел на меня и на девочку, и раз, когда я заставил её бегать со мной взапуски, он сказал:

— Нет, она сейчас заплачет.

Действительно, когда я растормошил её и заставил бежать, Маруся, заслышав мои шаги, вдруг повернулась ко мне, подняв ручонки над головой, точно для защиты, посмотрела на меня беспомощным взглядом захлопнутой пташки и громко заплакала.

Я совсем растерялся.

— Вот, видишь, — сказал Валек, — она не любит играть.

Он усадил её на траву, нарвал цветов и кинул ей; она перестала плакать и тихо перебирала растения, что-то говорила, обращаясь к золотистым лютикам, и подносила к губам синие колокольчики. Я тоже присмирел и лёг рядом с Валеком около девочки.

— Отчего она такая? — спросил я наконец, указывая глазами на Марусю.

— Невесёлая? — переспросил Валек и затем сказал тоном совершенно убеждённого человека: — А это, видишь ли, от серого камня.

— Да-а, — повторила девочка, точно слабое эхо, — это от серого камня.

— Серый камень высосал из неё жизнь, — пояснил опять Валек, по-прежнему смотря на небо. — Так говорит Тыбурций... Тыбурций хорошо знает.

— Да-а, — опять повторила тихим эхом девочка, — Тыбурций всё знает.

Я ничего не понимал в этих загадочных словах, убеждение Валека, что Тыбурций всё знает, произвело и на меня своё действие. Я приподнялся на локте и взглянул на Марусю. Она сидела в том же положении, в каком усадил её Валек, и всё так же перебирала цветы; движения её тонких рук были медленны; глаза выделялись глубокою синевой на бледном лице; длинные ресницы были опущены. При взгляде на эту крохотную грустную фигурку мне стало ясно, что в словах Тыбурция, хотя я и не понимал их значения, заключается горькая правда. Несомненно, кто-то высасывает жизнь из этой странной девочки, которая плачет тогда, когда другие на её месте смеются. Но как же может сделать это серый камень?

Это было для меня загадкой, страшнее всех призраков старого замка. Что-то бесформенное, неумолимое, твёрдое и жёсткое, как камень, склонялось над маленькой головкой, высасывая из неё румянец, блеск глаз и живость движений. «Должно быть, это бывает по ночам», — думал я, и чувство щемящего до боли сожаления сжимало мне сердце.

Под влиянием этого чувства я тоже умерил свою резвость. Применяясь к тихой солидности нашей дамы, оба мы с Валеком, усадив её где-нибудь на траве, собирали для неё цветы, разноцветные камешки, ловили бабочек, иногда делали из кирпичей ловушки для воробьёв. Иногда же, растянувшись около неё на траве, смотрели в небо, как плывут облака высоко над лохматою крышей старой часовни, рассказывали Марусе сказки или беседовали друг с другом.

Эти беседы с каждым днём всё больше закрепляли нашу дружбу с Валеком, которая росла, несмотря на резкую противоположность наших характеров. Моей поры-

вистой резвости он противопоставлял грустную солидность и внушал мне почтение независимым тоном, с каким отзывался о старших. Кроме того, он часто сообщал мне много нового, о чём я раньше и не думал.

Слыша, как он отзывается о Тыбурции, точно о товарище, я спросил:

— Тыбурций тебе отец?

— Должно быть, отец, — ответил он задумчиво.

— Он тебя любит?

— Да, любит, — сказал он уже гораздо увереннее. — Он постоянно обо мне заботится, и, знаешь, иногда он целует меня и плачет...

— И меня любит, и тоже плачет, — прибавила Маруся с выражением детской гордости.

— А меня отец не любит, — сказал я грустно. — Он никогда не целовал меня... Он нехороший.

— Неправда, неправда, — возразил Валек. — Ты не понимаешь. Тыбурций лучше знает. Он говорит, что судья — самый лучший человек в городе... Он засудил даже одного графа... А ведь графа засудить не шутка.

— Почему?

— Почему? — переспросил Валек, несколько озадаченный. — Потому что граф — не простой человек... Граф делает что хочет, и потом... у графа деньги; он дал бы другому судье денег, и тот бы его не засудил, а засудил бы бедного.

— Да, это правда. Я слышал, как граф кричал у нас в квартире: «Я вас всех могу купить и продать!»

— А судья что?

— А отец говорит ему: «Подите от меня вон!»

— Ну, вот, вот! И Тыбурций говорит, что он не побоится прогнать богатого, а когда к нему пришла старая Иваниха, с костылём, он велел принести ей стул. Вот он какой!

Всё это заставило меня глубоко задуматься. Валек указал мне моего отца с такой стороны, с какой мне никогда не приходило в голову взглянуть на него: слова Вале-

ка задели в моём сердце струну сыновней гордости; мне было приятно слушать похвалы моему отцу, да ещё от имени Тыбурция, который «всё знает»; но вместе с тем дрогнула в моём сердце и нота щемящей любви, смешанной с горьким сознанием: никогда отец не любил и не полюбит меня так, как Тыбурций любит своих детей.

V. Среди «серых камней»

Прошло ещё несколько дней. Члены «дурного общества» перестали являться в город, и я напрасно шатался, скучая, по улицам, ожидая их появления, чтобы бежать на гору. Я совсем соскучился, так как не видеть Валека и Марусю стало уже для меня большим лишением. Но вот, когда я однажды шёл с опущенною головою по пыльной улице, Валек вдруг положил мне на плечо руку.

— Отчего ты перестал к нам ходить? — спросил он.

— Я боюсь... Ваших не видно в городе.

— А-а... Я думал, тебе наскучило.

— Нет, нет!.. Я, брат, сейчас побегу, — заторопился я, — даже и яблоки со мною.

При упоминании о яблоках Валек быстро повернулся ко мне, как будто хотел что-то сказать, но не сказал ничего, а только посмотрел на меня странным взглядом.

— Ничего, ничего, — отмахнулся он, видя, что я смотрю на него с ожиданием. — Ступай прямо на гору, а я тут зайду кое-куда — дело есть. Я тебя догоню на дороге.

Я пошёл тихо и часто оглядывался, ожидая, что Валек меня догонит; однако я успел взойти на гору и подошёл к часовне, а его всё не было. Я остановился в недоумении: передо мной было только кладбище, пустынное и тихое.

Я оглянулся кругом. Куда же мне теперь идти? Очевидно, надо дожидаться Валека. А пока я стал ходить между могилами, присматриваясь к ним от нечего делать и стараясь разобрать стёртые надписи на обросших мхом надгробных камнях. Шатаясь таким образом от могилы

к могиле, я наткнулся на полуразрушенный склеп[1]. Крыша его была сброшена или сорвана непогодой и валялась тут же. Дверь была заколочена. Из любопытства я приставил к стене старый крест и, взобравшись по нём, заглянул внутрь. Гробница была пуста, только в середине пола была вделана оконная рама со стёклами, и сквозь эти стёкла зияла тёмная пустота подземелья.

Пока я рассматривал гробницу, удивляясь странному назначению окна, на гору вбежал запыхавшийся и усталый Валек. В руках у него была большая булка, за пазухой что-то оттопырилось, по лицу стекали капли пота.

— Ага! — крикнул он, заметив меня. — Ты вот где... Если бы Тыбурций тебя здесь увидел, то-то бы рассердился! Ну, да теперь уж делать нечего... Я знаю, ты хлопец хороший и никому не расскажешь, как мы живём. Пойдём к нам!

— Где же это, далеко? — спросил я.

— А вот увидишь. Ступай за мной.

Он раздвинул кусты жимолости и сирени и скрылся в зелени под стеной часовни; я последовал туда за ним. Между стволами черёмухи я увидел в земле довольно большое отверстие с земляными ступенями, ведущими вниз. Валек спустился туда, приглашая меня за собой, и через несколько секунд мы оба очутились в темноте, под землёй. Взяв мою руку, Валек повёл меня по какому-то узкому сырому коридору, и, круто повернув вправо, мы вдруг вошли в просторное подземелье.

Я остановился у входа, поражённый невиданным зрелищем. Две струи света резко лились сверху, выделяясь полосами на тёмном фоне подземелья; свет этот проходил в два окна, одно из которых я видел в полу склепа, другое, подальше, очевидно, было пристроено таким же образом; стены были сложены из камня. Большие, широкие колонны массивно вздымались снизу и, раскинув во все стороны свои каменные дуги, крепко смыкались кверху сводчатым потолком.

[1] *Склеп* — гробница.

Под окном сидела с кучкой цветов, перебирая их, по своему обыкновению, Маруся. Струя света падала на её белокурую голову, заливая её всю, но, несмотря на это, она как-то слабо выделялась на фоне серого камня странным и маленьким туманным пятнышком, которое, казалось, вот-вот расплывётся и исчезнет. Когда там, наверху, над землёй, пробегали облака, затеняя солнечный свет, стены подземелья тонули совсем в темноте, а потом опять выступали жёсткими холодными камнями, смыкаясь крепкими объятиями над крохотною фигуркой девочки. Я поневоле вспомнил слова Валека о «сером камне», высасывавшем из Маруси её веселье.

— Валек! — тихо обрадовалась Маруся, увидев брата.

Когда же она заметила меня, в её глазах блеснула живая искорка.

Я отдал ей яблоки, а Валек, разломив булку, часть подал ей. Я переминался и ёжился, чувствуя себя как будто связанным под гнетущими взглядами серого камня.

— Уйдём... уйдём отсюда, — дёрнул я Валека. — Уведи её...

И мы втроём поднялись из подземелья. Валек был грустнее и молчаливее обыкновенного.

— Ты в городе остался затем, чтобы купить булок? — спросил я у него.

— Купить? — усмехнулся Валек. — Откуда же у меня деньги?

— Ты, значит, украл?..

— Ну да!

— Воровать нехорошо, — проговорил я затем в грустном раздумье.

— Наши все ушли... Маруся плакала, потому что она была голодна.

— Да, голодна! — с жалобным простодушием повторила девочка.

Я не знал ещё, что такое голод, но при последних словах девочки у меня что-то повернулось в груди, и я посмотрел на своих друзей, точно увидел их впервые. Ва-

лек по-прежнему лежал на траве и задумчиво следил за паривши в небе ястребом. А при взгляде на Марусю, державшую обеими руками кусок булки, у меня заныло сердце.

— Почему же, — спросил я с усилием, — почему ты не сказал об этом мне?

— Я и хотел сказать, а потом раздумал: ведь у тебя своих денег нет.

— Ну так что же? Я взял бы булок из дому.

— Как, потихоньку?

— Д-да.

— Значит, и ты бы тоже украл.

— Я... у своего отца.

— Это ещё хуже! — с уверенностью сказал Валек. — Я никогда не ворую у своего отца.

— Ну, так я попросил бы... Мне бы дали.

— Ну, может быть, и дали бы один раз — где же запастись на всех нищих?

— А вы разве... нищие? — спросил я упавшим голосом.

— Нищие! — угрюмо отрезал Валек.

Я замолчал и через несколько минут стал прощаться.

— Ты уже уходишь? — спросил Валек.

— Да, ухожу.

Я уходил потому, что не мог уже в этот день играть с моими друзьями по-прежнему, безмятежно. Хотя любовь моя к Валеку и Марусе не стала слабее, но к ней примешалась острая струя сожаления, доходившая до сердечной боли. Дома я рано лёг в постель. Уткнувшись в подушку, я горько плакал, пока крепкий сон не прогнал своим веянием моего глубокого горя.

VI. На сцену является пан Тыбурций

— Здравствуй! А уж я думал, ты не придёшь более, — так встретил меня Валек, когда я на следующий день опять явился на гору.

Я понял, почему он сказал это.

— Нет, я... я всегда буду ходить к вам, — ответил я решительно, чтобы раз и навсегда покончить с этим вопросом.

Валек заметно повеселел, и оба мы почувствовали себя свободнее.

Около полудня небо насупилось, надвинулась тёмная туча, и под весёлые раскаты грома зашумел ливень. Сначала мне очень не хотелось спускаться в подземелье, но потом, подумав, что ведь Валек и Маруся живут там постоянно, я победил неприятное ощущение и пошёл туда вместе с ними. В подземелье было темно и тихо, но сверху слышно было, как перекатывался гулкий грохот грозы, точно кто ездил там в громадной телеге по мостовой. Через несколько минут я освоился с подземельем, и мы весело прислушивались, как земля принимала широкие потоки ливня.

— Давайте играть в жмурки, — предложил я.

Мне завязали глаза; Маруся звенела слабыми переливами своего жалкого смеха и шлёпала по каменному полу непроворными ножонками, а я делал вид, что не могу поймать её, как вдруг наткнулся на чью-то мокрую фигуру и в ту же минуту почувствовал, что кто-то схватил меня за ногу. Сильная рука приподняла меня с полу, и я повис в воздухе вниз головой. Повязка с глаз моих спала.

Тыбурций, мокрый и сердитый, страшнее ещё оттого, что я глядел на него снизу, держал меня за ногу и дико вращал зрачками.

— Это что ещё, а? — строго спрашивал он, глядя на Валека. — Вы тут, я вижу, весело проводите время... Завели приятную компанию.

— Пустите меня! — сказал я, удивляясь, что и в таком необычном положении я всё-таки могу говорить, но рука пана Тыбурция только ещё сильнее сжала мою ногу.

Пан Тыбурций приподнял меня и взглянул в лицо.

— Эге-ге! Пан судья, если меня не обманывают глаза... Зачем это изволили пожаловать?

— Пусти! — проговорил я упрямо. — Сейчас отпусти! — И при этом я сделал инстинктивное движение, как бы собираясь топнуть ногой, но от этого весь только забился в воздухе.

Тыбурций захохотал.

— Ого-го! Пан судья изволит сердиться... Ну, да ты меня ещё не знаешь. Я — Тыбурций. Я вот повешу тебя над огоньком и зажарю, как поросёнка.

Отчаянный вид Валека как бы подтверждал мысль о возможности такого печального исхода. К счастью, на выручку подоспела Маруся.

— Не бойся, Вася, не бойся! — ободряла она меня, подойдя к самым ногам Тыбурция. — Он никогда не жарит мальчиков на огне... Это неправда!

Тыбурций быстрым движением повернул меня и поставил на ноги; при этом я чуть не упал, так как у меня закружилась голова, но он поддержал меня рукой и затем, сев на деревянный обрубок, поставил меня между колен.

— И как это ты сюда попал? — продолжал он допрашивать. — Давно ли?.. Говори ты! — обратился он к Валеку, так как я ничего не ответил.

— Давно, — ответил тот.

— А как давно?

— Дней шесть.

Казалось, этот ответ доставил пану Тыбурцию некоторое удовлетворение.

— Ого, шесть дней! — заговорил он, поворачивая меня лицом к себе. — Шесть дней — много времени. И ты до сих пор никому ещё не разболтал, куда ходишь?

— Никому.

— Правда?

— Никому, — повторил я.

— Похвально!.. Можно рассчитывать, что не разболтаешь и вперёд. Впрочем, я и всегда считал тебя порядочным малым, встречая на улицах. Настоящий «уличник», хоть и «судья»... А нас судить будешь, скажи-ка?

@material100

Он говорил довольно добродушно, но всё-таки я чувствовал себя глубоко оскорблённым и потому ответил сердито:

— Я вовсе не судья. Я — Вася.

— Одно другому не мешает: и Вася тоже может быть судьёй, — не теперь, так после... Твой отец меня судит, — ну и ты когда-нибудь будешь судить... вот его!

— Не буду судить Валека, — возразил я угрюмо. — Неправда!

— Он не будет, — вступилась и Маруся, с полным убеждением отстраняя от меня ужасное подозрение.

Девочка доверчиво прижалась к ногам этого урода, а он ласково гладил жилистой рукой её белокурые волосы.

— Ну, этого ты вперёд не говори, — сказал странный человек задумчиво, обращаясь ко мне таким тоном, точно он говорил со взрослым. — Каждый идёт своей дорожкой, и кто знает... может быть, это и хорошо, что твоя дорога пролегла через нашу. Для тебя хорошо, потому что лучше иметь в груди кусочек человеческого сердца вместо холодного камня, — понимаешь?..

Я не понимал ничего, но всё же впился глазами в лицо странного человека; глаза пана Тыбурция пристально смотрели в мои.

— Запомни хорошенько вот что: если ты проболтаешься своему судье или хоть птице, которая пролетит мимо тебя в поле, о том, что ты здесь видел, то не будь я Тыбурций Драб, если я тебя не повешу вот в этом камине за ноги и не сделаю из тебя копчёного окорока.

— Я не скажу никому... я... Можно мне опять прийти?

— Приходи, разрешаю... под условием... Впрочем, я уже сказал тебе насчёт окорока. Помни!..

Он отпустил меня и сам растянулся с усталым видом на длинной лавке, стоявшей около стенки.

— Возьми вон там, — указал он Валеку на большую корзину, которую, войдя, оставил у порога, — да разведи огонь. Мы будем сегодня варить обед.

Теперь это был уже не тот человек, что за минуту пугал меня, вращая зрачками. Он распоряжался, как хозяин и глава семейства, вернувшийся с работы и отдающий приказания домочадцам[1].

Мы с Валеком живо принялись за работу. Затем Валек уже один умелыми руками принялся за стряпню. Через полчаса закипело в горшке какое-то варево, а в ожидании, пока оно поспеет, Валек поставил на трёхногий столик сковороду, на которой дымились куски жареного мяса.

Тыбурций поднялся.

— Готово? — сказал он. — Ну, и отлично. Садись, малый, с нами: ты заработал свой обед...

Марусю Тыбурций держал на руках. Она и Валек ели с жадностью, которая ясно показывала, что мясное блюдо было для них невиданной роскошью; Маруся облизывала даже свои засаленные пальцы. Тыбурций ел с расстановкой, повинуясь неодолимой потребности говорить. Из странной и запутанной речи я понял только, что способ приобретения был не совсем обыкновенный, и не удержался, чтоб не вставить вопроса:

— Вы это взяли... сами?

— Малый не лишён проницательности, — продолжал Тыбурций. — Впрочем, — повернулся он вдруг ко мне, — ты всё-таки ещё глуп и многого не понимаешь. А вот она понимает: скажи, моя Маруся, хорошо ли сделал, что принёс тебе жаркое?

— Хорошо! — ответила девочка, слегка сверкнув бирюзовыми глазами. — Маня была голодна.

Под вечер этого дня я с отуманенною головою задумчиво возвращался к себе. В тёмной аллейке сада я нечаянно наткнулся на отца. Он, по обыкновению, угрюмо ходил взад и вперёд. Когда я очутился подле него, он взял меня за плечо.

— Откуда ты?

[1] *Домочáдцы* — члены семьи.

— Я... гулял...

Он внимательно посмотрел на меня, хотел что-то сказать, но, махнув рукой, зашагал по аллее.

Я солгал чуть ли не в первый раз в жизни.

Я всегда боялся отца, а теперь тем более. Теперь я носил в себе целый мир смутных вопросов и ощущений. Мог ли он понять меня? Я дрожал при мысли, что он узнает когда-либо о моём знакомстве с «дурным обществом», но изменить Валеку и Марусе я был не в состоянии. Если бы я изменил им, нарушив данное слово, то не мог бы при встрече поднять на них глаза от стыда.

VII. Осенью

Близилась осень. В поле шла жатва, листья на деревьях желтели. Вместе с тем наша Маруся начала прихварывать.

Она ни на что не жаловалась, только всё худела, лицо её всё бледнело, глаза потемнели, стали больше, веки приподнимались с трудом. Девочка бóльшую часть времени проводила в постели, и мы с Валеком истощали все усилия, чтобы развлечь её и позабавить, чтобы вызвать тихие переливы её слабого смеха.

Теперь грустная улыбка Маруси стала мне почти так же дорога, как улыбка сестры; но тут никто не ставил мне вечно на вид мою испорченность, тут я был нужен — я чувствовал, что каждый раз моё появление вызывает румянец оживления на щеках девочки. Валек обнимал меня, как брата, и даже Тыбурций по временам смотрел на нас троих какими-то странными глазами, в которых что-то мерцало, точно слеза.

На время небо опять прояснилось; с него сбежали тучи, и над просыхающей землёй, в последний раз перед наступлением зимы, засияли солнечные дни. Мы каждый день выносили Марусю наверх, и здесь она как будто оживала; девочка смотрела вокруг широко раскрытыми глазами, на щеках её загорался румянец; казалось, что ветер, обдававший её своими свежими взмахами, воз-

вращал ей частицы жизни, похищенные серыми камнями подземелья. Но это продолжалось недолго...

Между тем над моей головой тоже стали собираться тучи. Однажды, когда я, по обыкновению, утром проходил по аллеям сада, я увидел в одной из них отца, а рядом старого Януша из замка. Старик подобострастно[1] кланялся и что-то говорил, а отец стоял с угрюмым видом, и на лбу его резко обозначалась складка нетерпеливого гнева. Наконец, он протянул руку, как бы отстраняя Януша с своей дороги, и сказал:

— Уходите! Вы просто старый сплетник!

Сердце моё дрогнуло предчувствием. Я понял, что подслушанный мною разговор относится к моим друзьям и, быть может, также ко мне. Тыбурций, которому я рассказал об этом случае, скорчил ужасную гримасу.

— У-уф, малый, какая это неприятная новость!.. О проклятая старая гиена!

— Отец его прогнал, — заметил я в виде утешения.

— Твой отец, малый, самый лучший из всех судей на свете. Он не считает нужным травить старого беззубого зверя в его последней берлоге... Но, малый, как бы тебе объяснить это? Твой отец служит господину, которому имя — закон. У него есть глаза и сердце только до тех пор, пока закон спит себе на полках; когда же этот господин сойдёт оттуда и скажет твоему отцу: «А ну-ка, судья, не взяться ли нам за Тыбурция Драба или как там его зовут?» С этого момента судья тотчас запирает своё сердце на ключ, и тогда у судьи такие твёрдые лапы, что скорее мир повернётся в другую сторону, чем пан Тыбурций вывернется из его рук... Понимаешь ты, малый?.. Вся беда в том, что у меня с законом вышло когда-то давно уже некоторое столкновение... то есть, понимаешь, неожиданная ссора... ах, малый, очень это была крупная ссора!

С этими словами Тыбурций встал, взял на руки Марусю и, отойдя с нею в дальний угол, стал целовать её.

[1] *Подобостра́стно* — угодливо, льстиво.

А я остался на месте и долго стоял в одном положении под впечатлением странных речей странного человека.

VIII. Кукла

Ясные дни миновали, и Марусе опять стало хуже. На все наши ухищрения с целью занять её она смотрела равнодушно своими большими потемневшими и неподвижными глазами, и мы давно уже не слышали её смеха. Я стал носить в подземелье свои игрушки, но и они развлекали девочку только на короткое время. Тогда я решился обратиться к своей сестре Соне.

У Сони была большая кукла, с ярко раскрашенным лицом и роскошными льняными волосами, подарок покойной матери. На эту куклу я возлагал большие надежды и потому, отозвав сестру в боковую аллейку сада, попросил дать мне её на время. Я так убедительно просил её об этом, так живо описал ей бедную, больную девочку, у которой никогда не было своих игрушек, что Соня, которая сначала только прижимала куклу к себе, отдала мне её и обещала в течение двух-трёх дней играть другими игрушками.

Действие этой нарядной барышни на нашу больную превзошло все мои ожидания. Маруся, которая увядала, как цветок осенью, казалось, опять ожила. Она так крепко меня обнимала, так звонко смеялась, разговаривая со своей новой знакомой... Маленькая кукла сделала почти чудо: Маруся, давно уже не сходившая с постели, стала ходить, водя за собой свою белокурую дочку, и по временам даже бегала, по-прежнему шлёпая по полу слабыми ногами.

Зато мне эта кукла доставила очень много тревожных минут. Прежде всего, когда я нёс её за пазухой, направляясь с нею на гору, в дороге мне попался старый Януш, который долго провожал меня глазами и качал головой. Потом дня через два старушка няня заметила пропажу и стала соваться по углам, везде разыскивая куклу. Соня старалась унять её, но своими наивными уверениями,

«В дурном обществе». *Худ. Г. Фитингоф*

что ей кукла не нужна, что кукла ушла гулять и скоро вернётся, только возбуждала подозрение, что тут не простая пропажа. Отец ничего ещё не знал, но к нему опять приходил Януш и был прогнан — на этот раз с ещё большим гневом; однако в тот же день отец остановил меня на пути к садовой калитке и велел остаться дома. На следующий день повторилось то же, и только через четыре дня я встал рано утром и махнул через забор, пока отец ещё спал.

На горе дела были плохи. Маруся опять слегла, и ей стало ещё хуже; лицо её горело странным румянцем, белокурые волосы раскидались по подушке; она никого не узнавала. Рядом с ней лежала злополучная кукла, с розовыми щеками и глупыми блестящими глазами.

Я сообщил Валеку свои опасения, и мы решили, что куклу необходимо унести обратно, тем более что Маруся

этого и не заметит. Но мы ошиблись! Как только я вынул куклу из рук лежавшей в забытьи девочки, она открыла глаза, посмотрела перед собой смутным взглядом, как будто не видя меня, не сознавая, что с ней происходит, и вдруг заплакала тихо-тихо, но вместе с тем так жалобно, и в исхудалом лице мелькнуло выражение такого глубокого горя, что я тотчас же с испугом положил куклу на прежнее место. Девочка улыбнулась, прижала куклу к себе и успокоилась. Я понял, что хотел лишить моего маленького друга первой и последней радости её недолгой жизни.

Валек робко посмотрел на меня.

— Как же теперь будет? — спросил он грустно.

Тыбурций, сидя на лавочке с печально понуренною головой, также смотрел на меня вопросительным взглядом. Поэтому я постарался придать себе вид по возможности беспечный и сказал:

— Ничего! Нянька, наверное, уже забыла.

Но старуха не забыла. Когда я на этот раз возвратился домой, у калитки мне опять попался Януш; Соню я застал с заплаканными глазами, а нянька кинула на меня сердитый, подавляющий взгляд и что-то ворчала беззубым, шамкающим ртом.

Отец спросил у меня, куда я ходил, и, выслушав внимательно обычный ответ, ограничился тем, что повторил мне приказ ни под каким видом не отлучаться из дому без его позволения. Приказ был очень решителен; ослушаться его я не посмел, но не решался также и обратиться к отцу за позволением.

Прошло четыре томительных дня. Я грустно ходил по саду и с тоской смотрел по направлению к горе, ожидая, кроме того, грозы, которая собиралась над моей головой. Что будет, я не знал, но на сердце у меня было тяжело. Меня в жизни никто ещё не наказывал; отец не только не трогал меня пальцем, но я от него не слышал никогда ни одного резкого слова. Теперь меня томило тяжёлое предчувствие.

«В дурном обществе». Вася и отец. *Худ. Г. Фитингоф*

Наконец меня позвали к отцу, в его кабинет. Я вошёл и робко остановился у притолоки. В окно заглядывало грустное осеннее солнце. Отец сидел в своём кресле перед портретом матери и не поворачивался ко мне. Я слышал тревожный стук собственного сердца.

Наконец он повернулся. Я поднял на него глаза и тотчас же опустил их в землю. Лицо отца показалось мне страшным. Прошло около полминуты, и в течение этого времени я чувствовал на себе тяжёлый, неподвижный, подавляющий взгляд.

— Ты взял у сестры куклу?

Эти слова упали вдруг на меня так отчётливо и резко, что я вздрогнул.

— Да, — ответил я тихо.

— А знаешь ты, что это подарок матери, которым ты должен бы дорожить, как святыней?.. Ты украл её?..

— Нет, — сказал я, подымая голову.

— Как нет? — вскрикнул отец, отталкивая кресло. — Ты украл её и снёс!.. Кому ты снёс её?.. Говори!

Он быстро подошёл ко мне и положил мне на плечо тяжёлую руку. Я с усилием поднял голову и взглянул вверх. Лицо отца было бледно, глаза горели гневом. Я весь съёжился.

— Н-не скажу! — ответил я тихо.

— Скажешь, скажешь!

Я чувствовал, как дрожала его рука, и всё ниже опускал голову; слёзы одна за другой капали из моих глаз на пол, но я всё повторял едва слышно:

— Нет, не скажу... никогда, никогда не скажу вам... Ни за что!

В эту минуту во мне сказался сын моего отца. Он не добился бы от меня иного ответа самыми страшными муками. В моей груди, навстречу его угрозам, подымалось едва осознанное оскорблённое чувство покинутого ребёнка и какая-то жгучая любовь к тем, кто меня пригрел там, в старой часовне.

Отец тяжело перевёл дух. Я съёжился ещё более, горькие слёзы жгли мои щёки. Я ждал.

В эту критическую минуту раздался вдруг резкий голос Тыбурция:

— Эге-ге!.. Я вижу моего молодого друга в очень затруднительном положении.

Отец встретил его мрачным и удивлённым взглядом, но Тыбурций выдержал этот взгляд спокойно. Он был серьёзен, не кривлялся, и глаза его глядели как-то особенно грустно.

— Пан судья! — заговорил он мягко. — Вы человек справедливый... отпустите ребёнка. Видит Бог, он не сделал дурного дела, и если его сердце лежит к моим оборванным беднягам, то лучше велите меня повесить, но я не допущу, чтобы мальчик пострадал из-за этого. Вот твоя кукла, малый!..

Он развязал узелок и вынул оттуда куклу.

Рука отца, державшая моё плечо, разжалась. В лице виднелось изумление.

— Что это значит? — спросил он наконец.

— Отпустите мальчика, — повторил Тыбурций, и его широкая ладонь любовно погладила мою опущенную голову. — Вы ничего не добьётесь от него угрозами, а между тем я охотно расскажу вам всё, что вы желаете знать... Выйдем, пан судья, в другую комнату.

Я всё ещё стоял на том же месте, как дверь кабинета отворилась и оба собеседника вошли. Я опять почувствовал на своей голове чью-то руку и вздрогнул. То была рука отца, нежно гладившая мои волосы.

Тыбурций взял меня на руки и посадил, в присутствии отца, к себе на колени.

— Приходи к нам, — сказал он, — отец тебя отпустит попрощаться с моей девочкой... Она... она умерла.

Голос Тыбурция дрогнул, он странно заморгал глазами, но тотчас же встал, поставил меня на пол, выпрямился и быстро ушёл из комнаты.

Я вопросительно поднял глаза на отца. Теперь передо мной стоял другой человек, но в этом именно человеке я нашёл что-то родное, чего тщетно искал в нём прежде. Он смотрел на меня обычным своим задумчивым взглядом, но теперь в этом взгляде виднелся оттенок удивления и как будто вопрос. Казалось, буря, которая только что пронеслась над нами обоими, рассеяла тяжёлый туман, нависший над душой отца. И отец только теперь стал узнавать во мне знакомые черты своего родного сына.

Я доверчиво взял его руку и сказал:

— Я ведь не украл... Соня сама дала мне на время...

— Д-да, — ответил он задумчиво, — я знаю... Я виноват перед тобой, мальчик, и ты постараешься когда-нибудь забыть это, не правда ли?

Я с живостью схватил его руку и стал её целовать. Я знал, что теперь никогда уже он не будет смотреть на меня теми страшными глазами, какими смотрел за несколько минут перед тем, и долго сдерживаемая любовь хлынула целым потоком в моё сердце.

Теперь я его уже не боялся.

— Ты отпустишь меня теперь на гору? — спросил я, вспомнив вдруг приглашение Тыбурция.

— Д-да... Ступай, ступай, мальчик, — ласково проговорил он всё ещё с тем же оттенком недоумения в голосе. — Да, впрочем, постой... пожалуйста, мальчик, погоди немного.

Он ушёл в свою спальню и, через минуту выйдя оттуда, сунул мне в руку несколько бумажек.

— Передай это... Тыбурцию... Скажи, что я покорнейше прошу его — понимаешь?.. покорнейше прошу —

взять эти деньги... от тебя... Ты понял?.. Теперь ступай, мальчик, ступай скорее.

Я догнал Тыбурция уже на горе и, запыхавшись, нескладно исполнил поручение отца.

— Покорнейше просит... отец... — и я стал совать ему в руки данные отцом деньги. Я не глядел ему в лицо. Деньги он взял.

В подземелье, в тёмном углу, на лавочке лежала Маруся. Слово «смерть» не имеет ещё полного значения для детского слуха, и горькие слёзы только теперь, при виде этого безжизненного тела, сдавили мне горло...

Заключение

Вскоре после описанных событий Тыбурций и Валек совершенно неожиданно исчезли, и никто не мог сказать, куда они направились теперь, как никто не знал, откуда они пришли в наш город.

Старая часовня сильно пострадала от времени. Сначала у неё провалилась крыша, продавив потолок подземелья. Потом вокруг часовни стали образовываться обвалы, и она стала ещё мрачнее; ещё громче завывают в ней филины, а огни на могилах тёмными осенними ночами вспыхивают синим зловещим светом.

Только могила, огороженная частоколом, каждую весну зеленела свежим дёрном, пестрела цветами. Мы с Соней, а иногда даже с отцом посещали эту могилу; мы любили сидеть на ней в тени смутно лепечущей берёзы, в виду тихо сверкавшего в тумане города. Тут мы с сестрой вместе читали, думали, делились своими первыми молодыми мыслями, первыми планами крылатой и честной юности.

Когда же пришло время и нам оставить тихий родной город, здесь же в последний день мы оба, полные жизни и надежды, произнесли над маленькою могилкой свои обеты[1].

@material100

[1] *Обе́т* — обещание, клятва.

Размышляем о прочитанном

1. От чьего имени ведётся рассказ?
2. Какие эпизоды показались вам особенно интересными?
3. Опишите (устно) героев этого произведения — Васю, Валека, Марусю, Тыбурция, Соню. Сравните портреты Маруси и Сони.
4. Расскажите, почему стала трудной жизнь Васи дома после смерти матери.
5. Какие чувства испытывал Вася, когда познакомился с Валеком и Марусей? Почему он плакал ночью и почему перестал бояться Тыбурция? Какими предстали герои в эпизоде с куклой?
6. Как вы понимаете слова Тыбурция: «Может быть, это и хорошо, что твоя дорога пролегла через нашу»?
7. Что волновало Васю и его отца?
8. Расскажите, как менялся характер Васи и его отношение к жизни после встречи с детьми подземелья.
9. Почему Вася и Соня приходили на могилу Маруси? Подумайте, какие обеты они могли произнести, покидая город своего детства.

По́весть — один из видов эпической литературы. В повести, в отличие от рассказа, обычно изображается не одно, а ряд событий, освещающих целый период жизни человека, главного действующего лица повествования.
В повести, как правило, рядом с героем действуют несколько персонажей. Повесть отражает жизнь в большей её сложности, чем она показана в рассказе, но с меньшим многообразием характеров и событий, чем в романе.

10. Можно ли назвать произведение «В дурном обществе» повестью? Почему? Составьте план пересказа повести.
11. Какие чувства вызвала у вас повесть (сожаление, сострадание, удивление...)?

Литература и изобразительное искусство

1. Рассмотрите иллюстрации Г. Фитингофа к повести В. Г. Короленко «В дурном обществе», данные в учебнике, и поду-

майте, насколько близко подошёл художник к тому, о чём нам рассказал писатель. Найдите другие иллюстрации, рисунки к повести и сравните их с иллюстрациями Г. Фитингофа. Если сможете, нарисуйте сами иллюстрации к тексту.

2. Расскажите, какую иллюстрацию вы нарисовали бы ко II главе повести.

Обогащаем свою речь

Объясните слова и словосочетания, включите их в свои пересказы: *серые заборы, пустыри, убежище, ютиться, кров, потомки, дурная слава, раздоры, притерпелся к упрёкам, серый камень, призраки старого замка, дурное общество* и др.

Учимся читать выразительно

Подготовьте инсценированное чтение (т. е. чтение по ролям) сцены из III или из IV главы (на выбор).

Творческое задание

Расскажите о событиях, описанных в повести, от лица Валека. При этом постарайтесь передать чувства и настроения персонажа-рассказчика.

Фазиль Абдулович ИСКАНДЕР

1929—2016

Детство писателя прошло в горном селе под Сухуми, в Абхазии. Среднюю школу он окончил с золотой медалью. Поступил в Московский библиотечный институт, затем перевёлся в Литературный институт. Окончив институт, работал журналистом в газетах Брянска и Курска. В начале своей писательской жизни Искандер писал стихи. Первые его книги — сборники стихотворений «Горные тропы», «Доброта земли», «Зелёный дождь», «Дети Черноморья», «Молодость моря».

Проза Фазиля Искандера начиналась с рассказов о детстве, о мире чувств и переживаний подростка. В 1966 году выходит в свет сборник рассказов Ф. Искандера «Тринадцатый подвиг Геракла». С одноимённым рассказом из этой книги вы познакомитесь на страницах учебника. К рассказам, посвящённым теме взросления школьника, писатель возвращается вновь после успеха своих крупных прозаических произведений, таких, как сатирическая повесть «Созвездие Козлотура», большой роман «Сандро из Чегема». Цикл рассказов «Детство Чика» некоторые литературоведы считают детской версией содержания романа «Сандро из Чегема», поскольку многие персонажи романа становятся действующими лицами рассказов про Чика.

Рассказы Искандера о детях и детстве обращены одновременно и к подросткам, и к взрослым. К подросткам — потому что они испытывают те же чувства, те же сомнения, те же радости и горести, какие тревожат и волнуют героев рассказов Искандера. Взрослые находят в них свежий, давно забытый взгляд на мир, где нет ни компромиссов[1], ни мучительных сомнений.

[1] *Компроми́сс* — соглашение на основе взаимных уступок.

Тринадцатый подвиг Геракла

Все математики, с которыми мне приходилось встречаться в школе и после школы, были людьми неряшливыми, слабохарактерными и довольно гениальными. Так что утверждение насчёт того, что пифагоровы штаны якобы во все стороны равны, вряд ли абсолютно точно.

Возможно, у самого Пифагора так оно и было, но его последователи, наверное, об этом забыли и мало обращали внимания на свою внешность.

И всё-таки был один математик в нашей школе, который отличался от всех других. Его нельзя было назвать ни слабохарактерным, ни тем более неряшливым. Не знаю, был ли он гениален, — сейчас это трудно установить. Я думаю, скорее всего, был.

Звали его Харлампий Диогенович. Как и Пифагор, он был по происхождению грек. Появился он в нашем классе с нового учебного года. До этого мы о нём не слышали и даже не знали, что такие математики могут быть.

Он сразу же установил в нашем классе образцовую тишину. Тишина стояла такая жуткая, что иногда директор испуганно распахивал дверь, потому что не мог понять, на месте мы или сбежали на стадион.

Стадион находился рядом со школьным двором и постоянно, особенно во время больших состязаний, мешал педагогическому процессу. Директор даже писал куда-то, чтобы его перенесли в другое место. Он говорил, что стадион нервирует школьников. На самом деле нас нервировал не стадион, а комендант стадиона дядя Вася, который безошибочно нас узнавал, даже если мы были без книжек, и гнал нас оттуда со злостью, не угасающей с годами.

К счастью, нашего директора не послушались и стадион оставили на месте, только деревянный забор заменили каменным. Так что теперь приходилось перелезать и тем, которые раньше смотрели на стадион через щели в деревянной ограде.

Всё же директор наш напрасно боялся, что мы можем сбежать с урока математики. Это было просто немыслимо. Это было всё равно что подойти к директору на перемене и молча скинуть с него шляпу, хотя она всем порядочно надоела. Он всегда, и зимой, и летом, ходил в одной шляпе, вечнозелёной, как магнолия. И всегда чего-нибудь боялся.

Со стороны могло показаться, что он больше всего боялся комиссии из гороно, на самом деле он больше всего боялся нашего завуча. Это была демоническая женщина. Когда-нибудь я напишу о ней поэму в байроновском духе, но сейчас я рассказываю о другом.

Конечно, мы никак не могли сбежать с урока математики. Если мы вообще когда-нибудь и сбегали с урока, то это был, как правило, урок пения.

Бывало, только входит наш Харлампий Диогенович в класс, сразу все затихают, и так до самого конца урока. Правда, иногда он заставлял нас смеяться, но это был не стихийный смех, а веселье, организованное сверху, самим же учителем. Оно не нарушало дисциплины, а служило ей, как в геометрии доказательство от обратного.

Происходило это примерно так. Скажем, иной ученик чуть припоздает на урок, ну, примерно на полсекунды после звонка, а Харлампий Диогенович уже входит в дверь. Бедный ученик готов провалиться сквозь пол. Может, и провалился бы, если б прямо под нашим классом не находилась учительская.

Иной учитель на такой пустяк не обратит внимания, другой сгоряча выругает, но только не Харлампий Диогенович.

В таких случаях он останавливался в дверях, перекладывал журнал из руки в руку и жестом, исполненным уважения к личности ученика, указывал на проход.

Ученик мнётся, его растерянная физиономия выражает желание как-нибудь понезаметней проскользнуть в дверь после учителя. Зато лицо Харлампия Диогеновича выражает радостное гостеприимство, сдержанное при-

личием и пониманием необычности этой минуты. Он даёт знать, что само появление такого ученика — редчайший праздник для нашего класса и лично для него, Харлампия Диогеновича, что его никто не ожидал, и раз уж он пришёл, никто не посмеет его упрекнуть в этом маленьком опозданьице, тем более он, скромный учитель, который, конечно же, пройдёт в класс после такого замечательного ученика и сам закроет за ним дверь в знак того, что дорогого гостя не скоро отпустят.

Всё это длится несколько секунд, и в конце концов ученик, неловко протиснувшись в дверь, спотыкающейся походкой идёт на своё место.

Харлампий Диогенович смотрит ему вслед и говорит что-нибудь великолепное, например:

— Принц Уэльский.

Класс хохочет. И хотя мы не знаем, кто такой принц Уэльский, мы понимаем, что в нашем классе он никак не может появиться. Ему просто здесь нечего делать, потому что принцы в основном занимаются охотой за оленями. И если уж ему надоест охотиться за своими оленями и он захочет посетить какую-нибудь школу, то его обязательно поведут в первую школу, что возле электростанции. Потому что она образцовая. В крайнем случае, если б ему вздумалось прийти именно к нам, нас бы давно предупредили и подготовили класс к его приходу.

Потому-то мы и смеялись, понимая, что наш ученик никак не может быть принцем, тем более каким-то Уэльским.

Но вот Харлампий Диогенович садится на место. Класс мгновенно смолкает. Начинается урок.

Большеголовый, маленького роста, аккуратно одетый, тщательно выбритый, он властно и спокойно держал класс в руках. Кроме журнала, у него был блокнотик, куда он что-то вписывал после опроса. Я не помню, чтобы он на кого-нибудь кричал, или уговаривал заниматься, или грозил вызвать родителей в школу. Все эти штучки были ему ни к чему.

Во время контрольных работ он и не думал бегать между рядами, заглядывать в парты или там бдительно вскидывать голову при всяком шорохе, как это делали другие. Нет. Он спокойно читал себе что-нибудь или перебирал чётки с бусами, жёлтыми, как кошачьи глаза.

Списывать у него было почти бесполезно, потому что он сразу узнавал списанную работу и начинал высмеивать её. Так что списывали мы только в самом крайнем случае, если уж никакого выхода не было.

Бывало, во время контрольной работы оторвётся от своих чёток или книги и говорит:

— Сахаров, пересядьте, пожалуйста, к Авдеенко.

Сахаров встаёт и смотрит на Харлампия Диогеновича вопросительно. Он не понимает, зачем ему, отличнику, пересаживаться к Авдеенко, который плохо учится.

— Пожалейте Авдеенко, он может сломать шею.

Авдеенко тупо смотрит на Харлампия Диогеновича, как бы не понимая, а может быть, и в самом деле не понимая, почему он может сломать шею.

— Авдеенко думает, что он лебедь, — поясняет Харлампий Диогенович. — Чёрный лебедь, — добавляет он через мгновение, намекая на загорелое угрюмое лицо Авдеенко. — Сахаров, можете продолжать, — говорит Харлампий Диогенович.

Сахаров садится.

— И вы тоже, — обращается он к Авдеенко, но что-то в голосе его заметно сдвинулось. В него влилась точно дозированная порция насмешки. — Если, конечно, не сломаете шею... чёрный лебедь! — твёрдо заключает он, как бы выражая мужественную надежду, что Авдеенко найдёт в себе силы работать самостоятельно.

Шурик Авдеенко сидит, яростно наклонившись над тетрадью, показывая мощные усилия ума и воли, брошенные на решение задачи.

Главное оружие Харлампия Диогеновича — это делать человека смешным. Ученик, отступающий от школьных правил, — не лентяй, не лоботряс, не хулиган, а просто

смешной человек. Вернее, не просто смешной, на это, пожалуй, многие согласились бы, но какой-то обидно смешной. Смешной, не понимающий, что он смешной, или догадывающийся об этом последним.

И когда учитель выставляет тебя смешным, сразу же распадается круговая порука учеников, и весь класс над тобой смеётся. Все смеются против одного. Если над тобой смеётся один человек, то можешь ещё как-нибудь с этим справиться. Но невозможно пересмеять весь класс. И если уж ты оказался смешным, хотелось во что бы то ни стало доказать, что ты хоть и смешной, но не такой уж окончательно смехотворный.

Надо сказать, что Харлампий Диогенович не давал никому привилегии. Смешным мог оказаться каждый. Разумеется, я тоже не избежал общей участи.

В тот день я не решил задачу, заданную на дом. Там было что-то про артиллерийский снаряд, который куда-то летит с какой-то скоростью и за какое-то время. Надо было узнать, сколько километров пролетел бы он, если бы летел с другой скоростью и чуть ли не в другом направлении.

Как будто один и тот же снаряд может лететь с разной скоростью! В общем, задача была какая-то запутанная и глупая. У меня решение никак не сходилось с ответом.

Поэтому на следующий день я пришёл в школу за час до занятий. Мы учились во вторую смену. Самые заядлые футболисты были уже на месте. Я спросил у одного из них насчёт задачи, оказалось, что и он её не решил. Совесть моя окончательно успокоилась.

Мы разделились на две команды и играли до самого звонка.

И вот входим в класс. Еле отдышавшись, на всякий случай спрашиваю у отличника Сахарова:

— Ну, как задача?

— Ничего, — говорит он, — решил.

При этом он коротко и значительно кивнул головой в том смысле, что трудности были, но мы их одолели.

— Как так решил? Ведь ответ неправильный?

— Правильный, — кивает он мне головой с такой противной уверенностью на умном, добросовестном лице, что я его в ту же минуту возненавидел за благополучие.

Я ещё хотел посомневаться, но он отвернулся, отняв у меня последнее утешение падающих — хвататься руками за воздух.

Оказывается, в это время в дверях появился Харлампий Диогенович, но я его не заметил и продолжал жестикулировать, хотя он стоял почти рядом со мной. Наконец я догадался, в чём дело, испуганно захлопнул задачник и замер.

Харлампий Диогенович прошёл на место.

Я испугался и ругал себя за то, что сначала согласился с футболистом, что задача неправильная, а потом не согласился с отличником, что она правильная. А теперь Харлампий Диогенович, наверное, заметил моё волнение и первым меня вызовет.

Рядом со мной сидел тихий и скромный ученик. Звали его Адольф Комаров. Теперь он себя называл Аликом и даже на тетради писал «Алик», потому что началась война и он не хотел, чтобы его дразнили Гитлером. Всё равно все помнили, как его звали раньше, и при случае напоминали ему об этом.

Я любил разговаривать, а он любил сидеть тихо. Нас посадили вместе, чтобы мы влияли друг на друга, но, по-моему, из этого ничего не получилось. Каждый остался таким, каким был.

Сейчас я заметил, что даже он решил задачу. Он сидел над своей раскрытой тетрадью, опрятный, худой и тихий, и оттого, что руки его лежали на промокашке, он казался ещё тише. У него была такая дурацкая привычка — держать руки на промокашке, от которой я его никак не мог отучить.

— Гитлер капут, — шепнул я в его сторону.

Он, конечно, ничего не ответил, но хоть руки убрал с промокашки, и то стало легче.

Между тем Харлампий Диогенович поздоровался с классом и уселся на стул. Он слегка задёрнул рукава пиджака, медленно протёр нос и рот носовым платком, почему-то посмотрел после этого в платок и сунул его в карман. Потом он снял часы и начал листать журнал. Казалось, приготовления палача пошли быстрей.

Но вот он отметил отсутствующих и стал оглядывать класс, выбирая жертву. Я затаил дыхание.

— Кто дежурный? — вдруг спросил он.

Я вздохнул, благодарный ему за передышку.

Дежурного не оказалось, и Харлампий Диогенович заставил самого старосту стирать с доски. Пока тот стирал, Харлампий Диогенович внушал ему, что должен делать староста, когда нет дежурного. Я надеялся, что он расскажет по этому поводу какую-нибудь притчу из школьной жизни, или басню Эзопа, или что-нибудь из греческой мифологии. Но он ничего не стал рассказывать, потому что скрип сухой тряпки о доску был неприятен и он ждал, чтобы староста скорей кончил своё нудное протирание. Наконец староста сел.

Класс замер. Но в это мгновение раскрылась дверь, и в дверях появилась докторша с медсестрой.

— Извините, это пятый «А»? — спросила доктор.

— Нет, — сказал Харлампий Диогенович с вежливой враждебностью, чувствуя, что какое-то санитарное мероприятие может сорвать ему урок. Хотя наш класс был почти пятый «А», потому что он был пятый «Б», он так решительно сказал «нет», как будто между нами ничего общего не было и не могло быть.

— Извините, — сказала докторша ещё раз и, почему-то помешкав, закрыла дверь.

Я знал, что они собираются делать уколы против тифа. В некоторых классах уже делали. Об уколах заранее никогда не объявляли, чтобы никто не мог улизнуть или, притворившись больным, остаться дома.

Уколов я не боялся, потому что мне делали массу уколов от малярии, а это самые противные из всех существу-

ющих уколов. И вот внезапная надежда, своим белоснежным халатом озарившая наш класс, исчезла. Я этого не мог так оставить.

— Можно, я им покажу, где пятый «А»? — сказал я, обнаглев от страха.

@material100

Два обстоятельства в какой-то мере оправдывали мою дерзость. Я сидел против двери, и меня часто посылали в учительскую за мелом или ещё за чем-нибудь. А потом, пятый «А» был в одном из флигелей при школьном дворе, и докторша в самом деле могла запутаться, потому что она у нас бывала редко, постоянно она работала в первой школе.

— Покажите, — сказал Харлампий Диогенович и слегка приподнял брови.

Стараясь сдерживаться и не выдавать своей радости, я выскочил из класса.

Я догнал докторшу и медсестру ещё в коридоре нашего этажа и пошёл с ними.

— Я покажу вам, где пятый «А», — сказал я.

Докторша улыбнулась так, как будто она не уколы делала, а раздавала конфеты.

— А нам что, не будете делать? — спросил я.

— Вам на следующем уроке, — сказала докторша, всё так же улыбаясь.

— А мы уходим в музей на следующий урок, — сказал я несколько неожиданно даже для себя.

Вообще-то у нас шли разговоры о том, чтобы организованно пойти в краеведческий музей и осмотреть там следы стоянки первобытного человека, но учительница истории всё время откладывала наш поход, потому что директор боялся, что мы не сумеем пойти туда организованно.

Дело в том, что в прошлом году один пацан из нашей школы стащил оттуда кинжал абхазского феодала, чтобы сбежать с ним на фронт. По этому поводу был большой шум, и директор решил, что всё получилось так потому, что класс пошёл в музей не в шеренгу по два, а гурьбой.

На самом деле этот пацан всё заранее рассчитал. Он не сразу взял кинжал, а сначала сунул его в солому, которой была покрыта Хижина Дореволюционного Бедня-

ка. А потом через несколько месяцев, когда всё успокоилось, он пришёл туда в пальто с прорезанной подкладкой и окончательно унёс кинжал.

— А мы вас не пустим, — сказала докторша шутливо.

— Что вы, — сказал я, начиная волноваться, — мы собираемся во дворе и организованно пойдём в музей.

— Значит, организованно?

— Да, организованно, — повторил я серьёзно, боясь, что она, как и директор, не поверит в нашу способность организованно сходить в музей.

— А что, Галочка, пойдём в пятый «Б», а то и в самом деле уйдут, — сказала доктор и остановилась.

Мне всегда нравились такие чистенькие докторши в беленьких чепчиках и в беленьких халатах.

— Но ведь нам сказали сначала в пятый «А», — заупрямилась эта Галочка и строго посмотрела на меня. Видно было, что она всеми силами корчит из себя взрослую.

Я даже не посмотрел в её сторону, показывая, что никто и не думает считать её взрослой.

— Какая разница, — сказала докторша и решительно повернулась.

— Мальчику не терпится испытать мужество, да?

— Я малярик[1], — сказал я, отстраняя личную заинтересованность, — мне уколы делали тыщу раз.

— Ну, малярик, веди нас, — сказала докторша.

Убедившись, что они не передумают, я побежал вперёд, чтобы устранить связь между собой и их приходом.

Когда я вошёл в класс, у доски стоял Шурик Авдеенко, и хотя решение задачи в трёх действиях было написано на доске его красивым почерком, объяснить решение он не мог. Вот он и стоял у доски с яростным и угрюмым лицом, как будто раньше знал, а теперь никак не может припомнить своей мысли.

«Не бойся, Шурик, — думал я, — ты ничего не знаешь, а я тебя уже спас». Хотелось быть ласковым и добрым.

— Молодец, Алик, — сказал я тихо Комарову, — такую трудную задачу решил.

---

[1] *Маля́рик* — здесь: человек болеющий малярией.

Алик у нас считался способным троечником. Его редко ругали, зато ещё реже хвалили. Кончики ушей у него благодарно порозовели. Он опять наклонился над своей тетрадью и аккуратно положил руки на промокашку. Такая уж у него была привычка.

Но вот распахнулась дверь, и докторша вместе с этой Галочкой вошли в класс. Докторша сказала, что так, мол, и так, надо ребятам делать уколы.

— Если это необходимо именно сейчас, — сказал Харлампий Диогенович, мельком взглянув на меня, — я не могу возражать. Авдеенко, на место, — кивнул он Шурику.

Шурик положил мел и пошёл на место, продолжая делать вид, что вспоминает решение задачи.

Класс заволновался, но Харлампий Диогенович приподнял брови, и все притихли. Он положил в карман свой блокнотик, закрыл журнал и уступил место докторше. Сам он присел рядом за парту. Он казался грустным и немного обиженным.

Доктор и девчонка раскрыли свои чемоданчики и стали раскладывать на столе баночки, бутылочки и враждебно сверкающие инструменты.

— Ну, кто из вас самый смелый? — сказала докторша, хищно высосав лекарство иглой и теперь держа эту иглу остриём кверху, чтобы лекарство не вылилось.

Она это сказала весело, но никто не улыбнулся, все смотрели на иглу.

— Будем вызывать по списку, — сказал Харлампий Диогенович, — потому что здесь сплошные герои.

Он раскрыл журнал.

— Авдеенко, — сказал Харлампий Диогенович и поднял голову.

Класс нервно засмеялся. Докторша тоже улыбнулась, хотя и не понимала, почему мы смеёмся.

Авдеенко подошёл к столу, длинный, нескладный, и по лицу его было видно, что он так и не решил, что лучше: получить двойку или идти первым на укол.

Он поднял рубаху и теперь стоял спиной к докторше, всё такой же нескладный и не решивший, что лучше. И потом, когда укол сделали, он не обрадовался, хотя теперь весь класс ему завидовал.

Алик Комаров всё больше и больше бледнел. Подходила его очередь. И хотя он продолжал держать свои руки на промокашке, видно, это ему не помогало.

Я старался как-нибудь его расхрабрить, но ничего не получалось. С каждой минутой он делался всё строже и бледней. Он не отрываясь смотрел на докторскую иглу.

— Отвернись и не смотри, — говорил я ему.

— Я не могу отвернуться, — отвечал он затравленным шёпотом.

— Сначала будет не так больно. Главная боль, когда будут впускать лекарство, — подготавливал я его.

— Я худой, — шептал он мне в ответ, едва шевеля белыми губами, — мне будет очень больно.

— Ничего, — отвечал я, — лишь бы в кость не попала иголка.

— У меня одни кости, — отчаянно шептал он, — обязательно попадут.

— А ты расслабься, — говорил я ему, похлопывая его по спине, — тогда не попадут.

Спина его от напряжения была твёрдая, как доска.

— Я и так слабый, — отвечал он, ничего не понимая, — я малокровный.

— Худые не бывают малокровными, — строго возразил я ему. — Малокровными бывают малярики, потому что малярия сосёт кровь.

У меня была хроническая малярия, и сколько доктора ни лечили, ничего не могли поделать с ней. Я немного гордился своей неизлечимой малярией.

К тому времени, как Алика вызвали, он был совсем готов. Я думаю, он даже не соображал, куда идёт и зачем.

Теперь он стоял спиной к докторше, бледный, с остекленевшими глазами, и, когда ему сделали укол, он внезапно побелел как смерть, хотя, казалось, дальше блед-

неть некуда. Он так побледнел, что на лице его выступили веснушки, как будто откуда-то выпрыгнули. Раньше никто и не думал, что он веснушчатый. На всякий случай я решил запомнить, что у него есть скрытые веснушки. Это могло пригодиться, хотя я и не знал пока, для чего.

После укола он чуть не свалился, но докторша его удержала и посадила на стул. Глаза у него закатились, мы все испугались, что он умирает.

— Скорую помощь! — закричал я. — Побегу позвоню!

Харлампий Диогенович гневно посмотрел на меня, а докторша ловко подсунула ему под нос флакончик. Конечно, не Харлампию Диогеновичу, а Алику.

Он сначала не открывал глаза, а потом вдруг вскочил и деловито пошёл на своё место, как будто не он только что умирал.

— ...Даже не почувствовал, — сказал я, когда мне сделали укол, хотя прекрасно всё почувствовал.

— Молодец, малярик, — сказала докторша.

Помощница её быстро и небрежно протерла мне спину после укола. Видно было, что она всё ещё злится на меня за то, что я их не пустил в пятый «А».

— Ещё потрите, — сказал я, — надо, чтобы лекарство разошлось.

Она с ненавистью дотёрла мне спину. Холодное прикосновение проспиртованной ваты было приятно, а то, что она злится на меня и всё-таки вынуждена протирать мне спину, было ещё приятней.

Наконец всё кончилось. Докторша со своей Галочкой собрали чемоданчики и ушли. После них в классе остался приятный запах спирта и неприятный — лекарства. Ученики сидели, поёживаясь, осторожно пробуя лопатками место укола и переговариваясь на правах пострадавших.

— Откройте окно, — сказал Харлампий Диогенович, занимая своё место. Он хотел, чтобы с запахом лекарства из класса вышел дух больничной свободы.

Он вынул чётки и задумчиво перебирал жёлтые бусины. До конца урока оставалось немного времени. В та-

кие промежутки он обычно рассказывал нам что-нибудь поучительное и древнегреческое.

— Как известно из древнегреческой мифологии, Геракл совершил двенадцать подвигов, — сказал он и остановился. Щёлк, щёлк, — перебрал он две бусины справа налево. — Один молодой человек хотел исправить греческую мифологию, — добавил он и опять остановился. Щёлк, щёлк!

«Смотри чего захотел!» — подумал я про этого молодого человека, понимая, что греческую мифологию исправлять никому не разрешается. Какую-нибудь другую завалящую мифологию, может быть, и можно подправить, но только не греческую, потому что там уже давно всё исправлено и никаких ошибок быть не может.

— Он хотел совершить тринадцатый подвиг Геракла, — продолжал Харлампий Диогенович, — и это ему отчасти удалось.

Мы сразу по его голосу поняли, до чего это был фальшивый и никудышный подвиг, потому что, если бы Гераклу понадобилось совершить тринадцать подвигов, он бы сам их совершил, а раз он остановился на двенадцати, значит, так оно и надо было и нечего было лезть со своими поправками.

— Геракл совершил свои подвиги, как храбрец. А этот молодой человек совершил свой подвиг из трусости... — Харлампий Диогенович задумался и прибавил: — Мы сейчас узнаем, во имя чего он совершил свой подвиг...

Щёлк! На этот раз только одна бусина упала с правой стороны на левую. Он её резко подтолкнул пальцем. Она как-то нехорошо упала. Лучше бы упали две, как раньше, чем одна такая.

Я почувствовал, что в воздухе запахло какой-то опасностью. Как будто не бусина щёлкнула, а захлопнулся маленький капканчик в руках Харлампия Диогеновича.

— ...Мне кажется, я догадываюсь, — проговорил он и посмотрел на меня.

«Тринадцатый подвиг Геракла». *Худ. В. Юдин*

Я почувствовал, как от его взгляда сердце моё с размаху влепилось в спину.

— Прошу вас, — сказал он и жестом пригласил меня к доске.

— Меня? — переспросил я, чувствуя, что голос мой подымается прямо из живота.

— Да, именно вас, бесстрашный малярик, — сказал он.

Я поплёлся к доске.

— Расскажите, как вы решили задачу, — спросил он спокойно, и — щёлк, щёлк! — две бусины перекатились с правой стороны на левую. Я был в его руках.

Класс смотрел на меня и ждал. Он ждал, что я буду проваливаться, и хотел, чтобы я проваливался как можно медленнее и интересней.

Я смотрел краем глаза на доску, пытаясь по записанным действиям восстановить причину этих действий, но ничего сообразить не мог. Тогда я стал сердито стирать с доски, как будто написанное Шуриком путало

меня и мешало сосредоточиться. Я ещё надеялся, что вот-вот прозвенит звонок — и казнь придётся отменить. Но звонок не звенел, а бесконечно стирать с доски было невозможно. Я положил тряпку, чтобы раньше времени не делаться смешным.

— Мы вас слушаем, — сказал Харлампий Диогенович, не глядя на меня.

— Артиллерийский снаряд... — сказал я бодро в ликующей тишине класса и замолк.

— Дальше, — проговорил Харлампий Диогенович, вежливо выждав.

— Артиллерийский снаряд, — повторил я упрямо, надеясь по инерции этих правильных слов пробиться к другим таким же правильным словам. Но что-то крепко держало меня на привязи, которая натягивалась, как только я произносил эти слова.

Я сосредоточился изо всех сил, пытаясь представить ход задачи, и ещё раз рванулся, чтобы оборвать эту не видимую привязь.

— Артиллерийский снаряд... — повторил я, содрогаясь от ужаса и отвращения.

В классе раздались сдержанные хихиканья. Я почувствовал, что наступил критический момент, и решил ни за что не делаться смешным, лучше просто получить двойку.

— Вы что, проглотили артиллерийский снаряд? — спросил Харлампий Диогенович с доброжелательным любопытством.

Он спросил это так просто, как будто справлялся, не проглотил ли я сливовую косточку.

— Да, — быстро сказал я, почувствовав ловушку и решив неожиданным ответом спутать его расчёты.

— Тогда попросите военрука, чтобы он вас разминировал, — сказал Харлампий Диогенович, но класс уже и так смеялся.

Смеялся Сахаров, стараясь во время смеха не переставать быть отличником. Смеялся даже Шурик Авдеенко,

самый мрачный человек нашего класса, которого я же спас от неминуемой двойки. Смеялся Комаров, который хоть и зовётся теперь Аликом, а как был, так и остался Адольфом.

Глядя на него, я подумал, что, если бы у нас в классе не было настоящего рыжего, он сошёл бы за него, потому что волосы у него светлые, а веснушки, которые он скрывал так же, как своё настоящее имя, обнаружились во время укола. Но у нас был настоящий рыжий, и рыжеватость Комарова никто не замечал. И ещё я подумал, что, если бы мы на днях не содрали с наших дверей табличку с обозначением класса, может быть, докторша к нам не зашла бы и ничего бы не случилось. Я смутно начинал догадываться о связи, которая существует между вещами и событиями.

Звонок, как погребальный колокол, продрался сквозь хохот класса. Харлампий Диогенович поставил мне отметку в журнал и ещё что-то записал в свой блокнотик.

С тех пор я стал серьёзней относиться к домашним заданиям и с нерешёнными задачами никогда не совался к футболистам. Каждому своё.

Позже я заметил, что почти все люди боятся показаться смешными. Особенно боятся показаться смешными женщины и поэты. Пожалуй, они слишком боятся и поэтому иногда выглядят смешными. Зато никто не может так ловко выставить человека смешным, как хороший поэт или женщина.

Конечно, слишком бояться выглядеть смешным не очень умно, но куда хуже совсем не бояться этого.

Мне кажется, что Древний Рим погиб оттого, что его императоры в своей бронзовой спеси перестали замечать, что они смешны. Обзаведись они вовремя шутами (надо хотя бы от дурака слышать правду), может быть, им удалось бы продержаться ещё некоторое время. А так они надеялись, что в случае чего гуси спасут Рим. Но нагрянули варвары и уничтожили Древний Рим вместе с его императорами и гусями.

Я, понятно, об этом нисколько не жалею, но мне хочется благодарно возвысить метод Харлампия Диогеновича. Смехом он, разумеется, закалял наши лукавые детские души и приучал нас относиться к собственной персоне с достаточным чувством юмора.

По-моему, это вполне здоровое чувство, и любую попытку ставить его под сомнение я отвергаю решительно и навсегда.

Размышляем о прочитанном

1. Каким вы представляете рассказчика?
2. Расскажите о его товарищах. Чем каждый из них интересен?
3. Расскажите, что вы думаете об учителе Харлампии Диогеновиче? Случайно ли автор даёт ему такое отчество? Почему герой с благодарностью говорит о нём?
4. Как вы понимаете слова «Смехом он, разумеется, закалял наши лукавые детские души и приучал нас относиться к собственной персоне с достаточным чувством юмора»? Умеете ли вы относиться к себе и к собственным поступкам с чувством юмора?
5. Как вы думаете, в чём состоит главная идея этого произведения? Постарайтесь в одном-двух предложениях сформулировать вашу мысль.
6. Какой, по-вашему, смысл вкладывал автор в название своего рассказа?
7. Найдите юмористические эпизоды и подумайте, каким образом писателю удаётся вызвать смех.

Творческое задание

1. Напишите сочинение о том, каким вы представляете рассказчика, по предлагаемому плану:
   а) Кто такой рассказчик?
   б) Как он относится к товарищам по классу?
   в) Почему Харлампий Диогенович сравнил его с Гераклом?
   г) Как сам герой оценивает свои поступки?
   д) Каково авторское отношение к нему?
2. Вспомните смешной случай из вашей жизни. Расскажите о нём так, чтобы слушатели смеялись. Наиболее интересные рассказы запишите и поместите в классной стенгазете или рукописном журнале.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО ЖАНРА ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

Юрий Иосифович КОВАЛЬ

1938—1995

Ю. И. Коваль был человеком ярким и многогранно талантливым.

Бесконечно любя жизнь, Ю. Коваль был неутомимым путешественником и хорошо знал и растительность Земли, и населённое звёздами небо, он, как писал его друг, мог точно передать «неторопливую смену времён года, спокойную красоту русских лесов и полей».

Природа, в свою очередь, щедро одарила его: прозаик и поэт, бард, исполнявший свои песни, музыкант, искусно игравший на гитаре, художник, работавший кистью и горячей эмалью, делая религиозные росписи (выставки его произведений устраивались в домах творчества писателей и художников), скульптор, он во многих видах искусства добивался несомненных успехов. Этим он напоминал людей европейского Возрождения — была такая эпоха в истории человечества. Но главным его призванием была литература.

Родился Ю. И. Коваль в Москве, где окончил школу и факультет русского языка и литературы Московского государственного педагогического института. В те годы там в разное время учились многие очень способные молодые люди, ставшие впоследствии знаменитыми, прославленным поэтами, актёрами, режиссёрами, критиками, видными учёными и педагогами. В этом творческом кругу рос и зрел талант Юрия Коваля.

После окончания института Ю. И. Коваль работал учителем в сельской школе. Он преподавал литературу, русский язык, географию, историю, пение и рисование. Творческое начало побуждало его сочинять тексты для диктантов, причём на разные правила правописания.

И в годы учительства, и впоследствии Коваль продолжал писать стихи, сочинять музыку и рисовать, постепенно всё больше склоняясь к прозе и сотрудничая с журналами «Детская литература», «Мурзилка», а потом печатаясь и в других. Журнал «Мурзилка» отправил писателя в командировку на границу. По впечатлениям от этой поездки Юрий Коваль написал повесть «Алый», главным героем которой стал пёс. Повесть стала популярной, и по ней был создан художественный фильм «Пограничный пёс Алый».

С тех пор вышло множество его первоклассных произведений, которые были переведены на многие иностранные языки и получили самые высокие оценки лучших отечественных писателей. Может быть, книги Ю. Коваля знакомы и вам, а среди них — повесть «Приключения Васи Куролесова».

Своими учителями в искусстве писателя Ю. Коваль считал любимого Н. В. Гоголя, а также многих классиков русской литературы — А. С. Пушкина, И. С. Тургенева, А. П. Чехова, М. М. Пришвина, М. М. Зощенко...

В учебнике помещены четыре небольшие главы из первой части повести, но надеемся, что вы прочтете её целиком, для того чтобы в полной мере оценить художественные достоинства этого произведения.

Приключения Васи Куролесова

Что мне нравится в чёрных лебедях, так это их красный нос.

Впрочем, к нашему рассказу это не имеет никакого отношения. Хотя в тот вечер я сидел на лавочке у Чистых прудов и смотрел как раз на чёрных лебедей.

Солнце укатилось за почтамт.

В кинотеатре «Колизей» грянул весёлый марш и тут же сменился пулеметной очередью.

Из стеклянного кафе вышел молодой человек и, распугивая с асфальта сизарей, направился прямо к моей скамейке. Усевшись рядом, он достал из кармана часы-луковицу, больше похожие на репу, щёлкнул крышкой, и в тот же миг раздалась мелодия:

Я люблю тебя, жизнь,
И надеюсь, что это взаимно...

Скосив глаза, я глянул на часы и увидел надпись, искусно вырезанную на крышке: «ЗА ХРАБРОСТЬ».

Под надписью был выцарапан маленький поросёнок.

Между тем неизвестный захлопнул крышку часов и сказал себе под нос:

— Без двадцати девятнадцать.

— Сколько?

— Без двадцати девятнадцать. Или восемнадцать часов сорок минут. А что?

Передо мной сидел парень, худой, широкоплечий. Нос у него был несколько великоват, глаза прищуренные, а щёки загорелые и крепкие, как грецкий орех.

— Где же вы достали такие часики? — завистливо спросил я.

— Да так, купил по случаю. В одном магазинчике.

Это была, конечно, ерунда. Часы с надписью «За храбрость» не продаются. Неизвестный просто не хотел рассказывать, за что его наградили часами. Он стеснялся.

— Что мне нравится в чёрных лебедях, — сказал я дружелюбно, — так это их красный нос.

Владелец часов засмеялся.

— А мне, — сказал он, — чёрные лебеди вообще не нравятся. Лебедь должен быть белым.

Слово за слово — мы разговорились.

— Интересно, — толковал я, — почему это у вас на часах поросёнок нарисован?

— Да это так просто — шутка. Ничего интересного.

— Ну, а всё-таки?

— Дело давнее. Я ведь тогда жил ещё у мамы. В деревне Сычи.

— Ну, и что там произошло?

— Да ничего особенного...

Часть первая. Усы и поросята

Глава первая. В деревне Сычи

Вместе со своей мамой Евлампьевной жил Вася в деревне Сычи. Мама Евлампьевна держала кур с петухом и уток, а Вася учился на механизатора.

Как-то весной, в начале мая, мама Евлампьевна и говорит Васе:

— Васьк, кур у нас много. И утки есть. А вот поросят нету. Не купить ли?

— Мам, — говорит Вася, — на что нам поросята? Вырастут — свиньями станут. В грязи будут валяться. Противно-то как.

— Васьк, — говорит Евлампьевна, — да пусть валяются, тебе-то чего? Давай купим!

— Мам, — говорит Вася, — да ну их! Хрюкать начнут — отбою от них не будет.

— Васьк, — говорит Евлампьевна, — да много ли тебе надо отбою! Похрюкают и перестанут. А мы их будем помойкой кормить.

Они поговорили ещё и решили всё-таки купить двух поросят.

И в выходной день Вася взял мешок из-под картошки, вытряхнул из него пыль и поехал на рынок в районный центр. В город Карманов.

Глава вторая. Тёртый калач

А народу на рынке было полно.

У ворот, на которых было написано «Кармановский колхозный рынок», стояли женщины, толстые и румяные.

Они продавали с рук цветные платки и белое бельё.

— Купи! — кричали они Васе. — Купи платок — чистый кумак!

Вася только проталкивался через толпу.

Он увидел, что рынок стоит во дворе бывшего монастыря, весь обнесён каменной стеной, а по углам — башни с резными крестами.

— А вот стекло двойное, бэмское! — кричал у входа стекольщик, который боялся со своим товаром лезть в середину рынка.

Вместе с толпой Вася прошёл в ворота, и сразу же под нос ему сунулось блюдо с красными варёными раками. Раки были кривобокими, с перепутанными клешнями. Их усы свешивались с блюда, как соломины.

— А ну, — крикнул Вася продавцу раков, — сторонись, раковщик!

За раковщиком пошла сразу рыба. Некрасивый дядя вытаскивал из корзины лобастых язей, надавливал им на пузо. Язи открывали рот и делали «хм». И дядя бросал язя в корзину, в которой были и другие язи, переложенные крапивой.

Вася то застревал в толпе, то прокапывался дальше. Развернулись перед ним морковь и петрушка, зелёный лук — веником, репчатый — косицами.

— Каротель! Каротель! — покрикивала женщина-морковница.

— Ре-па! — ухал парень-долговяз.

Прохожие покупатели хватали-покупали кому чего в голову взбредёт: кому — репа, кому — рыба, кому — каротель.

«А мне бы поросят, — думал Вася. — Только где же они?»

В самом углу рынка под башней Вася увидел, чего искал. Здесь продавали кур, гусей, телят — всякую живность. И поросят было много.

Вася долго подыскивал подходящих, не очень маленьких, да и не слишком больших.

«Мне бы средних, — думал он. — И покрепче!»

Наконец у одного черноусого мужичишки Вася увидел парочку поросят.

— Славные! — сказал черноусый, пальцем указывая на них.

— Пятачки-то у них что-то маленькие.

— У этих-то маленькие? — удивился продавец. — Каких же тебе пятачков надо? С пластинку патефонную?

— Патефона у меня нету, — сказал Вася. — А всё ж пятачок хотелось бы покрупнее.

— Балда ты! — сказал черноусый. — Нет у тебя толку в поросятах. Лучше патефон себе купи.

— Тебя не спросил! — сказал Вася, грозно посмотрел на продавца и обошёл его.

«А что, — думал он, — может, и вправду патефон купить?»

Вася ещё повертелся на рынке, поискал других поросят, а издали всё поглядывал на тех, что ему приглянулись. Он видел, как мужичишка то и дело вытаскивал их из мешка и совал под нос покупателям, уверяя каждого, что поросята славные. И правда они были славные, с небольшими по размеру пятачками. Вася покрутился, покрутился да и завернул снова к черноусому.

— Ага! — крикнул тот. — Вернулся!

— Говори цену.

Мужичишка сказал, но цена Васе не понравилась.

— Высока.

— Какой же ты человек плохой! То пятачки не подходят, то цена высока. Угрюмый ты.

— Ты сам угрюмый, вон усы-то как повисли.

— Новое дело! Теперь усы ему не нравятся! Ай да парень! Откуда только такие берутся?

— Из деревни Сычи, — весело сказал Вася. — Говори новую цену. Пониженную.

Черноусый сказал, и новая цена Васе понравилась, но он так подумал: «Поторгуюсь ещё для блезиру, пусть знает, что я — тёртый калач».

Вася поторговался ещё, и черноусый сказал:

— Вижу, ты тёртый калач. Ладно уж, скину трёшник. Только для тебя.

— Держи деньги. И суй поросят в мой мешок.

— Э, да чего там, — ответил продавец, сосчитав деньги. — Забирай их прямо в мешке, а мне свой пустой отдай.

Вася отдал ему свой мешок, вжик — перетянул мешок с поросятами верёвочкой.

«Дело сделано», — подумал Вася и пошёл к выходу.

— Стой-ка, — обиделся вслед ему черноусый, — хоть бы «до свидания» сказал.

— Ничего, — ответил Вася, — обойдёшься.

Он шёл к выходу и думал: «Хоть я и деревенский парень, а грубиян».

Это ему нравилось. Ему хотелось быть грубияном и тёртым калачом, да, пожалуй, и от стреляного воробья он бы не отказался.

Вася чувствовал спиной, как трепыхаются в мешке поросята, и это ему нравилось, потому что было щекотно, да и поросята, в конце концов, были, конечно, славные, правда, с маленькими по размеру пятачками.

Глава третья. Парочка поросят

На станции Вася выпил квасу в честь хорошей покупки, а потом сел в электричку. Поросята шевелились в мешке, а когда поезд тронулся, стали повизгивать.

Вася стоял в тамбуре и глядел в окошко на пробегающие поля, дачи, ёлочки, телеграфные столбы. Пассажиры в тамбуре что-то кричали друг другу, махали руками и курили, выпуская изо рта тяжёлые махровые кольца, колёса стучали под вагоном, — иэх! — мчался поезд в деревню Сычи и ещё дальше... К дому Вася добрался под вечер, когда солнце уже стало садиться и покачивалось над деревней Сычи.

Мама Евлампьевна стояла у ворот и ещё издали крикнула:

— Васьк! Неужто не купил?

Вася промолчал. Ему не хотелось орать на всю деревню.

— Чего у тебя в мешке-то? — кричала Евлампьевна. — Говори скорей! Неужели поросёнок! Слышь, Марусенька, Васька-то поросёнка несёт!

— Бум, бум-бум! — отвечала ей соседка Марусенька из-за оконного стекла.

— Пара поросёнков, мам, — сказал Вася, кладя мешок на землю.

— Да неси их скорей в избу! Застудишь. Они небось махонькие.

— Это ещё как сказать, — говорил Вася, внося мешок в избу. — Не такие уж махонькие, да и не слишком большие. В самый раз, крепенькие.

Пока Вася развязывал мешок, поросята шевелились в нём и повизгивали.

— И куры у нас есть, — кричала Евлампьевна, обращаясь к подоспевшей поглядеть поросят Марусеньке, — и утки! А поросят нету. Встану утром и грущу. Вот бы, думаю, поросёночка завесть.

— То-то я и говорю, — басовито бубнила в ответ Марусенька. — Без свиньи какой двор. Со свиньёй жить веселее.

— Да развязывай же скорее! — кричала Евлампьевна.

— Куда спешить-то, мам?.. — отвечал Вася, развязав мешок. Он встряхнул его, и из мешка, ощерясь и вроде даже противно улыбаясь, вылез рыжий облезлый пёс.

Глава четвёртая. Тёмная ночь

Ночь стояла на дворе.

Лунный облик мерцал через окошко. В темноте тикали на стенке ходики: тик, тик, тик...

«Ну, дьявол черноусый! — думал Вася, ворочаясь на кровати. — Ловко обманул».

— Ладно, Васьк, — вздыхала Евлампьевна, — спи. Обойдёмся и без свиньи. Вон у людей даже кур нету — живут.

Но Вася не мог спать. Только закроет глаза — видится ему рынок в Карманове, толпа народу, грызущая семечки, а вдалеке, под башней, — черноусый, противный-противный. И всё подмигивает: «Купи поросёночка!»

«Как же пёс оказался в мешке? — думал Вася. — Не через дырку же пролез! Значит, черноусый мешки переменил, пока я деньги считал. Вместо мешка с поросятами подсунул мешок со псом».

— Ты куда пса девал? — спросила Евлампьевна. Она всё ворочалась на печке, переставляя валенки, которые там сушились.

— На улицу выгнал.

«А пёс-то какая свинья! — думал Вася. — Сидел в мешке и нарочно похрюкивал. Надо было его поленом огреть... А я-то хорош! — думал Вася далее. — Развесил уши: мол, я — тёртый калач! А сам лопух лопухом».

Наконец Вася заснул и спал мрачно, без снов, вздрагивая и огорчаясь. И ночь над Васей, над деревней Сычи была тёмная, совсем тёмная, весенняя, когда снег уже сошёл, а земля под ним оказалась такой же чёрной, как и в прошлом году.

Размышляем о прочитанном

1. Автор назвал свою повесть «Приключения Васи Куролесова». Что он, по вашему мнению, понимает под словом «приключения»? Где происходят события и какой характер они носят? Чем отличаются приключения Васи от приключений в известных вам произведениях?
2. Что нравится рассказчику в окружающей жизни и почему его заинтересовал человек, вышедший из кафе?
3. О чём просила Васю его мама и выполнил ли он её просьбу?
4. Зачем автор столь подробно описал кармановский рынок?

Творческое задание

1. Найдите в «Словаре русского языка» слово «куролесить» и подумайте, какое значение из приведённых в «Словаре» наиболее подходит к герою повести.

2. Поясните, зачем автору понадобились «говорящие фамилии» (например, Куролесов, Тараканов) и как их можно объяснить.
3. Подготовьте устное сообщение-размышление на тему «Как происходящие события влияют на характер Васи».
4. Своеобразие повести состоит в её событиях-приключениях. Перечислите их. Какие ещё особенности можно найти в её содержании? Напишите развёрнутый ответ на вопрос: «Почему автор начал повесть с упоминания о чёрных лебедях и предпочёл им белых?»
5. Как автор относится к Васе? Как он выражает своё отношение к герою в произведении?

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Расул ГАМЗАТОВ

1923—2003

Расул Гамзатов — аварский поэт. Аварцы — один из народов многонационального Дагестана, республики на юге России. Отцом Расула Гамзатова был Гамзат Цадаса, народный поэт Дагестана. Вероятно, поэтому Расул начал писать стихи ещё в детском возрасте, а в четырнадцать лет он увидел свои произведения напечатанными в республиканской газете. Окончив педагогическое училище, Расул несколько лет работал школьным учителем. В годы Великой Отечественной войны был журналистом в газетах и на радио. В победном 1945-м Р. Гамзатов поступил в Литературный институт имени А. М. Горького в Москве, его друзьями по институту были поэты Наум Гребнев и Яков Козловский, которые перевели на русский язык многие стихотворения аварского поэта. Науму Гребневу принадлежит и перевод стихотворения «Журавли», ставшего литературной основой для всенародно любимой песни. Интересна судьба этой песни.

Поэт Расул Гамзатов в составе делегации писателей в 1965 году посетил японский город Хиросиму. Поэта поразил один из памятников города — девочка с бумажным журавликом в руках. Японская девочка хотела победить лучевую болезнь, полученную в результате американской атомной бомбардировки города. Девочка надеялась, что согласно древней легенде, после того как она сделает тысячу бумажных журав-

ликов, её мечта исполнится — болезнь отступит. Но девочка умерла. Поэт написал стихотворение, в котором журавли стали образом, напоминающим об ушедших, погибших. И о японской девочке, и старших братьях поэта, не вернувшихся с фронтов Великой Отечественной войны, и о многих, многих других.

Стихотворение это, напечатанное в журнале, прочитал певец и киноактёр Марк Бернес. Он попросил своего друга, композитора Яна Френкеля, написать песню на слова стихотворения Гамзатова. Сам Марк Бернес стал первым исполнителем «Журавлей». Поэтический образ белых журавлей, задушевная интонация стихов и музыки сделали песню любимой для людей разных возрастов и национальностей.

Журавли

Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю эту полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей.

Они до сей поры с времён тех дальних
Летят и подают нам голоса.
Не потому ль так часто и печально
Мы замолкаем, глядя в небеса?

Сегодня, предвечернею порою,
Я вижу, как в тумане журавли
Летят своим определённым строем,
Как по полям людьми они брели.

Они летят, свершают путь свой длинный
И выкликают чьи-то имена.
Не потому ли с кличем журавлиным
От века речь аварская сходна?

Летит, летит по небу клин усталый —
Летит в тумане на исходе дня,
И в том строю есть промежуток малый —
Быть может, это место для меня!

Настанет день, и с журавлиной стаей
Я поплыву в такой же сизой мгле,
Из-под небес по-птичьи окликая
Всех вас, кого оставил на земле.

Размышляем о прочитанном

В оригинале стихотворения (на аварском языке) в первой строке речь шла о джигитах (так называют воинов на Кавказе). Переводчик предложил заменить кавказское «джигит» международным «солдат». Поэт согласился. Как вы считаете, что изменила в содержании стихотворения замена слов?

@material100

Творческое задание

Найдите в ресурсах Интернета песню «Журавли» в исполнении Марка Бернеса. В процессе создания песни певец внёс изменения в текст стихотворения, согласовав их с поэтом. Прослушайте песню и определите, как изменился текст.

Подготовьте развёрнутый устный ответ на вопрос: «Чем отличается содержание стихотворения Расула Гамзатова „Журавли“ от содержания песни, написанной на основе этого стихотворения?»

Мустай КАРИМ

1919–2005

Классик башкирской литературы Мустай Карим (Мустафа Каримов) был человеком яркого и многогранного таланта. Он и проникновенный поэт-лирик, и создатель крупных эпических прозаических произведений, на сценах драматических театров ставят спектакли по его пьесам. Ещё будучи студентом педагогического института, Мустай Карим активно сотрудничал с детскими и молодёжными журналами, тогда же были опубликованы первые стихотворные книги молодого поэта. Когда Мустай Карим заканчивал институт началась Великая Отечественная война. Офицер-связист Мустай Карим воевал на фронтах войны до тяжёлого ранения в 1942 году. После госпиталя он вернулся на фронт, продолжил воевать в качестве фронтового журналиста.

Одним из первых послевоенных произведений Мустая Карима стала повесть «Радость нашего дома», написанная о детях и для детей. Это история о мальчике Ямиле и девочке Оксане, все родственники которой погибли. Но рассказывает повесть не об ужасах войны, а о предчувствии и ожидании мирной жизни.

У поэтов разных народов и разных времён есть общие темы и образы, к которым они обращаются независимо от того, на каких континентах и в каких странах, в какие времена они живут. Есть такие образы и темы и у поэтов многонациональной литературы России. Прежде всего это образ матери и тема сыновней любви. Свою любовь к матери, к её доброте и мудрости Мустай Карим выразил в стихотворении «Эту песню мать мне пела...».

Эту песню мать мне пела...

Эту песню мать мне пела,
На руках меня качая.
Эту песню мать мне пела,
В путь-дорогу провожая.
Мать мне пела эту песню —
Мы давно расстались с нею...
И чем дальше голос милый,
Тем звучит он всё слышнее.
«Пламя вырастет из искры —
Знают люди,
Но коль искра улетает —
Пепел будет.
Если капля ляжет к капле —
Будет море.
Если ж капля одинока —
Сгинет вскоре.
Пролагают вместе люди
Путь широкий.
След травою зарастает
Одинокий.
Коль в полях цветы пестреют —
Хвалят люди.
А один цветок на тропке
Смятым будет.
Помни: слава не находка
На дороге.
На ветру один потухнешь
Без подмоги.
Каплей будешь только в море
Ты живою.
Пусть твой след не зарастёт
Глухой травою».
Эту песню мать мне пела,
На руках меня качая.

Эту песню мать мне пела,
В путь-дорогу провожая.

(*Перевод*
Е. Николаевской)

Размышляем о прочитанном

1. Какие слова говорят о том, что мудрость материнской песни была важна для автора и в детстве, и в юности, и в зрелом возрасте? Прочитайте эти слова вслух.
2. Какой жанр народного творчества напоминают фразы из песни матери: «пламя вырастет из искры», «если капля ляжет к капле — будет море», «если капля одинока — сгинет вскоре»? Как вы поняли смысл этих фраз? О чём предупреждает мать своего ребёнка, чему учит?

Учимся читать выразительно

В тексте стихотворения звучат два голоса — матери и сына. Готовясь к выразительному чтению, подумайте, с какими интонациями должны прозвучать слова сына, а с какими — песня матери.

Проект

Многие поэты писали о матерях, в стихотворениях вспоминали их песни, сказки, добрые слова, мудрые наставления. Составьте небольшой электронный сборник таких стихотворений. Будет достаточно трёх произведений. Подготовьте устный отзыв о стихотворениях, вошедших в ваш сборник.

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Ханс Кристиан АНДЕРСЕН

1805—1875

Ханс Кристиан Андерсен родился в Дании, в городе Оденсе на острове Фюн в семье сапожника. «Детство моё, — вспоминал он, — прошло в одной-единственной комнате, почти целиком заставленной сапожным верстаком, кроватью и раздвижной скамьёй, на которой я спал, зато стены были увешаны картинами, на комоде стояли красивые чашки, стаканы и безделушки, а над верстаком, у окна, висела полка с книгами и нотами. Тесное помещение казалось мне большим и роскошным... Из кухни вела лестница на чердак, где в водосточном жёлобе между нашим и соседским домом стоял ящик с землёй, в котором росли лук и петрушка, это был весь огород моей матери; он до сих пор цветёт в моей сказке „Снежная королева“».

В детстве всё интересно и важно — цветы, и самодельные игрушки, и кукольный театр, и прогулки по городу. Интересно было рассматривать афиши, наблюдать, как иногда проходили по улицам матросы и солдаты. Но самым интересным и важным в жизни Ханса были истории, сказки, которые по вечерам рассказывали старшие. Особенно много самых удивительных историй знала бабушка. Её сказки были самыми замечательными, а песни, которые она пела, самыми прекрасными. Ханс внимательно слушал, запоминал, и ему самому хотелось рассказать обо всём, что приходило ему в голову.

В сказках Андерсена вещи оживают. Игрушки устраивают бал. Воротничок собирается жениться. Старый уличный фонарь важно лежит в кресле возле тёплой печки. Грифель пляшет. Фантастические существа встречаются с обыкновенными людьми. В сказках Андерсена мы видим самых разных персонажей — девочек и мальчиков, принцев и принцесс, королей и королев, писателя и студента, пастуха и аптекаря, солдата и сапожника.

За свою жизнь писатель объездил все страны Европы. А его сказки путешествуют по всему миру.

По Н. П. Михальской

Снежная королева

История первая, в которой говорится о зеркале и его осколках

Ну, начнём! Дойдя до конца нашей истории, мы будем знать больше, чем теперь. Так вот, жил однажды тролль, злющий-презлющий, как сам дьявол. Раз он был в особенно хорошем расположении духа: он смастерил такое зеркало, в котором всё доброе и прекрасное уменьшалось донельзя, всё же негодное и безобразное, напротив, так и бросалось в глаза и казалось ещё хуже. Прекраснейшие пейзажи выглядели в нём варёным шпинатом[1], а лучшие из людей — уродами или казались стоящими кверху ногами и без животов, так что тролль не мог не хохотать, радуясь своей выдумке. Все ученики тролля — у него была своя школа — рассказывали о зеркале как о каком-то чуде.

— Теперь только, — говорили они, — можно увидеть весь мир и людей в их настоящем свете!

И вот они бегали с зеркалом повсюду. Скоро не осталось ни одной страны, ни одного человека, которые бы

[1] *Шпина́т* — растение, листья которого употребляются в пищу. При варке шпинат превращается в зелёную кашицу.

не отразились в нём в искажённом виде. Напоследок захотелось им добраться и до неба, чтобы посмеяться над ангелами и самим Творцом.

Всё выше и выше летели они, и вдруг зеркало так перекосило, что оно вырвалось у них из рук, полетело на землю и разбилось вдребезги. Миллионы, биллионы его осколков наделали, однако, несравненно больше вреда, чем само зеркало. Некоторые из них, величиной всего с песчинку, разлетаясь по белу свету, попадали, случалось, людям в глаза и так там и оставались. Человек же с таким осколком в глазу начинал видеть всё навыворот или замечать в каждой вещи одно лишь дурное, так как каждый осколок сохранял свойство, которым отличалось прежде целое зеркало. Некоторым людям осколки попадали прямо в сердце, и это было хуже всего: сердце превращалось в кусок льда. Были между этими осколками и большие — такие, что их можно было вставить в оконные рамы, но уж в эти окна не стоило смотреть на своих добрых друзей. Наконец, были такие осколки, которые пошли на очки; только беда была, если люди надевали их для того, чтобы смотреть на вещи и судить о них вернее.

Злой тролль хохотал до колик в животе и наслаждался, словно его щекотали. А по свету летало ещё много осколков зеркала.

Послушаем же!

История вторая

Мальчик и девочка

В большом городе, где столько домов и людей, что не всем удаётся отгородить себе хоть маленькое местечко для садика, и где поэтому большинству жителей приходится довольствоваться комнатными цветами в горшках, жили двое бедных детей, но у них был садик побольше цветочного горшка.

Они не были в родстве, но любили друг друга, как брат и сестра.

Родители их жили под самой крышей в двух смежных домах. Там, где кровли домов почти сходились, под выступами кровель шёл водосточный жёлоб, и туда как раз были обращены чердачные окошки обеих семей. Таким образом, стоило только перешагнуть с одного жёлоба на другой — и вы попадали к соседям.

У родителей было по большому деревянному ящику; в них росли овощи и небольшие кусты роз — в каждом по одному; кусты чудесно разрастались. Родителям пришло в голову поставить эти ящики поперёк желобов, и словно две цветущие грядки протянулись от одного окна к другому. Горох спускался из ящиков зелёными гирляндами, розовые кусты обрамляли окна и сплетались ветвями; а мальчик и девочка ходили друг к другу по крыше в гости и сидели на скамеечке под розами. Тут они чудесно играли.

Зимою окна зачастую замерзали, и это удовольствие прекращалось. Но дети нагревали на печке медные монеты и прикладывали их к замёрзшим стёклам — сейчас же оттаивало чудесное отверстие, такое круглое-круглое, а в него выглядывал весёлый, ласковый глазок — это смотрели, каждый из своего окна, мальчик и девочка: Кай и Герда. Летом они в один прыжок могли очутиться друг у друга, а зимою надо было сначала спуститься на много-много ступенек вниз, а затем подняться на столько же вверх. На дворе же ветер крутил снег.

— Это роятся белые пчёлки! — говорила старая бабушка.

— А у них тоже есть королева? — спрашивал мальчик: он знал, что у настоящих пчёл есть такая.

— Есть, — отвечала бабушка. — Она там, где рой всего гуще, она больше всех и никогда подолгу не остаётся на земле — всегда взлетает на чёрное облако. Часто по ночам пролетает она по городским улицам и заглядывает в окошки, и стёкла тогда покрываются ледяными узорами, словно цветами.

— Видели, видели! — говорили дети и верили, что всё это сущая правда.

— А Снежная королева не может войти сюда? — спросила раз девочка.

— Пусть-ка попробует! — сказал мальчик. — Я посажу её на тёплую печку, вот она и растает.

Но бабушка погладила его по головке и завела разговор о другом.

Вечером, когда Кай был дома и почти совсем разделся, собираясь лечь спать, он вскарабкался на стол у окна и поглядел в маленький, оттаявший на оконном стекле кружочек. За окном порхали снежинки; одна из них, побольше, упала на край цветочного ящика и начала расти, расти, пока наконец не превратилась в женщину, закутанную в тончайший белый тюль, сотканный, казалось, из миллионов снежных звёздочек. Она была так прелестна и нежна, но изо льда, из ослепительного, сверкающего льда, и всё же живая! Глаза её сияли, как звёзды, но в них не было ни теплоты, ни покоя. Она кивнула мальчику и поманила его рукой. Мальчуган испугался и спрыгнул со стула; мимо окна промелькнуло что-то похожее на большую птицу.

На другой день был славный мороз, но затем сделалась оттепель, а там пришла и весна. Солнце светило, зелень опять показалась из земли, ласточки вили под крышей гнёзда, окна растворили, и дети снова сидели в своём маленьком садике высоко над всеми этажами.

В то лето розы цвели особенно пышно.

Девочка выучила псалом[1], в котором тоже говорилось о розах; девочка пела его мальчику, думая при этом о своих розах, и он подпевал ей:

Розы цветут... красота, красота!
Скоро узрим мы Младенца Христа.

Дети пели, взявшись за руки, целовали розы, смотрели на солнечное сияние и разговаривали с ним, — им чудилось, что с него глядел на них сам Младенец Хри-

[1] *Псало́м* — церковное песнопение, входящее в Псалтырь (часть Библии, Книга псалмов).

стос. Один раз Кай и Герда рассматривали книжку с картинками — зверями и птицами; на больших башенных часах пробило пять.

— Ай! — вскрикнул вдруг мальчик. — Меня кольнуло прямо в сердце, и что-то попало в глаз!

Девочка обвила ручонкой его шею; он мигал глазами, но ни в одном ничего не было видно.

— Должно быть, выскочило, — сказал он.

Но в том-то и дело, что нет. Это был как раз крошечный осколок дьявольского зеркала, в котором, как мы, конечно, помним, всё великое и доброе казалось ничтожным и гадким, а злое и дурное отражалось ещё ярче, дурные стороны каждой вещи выступали ещё резче.

Бедняжка Кай! Теперь сердце его должно было превратиться в кусок льда! Боль прошла, но самый осколок остался.

— О чём же ты плачешь? — спросил он Герду. — Мне совсем не больно. Какая ты делаешься некрасивая! Фу! — закричал он затем. — Эту розу точит червь. А та совсем кривая. Какие гадкие розы! Не лучше ящиков, в которых торчат!

И он толкнул ящик ногою и обломал две розы.

— Кай, что ты делаешь? — закричала девочка, а он, увидя её испуг, сорвал ещё одну и убежал от миленькой маленькой Герды в своё окно.

Приносила ли после того ему девочка книжку с картинками — он говорил, что эти картинки хороши только для грудных ребят; рассказывала ли что-нибудь бабушка — он придирался к её словам. А потом... дошёл и до того, что крался за ней, передразнивая её походку, стал надевать очки, подражать её голосу. Выходило очень похоже и смешило людей. Скоро мальчик выучился передразнивать и всех соседей. Он отлично умел выставить напоказ все их странности и недостатки, и люди говорили:

— Что за голова у этого мальчугана!

А причиной всему был осколок зеркала, что попал ему в глаз, а затем и в сердце. Потому-то он и передраз-

нивал даже маленькую миленькую Герду, которая любила его всем сердцем.

И забавы его стали теперь совсем иными, такими мудрёными. Раз зимою, когда шёл снег, он явился с большим увеличительным стеклом и подставил под снег полу своего синего пальто.

— Погляди в стекло, Герда, — сказал он.

Каждая снежинка казалась под стеклом куда больше, чем была на самом деле, и походила на роскошный цветок или десятиугольную звезду. Это было очень красиво.

— Видишь, как искусно сделано! — сказал Кай. — Это гораздо интереснее настоящих цветов! И какая точность! Ни единой неправильной линии! Ах, если бы только они не таяли!

Немного спустя Кай явился в больших рукавицах, с санками за спиною, крикнул Герде в самое ухо: «Мне позволили покататься на большой площади с другими мальчиками!» — и убежал.

На площади каталось множество детей. Те, что были посмелее, привязывали свои санки к крестьянским саням и прокатывались таким образом довольно далеко. Веселье так и кипело. В самый разгар его на площади появились большие сани, выкрашенные в белый цвет. В них сидел кто-то укутанный в белую меховую шубу и в такой же шапке. Сани объехали вокруг площади два раза. Кай живо привязал к ним свои санки и покатился. Большие сани понеслись быстрее и затем свернули с площади в переулок. Сидевший в них человек обернулся и дружески кивнул Каю, точно знакомому. Кай несколько раз порывался отвязать свои санки, но человек в шубе кивал ему, и он продолжал ехать.

Вот они выехали за городские ворота. Снег повалил вдруг хлопьями, да так густо, что Кай не мог видеть своей протянутой руки. Мальчик поспешил отпустить верёвку, которою зацепился за большие сани, но санки его точно приросли к ним и продолжали нестись вихрем. Кай громко закричал — никто не услышал его. Снег валил,

«Снежная королева». *Худ. В. Алфеевский* (*фрагмент*)

санки мчались, ныряя в сугробах, прыгая через изгороди и канавы. Кай весь дрожал, хотел прочесть «Отче наш», но в уме у него вертелась одна таблица умножения.

Снежные хлопья всё росли и обратились под конец в больших белых куриц. Вдруг они разлетелись в стороны, большие сани остановились, и сидевший в них человек встал. Это была высокая, стройная, ослепительно-белая женщина — Снежная королева; и шуба, и шапка на ней были из снега.

— Славно проехались! — сказала она. — Но ты совсем замёрз — полезай ко мне в медвежью шубу!

И, посадив мальчика в сани, она завернула его в свою шубу. Кай словно опустился в снежный сугроб.

— Всё ещё мёрзнешь? — спросила она и поцеловала его в лоб.

У! Поцелуй её был холоднее льда, он пронизал его насквозь и дошёл до самого сердца, а оно и без того уже было наполовину ледяным. Каю показалось, что он сейчас умрёт... Но это только на одну минуту, а потом, напротив, ему стало хорошо, он даже совсем перестал зябнуть.

— Мои санки! Не забудь мои санки! — вспомнил он прежде всего о санках.

И санки были привязаны на спину одной из белых куриц, которая и полетела с ними за большими санями. Снежная королева поцеловала Кая ещё раз, и он позабыл и Герду, и бабушку, и всех домашних.

— Больше я не буду целовать тебя, — сказала она. — А не то зацелую до смерти.

Кай взглянул на неё. Она была так хороша! Более умного, прелестного лица он не мог себе и представить. Теперь она не казалась ему ледяною, как в тот раз, когда сидела за окном и кивала ему головой.

Он совсем не боялся её и рассказал ей, что знает все четыре действия арифметики, да ещё с дробями, знает, сколько в каждой стране квадратных миль и жителей, а она только улыбалась в ответ. И тогда ему показалось, что он в самом деле знает мало.

В тот же миг Снежная королева подхватила его, и они взвились на чёрное облако. Буря выла и стонала, словно распевала старинные песни; они летели над лесами и озёрами, над морями и твёрдой землёй; под ними дули холодные ветры, выли волки, сверкал снег, летали с криком чёрные вороны, а над ними сиял большой ясный месяц. На него смотрел Кай всю долгую-долгую зимнюю ночь — днём он спал у ног Снежной королевы.

История третья

Цветник женщины, умевшей колдовать

А что же было с Гердой, когда Кай не вернулся? И куда он девался? Никто этого не знал.

Мальчики рассказали только, что видели, как он привязал свои санки к большим великолепным саням, которые потом свернули в переулок и выехали за городские ворота.

Много было пролито слёз; горько и долго плакала Герда. Наконец порешили, что Кай умер, утонул в реке, протекавшей за городом. Долго тянулись мрачные зимние дни.

Но вот настала весна, выглянуло солнце.

— Кай умер и больше не вернётся! — сказала Герда.

— Не верю! — отвечал солнечный свет.

— Он умер и больше не вернётся! — повторила она ласточкам.

— Не верим! — ответили они.

Под конец и сама Герда перестала этому верить.

— Надену-ка я свои красные башмачки (Кай ни разу ещё не видал их), — сказала она однажды утром, — да пойду к реке спросить про него.

Было ещё очень рано. Она поцеловала спящую бабушку, надела красные башмачки и побежала одна-одинёшенька за город, прямо к реке.

— Правда, что ты взяла моего названого братца? — спросила Герда. — Я подарю тебе свои красные башмачки, если ты отдашь мне его назад!

И девочке почудилось, что волны как-то странно кивают ей. Тогда она сняла свои красные башмачки — самое драгоценное, что у неё было, — и бросила их в реку. Но они упали как раз у берега, и волны сейчас же выбросили их — река как будто не хотела брать у девочки её драгоценность, так как не могла вернуть ей Кая. Девочка же подумала, что бросила башмачки недостаточно далеко, влезла в лодку, качавшуюся в тростнике, стала на самый краешек кормы и опять бросила башмачки в воду. Лодка не была привязана и от её движения стала медленно отплывать от берега.

Девочка хотела поскорее выпрыгнуть на берег, но, пока она пробиралась с кормы на нос, лодка уже отошла далеко от берега и быстро понеслась по течению.

Герда ужасно испугалась и принялась плакать и кричать, но никто, кроме воробьёв, не слышал её криков. Воробьи же не могли перенести её на сушу и только летели за ней вдоль берега и щебетали, словно желая её утешить:

— Мы здесь! Мы здесь!

Лодку уносило всё дальше. Герда сидела смирно, в одних чулках: красные башмачки её плыли за лодкой, но не могли догнать её.

«Может быть, река несёт меня к Каю?» — подумала Герда, повеселела, встала на ноги и долго-долго любовалась красивыми зелёными берегами.

Но вот она приплыла к большому вишнёвому саду, в котором приютился домик с красными и синими стёклами в окошках и с соломенной крышей. У дверей стояли два деревянных солдата и отдавали честь всем, кто проплывал мимо. Герда закричала им — она приняла их за живых, но они, понятно, не ответили ей. Вот она подплыла к ним ещё ближе, лодка подошла чуть не к самому берегу, и девочка закричала ещё громче. Из домика вышла, опираясь на клюку, старая-престарая старушка в большой соломенной шляпе, расписанной чудесными цветами.

— Ах ты, бедная крошка! — сказала старушка. — Как это ты попала на такую большую быструю реку да забралась так далеко?

С этими словами старушка вошла в воду, зацепила лодку своей клюкой, притянула её к берегу и высадила Герду.

Герда была рада-радёшенька, что очутилась наконец на суше, хоть и побаивалась чужой старухи.

— Ну, пойдём. Расскажи мне, кто ты и как сюда попала, — сказала старушка.

Герда стала рассказывать ей обо всём, а старушка покачивала головой и повторяла: «Гм! Гм!» Когда девочка кончила, она спросила старуху, не видала ли она Кая. Та ответила, что он ещё не проходил тут, но, верно, пройдёт, так что девочке пока не о чём горевать, пусть лучше попробует вишен да полюбуется цветами, что растут в саду: они красивее нарисованных в любой книжке с картинками и все умеют рассказывать сказки. Тут старушка взяла Герду за руку, увела к себе в домик и заперла дверь на ключ.

Окна были высоко от пола и все из разноцветных — красных, голубых и жёлтых — стёклышек; от этого и сама комната была освещена каким-то удивительным радужным светом. На столе стояла корзинка с чудесными вишнями, и Герда могла есть их сколько душе угодно. Пока же она ела, старушка расчёсывала ей волосы золотым гребешком. Волосы вились кудрями и золотым сиянием окружали милое, приветливое, круглое, словно роза, личико девочки.

— Давно мне хотелось иметь такую миленькую девочку! — сказала старушка. — Вот увидишь, как ладно мы заживём с тобой!

И она продолжала расчёсывать кудри девочки; и чем дольше чесала, тем больше Герда забывала своего названого братца Кая, — старушка умела колдовать. Она не была злою колдуньей и колдовала только изредка, для своего удовольствия; теперь же ей очень захотелось оставить у себя Герду. И вот она пошла в сад, дотронулась

своей клюкой до всех розовых кустов, и те как стояли в полном цвету, так все и ушли глубоко-глубоко в землю, и следа от них не осталось. Старушка боялась, что Герда при виде этих роз вспомнит о своих розах, а там и о Кае, да и убежит от неё.

Потом старушка повела Герду в цветник. Тут были цветы всех родов и всех времён года. Во всём свете не нашлось бы книжки с картинками пестрее, красивее этого цветника. Герда прыгала от радости и играла среди цветов, пока солнце не село за высокими вишнёвыми деревьями. Тогда её уложили в чудесную постельку с красными шёлковыми перинками, набитыми голубыми фиалками. Девочка заснула, и ей снились сны, какие видит разве королева в день своей свадьбы.

На другой день Герде опять позволили играть в чудесном цветнике на солнце. Так прошло много дней. Герда знала теперь каждый цветочек, но как ни много их было, ей всё-таки казалось, что какого-то недостаёт, только какого же? Раз она сидела и рассматривала соломенную шляпу старушки, расписанную цветами; самым красивым из них как раз была роза — старушка забыла её стереть, когда загнала живые розы в землю. Вот что значит рассеянность!

— Как! Тут нет роз? — сказала Герда и сейчас же побежала искать их на грядках.

Искала, искала, да так их и не нашла.

Тогда девочка опустилась на землю и заплакала. Тёплые слёзы упали как раз на то место, где стоял прежде один из розовых кустов, и как только они смочили землю, куст мгновенно вырос из неё, такой же цветущий, как прежде.

Герда обвила его ручонками, принялась целовать цветы и вспомнила о тех чудных розах, что цвели у неё дома, а вместе с тем и о Кае.

— Как же я замешкалась! — сказала девочка. — Мне ведь надо искать Кая!.. Не знаете ли вы, где он? — спросила она у роз. — Верите ли вы тому, что он умер и не вернётся больше?

— Он не умер! — сказали розы. — Мы ведь были под землёй, где все умершие, но Кая меж ними не было.

— Спасибо вам! — сказала Герда и пошла к другим цветам, заглядывала в их чашечки и спрашивала: — Не знаете ли вы, где Кай?

Но каждый цветок грелся на солнышке и думал только о собственной своей сказке или истории. Много их выслушала Герда, но ни один из цветков не сказал ни слова о Кае.

И Герда пошла к одуванчику, сиявшему в блестящей зелёной траве.

— Ты, маленькое ясное солнышко! — сказала ему Герда. — Скажи, не знаешь ли ты, где мне искать моего названого братца?

Одуванчик засиял ещё ярче и взглянул на девочку. Какую же песенку спел он ей? Увы! И в этой песенке ни слова не говорилось о Кае!

— Был первый весенний день, солнце грело и так приветливо светило на маленький дворик. Лучи его скользили по белой соседней стене, и возле самой стены из зелёной травки выглядывали первые жёлтенькие цветочки, сверкавшие на солнце словно золотые. Во двор вышла посидеть старушка-бабушка. Вот пришла из гостей её внучка, бедная служанка, и крепко поцеловала старушку. Поцелуй девушки дороже золота — он идёт прямо от сердца. Золото на её губах, золото в сердце, золото и на небе в утренний час! Вот и всё! — сказал одуванчик.

— Бедная моя бабушка! — вздохнула Герда. — Верно, она скучает обо мне. Верно, горюет, как горевала о Кае. Но я скоро вернусь и приведу его с собой. Нечего больше и расспрашивать цветы — от них ничего не добьёшься, они знают только свои сказки и песенки! — И она побежала в конец сада.

Дверь была заперта, но Герда так долго шатала ржавый засов, что он поддался, дверь отворилась, и девочка так, босоножкой, и пустилась бежать по дороге. Раза три она оглядывалась, но никто не гнался за нею.

Наконец она устала, присела на камень и огляделась кругом: лето уже прошло, на дворе стояла поздняя осень, а в чудесном саду старушки, где вечно сияло солнышко и цвели цветы всех времён года, этого не было заметно.

— Господи! Как же я замешкалась! Ведь уж осень на дворе! Тут не до отдыха! — сказала Герда и опять пустилась в путь.

Ах, как ныли её бедные усталые ножки! Как холодно, сыро было вокруг! Длинные листья на ивах совсем пожелтели, туман оседал на них крупными каплями и стекал на землю; листья так и сыпались. Один терновник стоял весь покрытый вяжущими, терпкими ягодами. Каким серым, унылым казался весь мир!

История четвёртая

Принц и принцесса

Пришлось Герде опять присесть отдохнуть. На снегу прямо перед ней прыгал большой ворон. Он долго смотрел на девочку, кивая ей головою, и наконец заговорил:

— Кар-кар! Здравствуй!

Чище этого он выговаривать по-человечески не мог, но, видимо, желал девочке добра и спросил её, куда это она бредёт по белу свету совсем одна. Слово «одна» Герда поняла отлично и сразу почувствовала всё его значение. Рассказав ворону всю свою жизнь, девочка спросила, не видел ли он Кая.

Ворон задумчиво покачал головой и сказал:

— Очень вероятно, очень вероятно!

— Как! Правда? — воскликнула девочка и чуть не задушила ворона поцелуями.

— Потише, потише! — сказал ворон. — Я думаю, что это был твой Кай. Но теперь он, верно, забыл тебя со своею принцессой!

— Разве он живёт у принцессы? — спросила Герда.

— А вот послушай, — сказал ворон. — Только мне ужасно трудно говорить по-вашему. Вот если бы ты по-

нимала по-вороньи, я рассказал бы тебе обо всём куда лучше.

— Нет, этому меня не учили, — сказала Герда.

— Ну ничего, — сказал ворон. — Расскажу как сумею, хоть и плохо.

И он рассказал обо всём, что сам знал.

— В королевстве, где мы с тобой находимся, есть принцесса, такая умница, что и сказать нельзя! Она прочла все газеты на свете и позабыла всё, что в них прочла, — вот какая умница! Раз как-то сидела она на троне — а веселья-то в этом не слишком много, как говорят люди, — и напевала песенку: «Отчего бы мне не выйти замуж?» «А ведь и в самом деле!» — подумала она, и ей захотелось замуж. Но в мужья она хотела выбрать себе такого человека, который бы сумел отвечать, когда с ним заговорят, а не такого, что умел бы только важничать, — это ведь так скучно! И вот барабанным боем созвали всех придворных дам и объявили им волю принцессы. Все они были очень довольны и сказали: «Вот это нам нравится! Мы и сами недавно об этом думали!» Всё это истинная правда! — прибавил ворон. — У меня при дворе есть невеста — она ручная ворона, — от неё-то я и знаю всё это.

На другой день все газеты вышли с каймой из сердец и с вензелями[1] принцессы. В газетах было объявлено, что каждый молодой человек приятной наружности может явиться во дворец и побеседовать с принцессой; того же, кто будет держать себя вполне свободно, как дома, и окажется всех красноречивее, принцесса изберёт себе в мужья. Да, да! — повторил ворон. — Всё это так же верно, как то, что я сижу здесь перед тобою. Народ повалил во дворец валом, пошла давка и толкотня, но толку не вышло никакого ни в первый, ни во второй день. На улице все женихи говорили отлично, но стоило им перешагнуть дворцовый порог, увидеть гвардию всю в серебре, а лакеев в золоте и вступить в огромные, залитые

[1] *Ве́нзель* — переплетённые между собой начальные буквы имени и фамилии.

светом залы, как их брала оторопь. Подступят к трону, где сидит принцесса, да и повторяют только её же последние слова, а ей вовсе не это было нужно. Право, их всех точно опаивали дурманом! А выйдя за ворота, они опять обретали дар слова. От самых ворот до дверей тянулся длинный-длинный хвост женихов. Я сам там был и видел.

— Ну, а Кай-то, Кай? — спросила Герда. — Когда же он явился? И он пришёл свататься?

— Постой! Постой! Теперь мы как раз дошли и до него! На третий день явился небольшой человечек, не в карете, не верхом, а просто пешком, и прямо вошёл во дворец. Глаза его блестели, как твои; волосы у него были длинные, но одет он был бедно.

— Это Кай! — обрадовалась Герда. — Я нашла его! — И она захлопала в ладоши.

— За спиной у него была котомка, — продолжал ворон.

— Нет, это, верно, были его саночки! — сказала Герда. — Он ушёл из дому с санками.

— Очень возможно, — сказал ворон. — Я не разглядел хорошенько. Так вот, моя невеста рассказывала мне, что, войдя в дворцовые ворота и увидав гвардию в серебре, а на лестницах лакеев в золоте, он ни капельки не смутился, кивнул головой и сказал: «Скучненько, должно быть, стоять тут на лестнице, я лучше войду в комнаты!» Залы были залиты светом. Тайные советники и превосходительства расхаживали без сапог, разнося золотые блюда, — торжественнее уж нельзя было! А его сапоги громко скрипели, но он этим не смущался.

— Это, наверно, Кай! — воскликнула Герда. — Я знаю, что на нём были новые сапоги. Я сама слышала, как они скрипели, когда он приходил к бабушке.

— Да, они таки скрипели порядком, — продолжал ворон. — Но он смело подошёл к принцессе. Она сидела на жемчужине величиною с колесо прялки, а кругом стояли придворные дамы со своими служанками и служанками

служанок и кавалеры с камердинерами[1], слугами камердинеров и прислужниками камердинерских слуг. Чем ближе кто-нибудь стоял к дверям, тем важнее, надменнее держался. На прислужника камердинерских слуг, стоявшего в самых дверях, нельзя было и взглянуть без дрожи — такой он был важный!

— Вот страх-то! — сказала Герда. — А Кай всё-таки женился на принцессе?

— Не будь я вороном, я бы сам женился на ней, хоть я и помолвлен. Он вступил с принцессой в беседу и говорил так же хорошо, как я, когда говорю по-вороньи, — так, по крайней мере, сказала мне моя ручная невеста. Держался он вообще очень свободно и мило и заявил, что пришёл не свататься, а только послушать умные речи принцессы. Ну и вот, она ему понравилась, он ей тоже.

— Да-да, это Кай! — сказала Герда. — Он ведь такой умный! Он знал все четыре действия арифметики, да ещё с дробями!.. Ах, проводи же меня во дворец!

— Легко сказать, — отвечал ворон, — да как это сделать? Постой, я поговорю с моей ручной невестой, она что-нибудь придумает и посоветует нам. Ты думаешь, что тебя вот так прямо и впустят во дворец? Как же, не очень-то впускают таких девочек!

— Меня впустят! — сказала Герда. — Когда Кай услышит, что я тут, он сейчас же прибежит за мною.

— Подожди меня тут у решётки, — сказал ворон, повертел головой и улетел.

Вернулся он уже совсем под вечер и закаркал:

— Кар, кар! Моя невеста шлёт тебе тысячу поклонов и вот этот маленький хлебец. Она стащила его в кухне — там их много, а ты, верно, голодна!.. Ну, во дворец тебе не попасть: ты ведь босая — гвардия в серебре и лакеи в золоте ни за что не пропустят тебя. Но не плачь, ты всё-таки попадёшь туда. Невеста моя знает, как пройти в спальню принцессы с чёрного хода, и знает, где достать ключ.

[1] *Камерди́нер* — здесь: слуга во дворце.

И вот они вошли в сад, пошли по длинным аллеям, где один за другим падали осенние листья, и, когда все огоньки в дворцовых окнах погасли, ворон провёл девочку в маленькую полуотворённую дверцу.

О, как билось сердечко Герды от страха и нетерпения! Точно она собиралась сделать что-то дурное, а ведь она только хотела узнать, не здесь ли её Кай! Да, да, он, верно, здесь! Герда так живо представляла себе его умные глаза, длинные волосы; она ясно видела, как он улыбался ей, когда они, бывало, сидели рядышком под кустами роз. Он, вероятно, обрадуется, когда увидит её, услышит, на какой длинный путь решилась она ради него, и узнает, как горевали о нём все домашние! Ах, она была просто вне себя от страха и радости...

Но вот они и на площадке лестницы. На шкафу горела лампочка, а на полу сидела ручная ворона и осматривалась по сторонам. Герда присела и поклонилась, как учила её бабушка.

— Мой жених рассказывал мне о вас столько хорошего, барышня! — сказала ручная ворона. — И ваша жизнь также очень трогательна! Не угодно ли вам взять лампу, а я пойду вперёд. Мы пойдём прямой дорогой, тут мы никого не встретим.

— А мне кажется, кто-то идёт за нами, — сказала Герда, и в ту же минуту мимо неё с лёгким шумом промчались какие-то тени: лошади с развевающимися гривами и тонкими ногами, охотники, дамы и кавалеры верхами.

— Это сны! — сказала ручная ворона. — Тем лучше для нас, удобнее будет рассмотреть спящих.

Тут они вошли в первый зал, где стены были обиты розовым атласом, затканным цветами. Мимо девочки опять пронеслись сны, но так быстро, что она не успела и рассмотреть всадников. Один зал был великолепнее другого. Герда была совсем ослеплена этой роскошью. Наконец они дошли до спальни. Потолок напоминал верхушку огромной пальмы с драгоценными хрустальными листьями; с середины его спускался толстый золотой сте-

бель, на котором висели две кровати в виде лилий. Одна была белая, в ней спала принцесса, другая — красная, и в ней Герда надеялась найти Кая. Девочка слегка отогнула один из красных лепестков и увидела тёмно-русый затылок. Это Кай! Она громко назвала его по имени и поднесла лампу к самому его лицу. Сны с шумом умчались прочь; принц проснулся и повернул голову... Ах, это был не Кай!

Принц походил на него только с затылка, но был так же молод и красив. Из белой лилии выглянула принцесса и спросила, что случилось. Герда заплакала и рассказала всю свою историю, упомянув и о том, что сделали для неё вороны.

— Ах ты бедняжка! — сказали принц и принцесса, похвалили ворон, объявили, что ничуть не гневаются на них — только пусть они не делают этого впредь, — и захотели даже наградить их.

— Хотите быть вольными птицами? — спросила принцесса. — Или желаете занять должность придворных ворон, на полном содержании из кухонных остатков?

Ворон с вороной поклонились и попросили должности при дворе — они подумали о старости и сказали:

— Хорошо ведь иметь верный кусок хлеба на старости лет!

Принц встал и уступил свою постель Герде; больше он пока ничего не мог для неё сделать. А она сложила ручки и подумала: «Как добры все люди и животные!», закрыла глазки и сладко заснула. Сны опять прилетели в спальню, но теперь они были похожи на Божьих ангелов и везли на маленьких саночках Кая, который кивал Герде головою. Увы, всё это было лишь во сне и исчезло, как только девочка проснулась.

@material100

На другой день её одели с ног до головы в шёлк и бархат и позволили ей оставаться во дворце сколько она пожелает.

Девочка могла жить да поживать тут припеваючи, но она прогостила всего несколько дней и стала просить,

чтобы ей дали повозку с лошадью и пару башмаков — она опять хотела пуститься разыскивать по белу свету своего названого братца.

Ей дали и башмаки, и муфту, и чудесное платье, а когда она простилась со всеми, к воротам подъехала карета из чистого золота с сияющими, как звёзды, гербами принца и принцессы; у кучера, лакеев и форейторов[1] — ей дали и форейторов — красовались на головах маленькие золотые короны.

Принц и принцесса сами усадили Герду в карету и пожелали ей счастливого пути.

Лесной ворон, который уже успел жениться, провожал девочку первые три мили и сидел в карете рядом с нею — он не мог ехать, сидя спиною к лошадям. Ручная ворона сидела на воротах и хлопала крыльями. Она не ехала провожать Герду, потому что страдала головными болями, с тех пор как получила должность при дворе и слишком много ела. Карета битком была набита сахарными крендельками, а ящик под сиденьем — фруктами и пряниками.

— Прощай! Прощай! — закричали принц и принцесса.

Герда заплакала, ворона тоже. Тяжёлое было расставание! Ворон взлетел на дерево и махал чёрными крыльями до тех пор, пока карета, сиявшая, как солнце, не скрылась из виду.

История пятая

Маленькая разбойница

Вот Герда въехала в тёмный лес, в котором жили разбойники; карета горела как жар, она резала разбойникам глаза, и они этого не потерпели.

— Золото! Золото! — закричали они, схватив лошадей под уздцы, убили маленьких форейторов, кучера и слуг и вытащили из кареты Герду.

---

[1] *Форе́йтор* — верховой, правящий передними лошадьми при запряжке цугом, т. е. гуськом.

— Ишь какая славненькая, жирненькая! Орешками откормлена! — сказала старуха разбойница с длинной жёсткой бородой и мохнатыми, нависшими бровями. — Жирненькая, что твой барашек! Ну-ка, какова на вкус будет?

И она вытащила острый сверкающий нож. Вот ужас!

— Ай! — закричала она вдруг: её укусила за ухо собственная дочка, которая сидела у неё за спиной и была такая необузданная и своевольная, что просто любо. — Ах ты дрянная девчонка! — закричала мать, но убить Герду не успела.

— Она будет играть со мной, — сказала маленькая разбойница. — Она отдаст мне свою муфту, своё хорошенькое платьице и будет спать со мной в моей постельке.

И девочка опять так укусила мать, что та подпрыгнула и завертелась на одном месте. Разбойники захохотали:

— Ишь как пляшет со своей девчонкой!

— Я хочу сесть в карету! — закричала маленькая разбойница и настояла на своём — она была ужасно избалованна и упряма.

Они уселись с Гердой в карету и помчались в чащу леса.

Маленькая разбойница была ростом с Герду, но сильнее, шире в плечах и гораздо смуглее. Глаза у неё были совсем чёрные, но какие-то печальные. Она обняла Герду и сказала:

— Они тебя не убьют, пока я не рассержусь на тебя. Ты, верно, принцесса?

— Нет, — отвечала девочка и рассказала, что пришлось ей испытать и как она любит Кая.

Маленькая разбойница серьёзно поглядела на неё, слегка кивнула головой и сказала:

— Они тебя не убьют, даже если я и рассержусь на тебя, я лучше сама убью тебя!

И она отёрла слёзы Герде, а потом спрятала обе руки в её хорошенькую мягкую тёплую муфточку.

Вот карета остановилась; они въехали во двор разбойничьего замка.

Он весь был в огромных трещинах; из них вылетали вороны и вороны. Откуда-то выскочили огромные бульдоги; казалось, каждый из них легко проглотит человека, но они только высоко подпрыгивали в воздух и даже не лаяли — это было запрещено. Посреди огромной залы с полуразвалившимися, покрытыми копотью стенами и каменным полом пылал огонь. Дым подымался к потолку и сам должен был искать себе выхода. Над огнём кипел в огромном котле суп, а на вертелах жарились зайцы и кролики.

— Ты будешь спать вместе со мной вот тут, возле моего маленького зверинца, — сказала Герде маленькая разбойница.

Девочек накормили, напоили, и они ушли в свой угол, где была постлана солома, накрытая коврами. Повыше сидело на жёрдочках больше сотни голубей. Все они, казалось, спали, но, когда девочки подошли, слегка зашевелились.

— Все мои! — сказала маленькая разбойница, схватила одного голубя за ноги и так тряхнула его, что тот забил крыльями. — На, поцелуй его! — крикнула она, ткнув голубя Герде прямо в лицо. — А вот тут сидят лесные плутишки, — продолжала она, указывая на двух голубей, сидевших в небольшом углублении в стене, за деревянною решёткой. — Эти двое — лесные плутишки. Их надо держать взаперти, не то живо улетят! А вот и мой милый старичина бяшка! — И девочка потянула за рога привязанного к стене северного оленя в блестящем медном ошейнике. — Его тоже нужно держать на привязи, иначе удерёт! Каждый вечер я щекочу его под шеей своим острым ножом — он до смерти этого боится.

С этими словами маленькая разбойница вытащила из расщелины в стене длинный нож и провела им по шее оленя. Бедное животное забрыкалось, а девочка захохотала и потащила Герду к постели.

— Разве ты спишь с ножом? — спросила её Герда.

— Всегда! — отвечала маленькая разбойница. — Как знать, что может случиться!.. Но расскажи мне ещё раз о Кае и о том, как ты пустилась странствовать по белу свету.

Герда рассказала. Лесные голуби в клетке тихо ворковали; другие голуби уже спали. Маленькая разбойница обвила одною рукой шею Герды — в другой у неё был нож — и захрапела, но Герда не могла сомкнуть глаз, не зная, убьют её или оставят в живых.

Вдруг лесные голуби проворковали:

— Курр! Курр! Мы видели Кая! Белая курица несла на спине его санки, а он сидел в санях Снежной королевы. Они летели над лесом, когда мы, птенчики, ещё лежали в гнезде. Она дохнула на нас, и все умерли, кроме нас двоих... Курр! Курр!

— Что вы говорите! — воскликнула Герда. — Куда же полетела Снежная королева? Знаете?

— Она полетела, наверно, в Лапландию — ведь там вечный снег и лёд. Спроси у северного оленя, что стоит тут на привязи.

— Да, там вечный снег и лёд. Чудо как хорошо! — сказал северный олень. — Там прыгаешь себе на воле по огромным блестящим ледяным равнинам. Там раскинут летний шатёр Снежной королевы, а постоянные её чертоги[1] — у Северного полюса, на острове Шпицберген.

— О Кай, мой милый Кай!.. — вздохнула Герда.

— Лежи смирно, — сказала маленькая разбойница. — Не то я пырну тебя ножом!

Утром Герда рассказала ей, что слышала от лесных голубей. Маленькая разбойница серьёзно посмотрела на Герду, кивнула головой и сказала:

— Ну, так и быть!.. А ты знаешь, где Лапландия? — спросила она затем у северного оленя.

— Кому же и знать, как не мне! — отвечал олень, и глаза его заблестели. — Там я родился и вырос, там прыгал по снежным равнинам.

---

[1] *Чертóг* — великолепное здание, дворец.

— Так слушай, — сказала Герде маленькая разбойница. — Видишь, все наши ушли, дома одна мать; немного погодя она хлебнёт из большой бутылки и вздремнёт, тогда я кое-что сделаю для тебя.

Потом, когда старуха хлебнула из своей бутылки и захрапела, маленькая разбойница подошла к северному оленю и сказала:

— Ещё долго можно было бы потешаться над тобой! Уж больно ты бываешь уморительным, когда тебя щекочут острым ножом. Ну, да так и быть! Я отвяжу тебя и выпущу на волю. Ты можешь убежать в свою Лапландию, но должен за это отвезти ко дворцу Снежной королевы вот эту девочку — там её названый брат. Ты ведь, конечно, слышал, что она рассказывала? Она говорила довольно громко, а ты всегда подслушиваешь.

Северный олень подпрыгнул от радости. Маленькая разбойница посадила на него Герду, крепко привязала её ради осторожности и даже подсунула под неё мягкую подушечку, чтобы ей удобнее было сидеть.

— Так и быть, — сказала она затем, — возьми назад свои меховые сапожки — будет ведь холодно! А муфту уж я оставлю себе, больно она хороша. Но мёрзнуть я тебе не дам: вот огромные рукавицы моей матери, они дойдут тебе до самых локтей. Сунь в них руки! Ну вот, теперь руками ты похожа на мою безобразную мать.

Герда плакала от радости.

— Терпеть не могу, когда хнычут! — сказала маленькая разбойница. — Теперь ты должна радоваться. Вот тебе ещё два хлеба и окорок, чтобы тебе не пришлось голодать.

И то и другое было привязано к оленю.

Затем маленькая разбойница отворила дверь, заманила собак в дом, перерезала своим острым ножом верёвку, которою был привязан олень, и сказала ему:

— Ну, живо! Да береги смотри девчонку.

Герда протянула маленькой разбойнице обе руки в огромных рукавицах и попрощалась с нею. Северный

«Снежная королева». *Худ. В. Алфеевский* (*фрагмент*)

олень пустился во всю прыть через пни и кочки по лесу, по болотам и степям. Волки выли, вороны каркали.

Уф! Уф! — послышалось вдруг с неба, и оно словно зачихало огнём.

— Вот моё родное северное сияние! — сказал олень. — Гляди, как горит!

И он побежал дальше, не останавливаясь ни днём ни ночью. Хлебы были съедены, ветчина тоже, и вот они очутились в Лапландии.

История шестая

Лапландка и финка

Олень остановился у жалкой избушки. Крыша спускалась до самой земли, а дверь была такая низенькая, что людям приходилось проползать в неё на четвереньках.

Дома была одна старуха лапландка, жарившая при свете жировой лампы рыбу. Северный олень рассказал лапландке всю историю Герды, но сначала рассказал свою собственную — она казалась ему гораздо важнее.

Герда же так окоченела от холода, что и говорить не могла.

— Ах вы бедняги! — сказала лапландка. — Долгий же вам ещё предстоит путь! Придётся сделать сто миль с лишним, пока доберётесь до Финляндии, где Снежная королева живёт на даче и каждый вечер зажигает голубые бенгальские огни. Я напишу два слова на сушёной треске — бумаги у меня нет, — а вы снесёте её финке, которая живёт в тех местах и лучше моего сумеет научить вас, что надо делать.

Когда Герда согрелась, поела и попила, лапландка написала два слова на сушёной треске, велела Герде хорошенько беречь её, потом привязала девочку к спине оленя, и тот снова помчался.

Уф! Уф! — послышалось опять с неба, и оно стало выбрасывать столбы чудесного голубого пламени. Так добежал олень с Гердой и до Финляндии и постучался в дымовую трубу финки — у неё и дверей-то не было.

Ну и жара стояла в её жилье! Сама финка, низенькая, толстая женщина, ходила полуголая. Живо стащила она с Герды платье, рукавицы и сапоги, иначе девочке было бы жарко, положила оленю на голову кусок льда и затем принялась читать то, что было написано на сушёной треске.

Она прочла всё от слова до слова три раза, пока не заучила наизусть, и потом сунула треску в котёл с супом — рыба ведь ещё годилась в пищу, а у финки ничего даром не пропадало.

Тут олень рассказал сначала свою историю, а потом историю Герды. Финка мигала своими умными глазками, но не говорила ни слова.

— Ты такая мудрая женщина... — сказал олень. — Не изготовишь ли ты для девочки такое питьё, которое бы дало ей силу двенадцати богатырей? Тогда бы она одолела Снежную королеву!

— Силу двенадцати богатырей! — сказала финка. — Да, много в этом толку!

С этими словами она взяла с полки большой кожаный свиток и развернула его: на нём стояли какие-то удивительные письмена.

Финка принялась читать их и читала до того, что пот градом покатился с её лба.

Олень опять принялся просить за Герду, а сама Герда смотрела на финку такими умоляющими, полными слёз глазами, что та опять заморгала, отвела оленя в сторону и, меняя ему на голове лёд, шепнула:

— Кай в самом деле у Снежной королевы, но он вполне доволен и думает, что лучше ему нигде быть не может. Причиной же всему осколки зеркала, что сидят у него в сердце и в глазу. Их надо удалить, иначе Снежная королева сохранит над ним свою власть.

— А не можешь ли ты дать Герде что-нибудь такое, что сделает её сильнее всех?

— Сильнее, чем она есть, я не могу её сделать. Не видишь разве, как велика её сила? Не видишь, что ей слу-

жат и люди и животные? Ведь она босая обошла полсвета! Но она не должна от нас узнать о своей силе, что живёт в её сердце; её сила в том, что она невинный милый ребёнок. Если она сама не сможет проникнуть в покои Снежной королевы и извлечь из сердца Кая осколки, то мы и подавно ей не поможем! В двух милях отсюда начинается сад Снежной королевы. Отнеси туда девочку, спусти у большого куста, покрытого красными ягодами, и, не мешкая, возвращайся обратно.

С этими словами финка посадила Герду на спину оленя, и тот бросился бежать со всех ног.

— Ай, я без тёплых сапог! Ай, я без рукавиц! — закричала Герда, очутившись на морозе.

Но олень не смел остановиться, пока не добежал до куста с красными ягодами.

Тут он спустил девочку, поцеловал её в самые губы, и по щекам его покатились крупные блестящие слёзы. Затем он стрелой пустился назад. Бедная девочка осталась одна на трескучем морозе, без башмаков, без рукавиц.

Она побежала вперёд что было мочи. Навстречу ей нёсся целый полк снежных хлопьев, но они не падали с неба — небо было совсем ясное и на нём пылало северное сияние, — нет, они бежали по земле прямо на Герду и становились всё крупнее и крупнее. Герда вспомнила большие красивые хлопья под увеличительным стеклом, но эти были куда больше, страшнее и все живые.

Это были передовые отряды войска Снежной королевы. Одни напоминали собой больших безобразных ежей, другие — стоголовых змей, третьи — толстых медвежат с взъерошенною шерстью. Все они одинаково сверкали белизной, все были живыми снежными хлопьями.

Герда начала читать «Отче наш»; было так холодно, что дыхание девочки сейчас же превращалось в густой туман. Туман этот всё сгущался и сгущался, но вот из него начали выделяться маленькие, светлые ангелочки, которые, ступив на землю, вырастали в больших грозных ангелов со шлемами на головах и копьями и щита-

ми в руках. Число их всё прибывало, и, когда Герда окончила молитву, вокруг неё образовался уже целый легион. Ангелы приняли снежных страшилищ на копья, и те рассыпались на тысячи снежинок. Герда могла теперь смело идти вперёд; ангелы гладили её руки и ноги, и ей не было уже так холодно. Наконец девочка добралась до чертогов Снежной королевы.

Посмотрим же, что было в это время с Каем.

Он и не думал о Герде, а уж меньше всего о том, что она так близко от него.

История седьмая

Что случилось в чертогах Снежной королевы и что случилось потом

Стены чертогов были снежные метели, окна и двери были буйные ветры. Сотни огромных зал, смотря по тому, как наметала их вьюга, тянулись одна за другой. Все они были освещены северным сиянием, и самая большая простиралась на много-много миль. Как холодно, как пустынно было в этих белых, ярко сверкающих чертогах! Веселье никогда и не заглядывало сюда. Никогда не устраивались здесь медвежьи балы с танцами под музыку бури, в которых могли бы отличиться грацией и уменьем ходить на задних лапах белые медведи; никогда не составлялись партии в карты с ссорами и дракою и не сходились на беседу за чашкой кофе беленькие кумушки-лисички — нет, никогда, никто!

Холодно, пустынно, мёртво и грандиозно! Северное сияние вспыхивало и горело так правильно, что можно было с точностью рассчитать, в какую минуту свет усилится и в какую ослабеет. Посреди самой большой пустынной снежной залы находилось замёрзшее озеро. Лёд треснул на нём на тысячи кусков, таких одинаковых и правильных, что это казалось каким-то фокусом. Посреди озера восседала Снежная королева, когда бывала дома, говоря, что сидит на зеркале разума; по её мнению, это было единственное и лучшее зеркало на свете.

Кай совсем посинел, почти почернел от холода, но не замечал этого — поцелуи Снежной королевы сделали его нечувствительным к холоду, да и самое сердце его было куском льда. Кай возился с плоскими остроконечными льдинами, укладывая их на всевозможные лады. Есть ведь такая игра — складывание фигур из деревянных дощечек, которая называется китайской головоломкой. Кай тоже складывал разные затейливые фигуры, но из льдин, и это называлось ледяной игрой разума. В его глазах эти фигуры были чудом искусства, а складывание их — занятием первостепенной важности. Это происходило оттого, что в глазу у него сидел осколок волшебного зеркала. Он складывал из льдин целые слова, но никак не мог сложить того, что ему особенно хотелось, — слово «вечность». Снежная королева сказала ему: «Если ты сложишь это слово, ты будешь сам себе господин, и я подарю тебе весь свет и пару новых коньков». Но он никак не мог его сложить.

— Теперь я полечу в тёплые края, — сказала Снежная королева.

И она улетела, а Кай остался один в необозримой пустынной зале, смотрел на льдины и всё думал, думал, так что в голове у него трещало. Он сидел на одном месте, такой бледный, неподвижный, словно неживой. Можно было подумать, что он замёрз.

В это время в огромные ворота, в которые вечно дули буйные ветры, входила Герда. Она прочла вечернюю молитву, и ветры улеглись, точно заснули. Она вошла в огромную пустынную ледяную залу и увидела Кая. Она тотчас узнала его, бросилась ему на шею, крепко обняла его и воскликнула:

— Кай, милый мой Кай! Наконец-то я нашла тебя!

Но он сидел всё такой же неподвижный и холодный.

Тогда Герда заплакала; горячие слёзы её упали ему на грудь, проникли в сердце, растопили его ледяную кору и расплавили осколок. Кай взглянул на Герду, а она запела:

Розы цветут... Красота, красота!
Скоро узрим мы Младенца Христа.

Кай вдруг залился слезами и плакал так сильно, что осколок вытек из глаза вместе со слезами. Тогда он узнал Герду и обрадовался:

— Герда! Милая Герда!.. Где же это ты была так долго? Где был я сам? — И он оглянулся вокруг. — Как здесь холодно, пустынно!..

И он крепко прижался к Герде. Она смеялась и плакала от радости. Да, радость была такая, что даже льдины пустились в пляс, а когда устали, улеглись и составили то самое слово, которое задала сложить Каю Снежная королева. Сложив его, он мог сделаться сам себе господином да ещё получить от неё в дар весь свет и пару новых коньков.

Герда поцеловала Кая в обе щеки, и они опять зацвели розами; поцеловала его в глаза, и они заблистали, как её; поцеловала его руки и ноги, и он опять стал бодрым и здоровым.

Кай ничуть не страшился прибытия Снежной королевы — его отпускная лежала тут, написанная блестящими ледяными буквами.

Кай с Гердой рука об руку вышли из ледяных чертогов. Они шли и говорили о бабушке, о розах, что цвели в их садике, и перед ними стихали буйные ветры, проглядывало солнце. Когда же они дошли до куста с красными ягодами, там уже ждал их северный олень.

Кай и Герда отправились сначала к финке, отогрелись у неё и узнали дорогу домой, а потом — к лапландке. Та сшила им новое платье, починила свои сани и поехала их провожать.

Олень тоже провожал молодых путников вплоть до самой границы Лапландии, где уже пробивалась первая зелень. Тут Кай и Герда простились с ним и с лапландкой.

Вот перед ними и лес. Запели первые птички, деревья покрылись зелёными почками. Из леса навстречу путни-

кам выехала верхом на великолепной лошади молодая девушка в ярко-красной шапочке и с пистолетом за поясом.

Герда сразу узнала и лошадь — она была когда-то впряжена в золотую карету, — и девушку. Это была маленькая разбойница.

Она тоже узнала Герду. Вот была радость!

— Ишь ты, бродяга! — сказала она Каю. — Хотела бы я знать, стоишь ли ты того, чтобы за тобой бегали на край света?

Но Герда потрепала её по щеке и спросила о принце и принцессе.

— Они уехали в чужие края, — отвечала молодая разбойница.

— А ворон? — спросила Герда.

— Лесной ворон умер; ручная ворона осталась вдовой, ходит с чёрной шерстинкой на ножке и жалуется на судьбу. Но всё это пустяки, а ты вот расскажи-ка лучше, что с тобой было и как ты нашла его.

Герда и Кай рассказали ей обо всём.

— Ну, вот и сказке конец! — сказала молодая разбойница, пожала им руки и обещала навестить их, если когда-нибудь заедет в их город.

Затем она отправилась своей дорогой, а Кай и Герда — своей.

Они шли, и по дороге расцветали весенние цветы, зеленела травка. Вот раздался колокольный звон, и они узнали колокольни своего родного города. Они поднялись по знакомой лестнице и вошли в комнату, где всё было по-старому: маятник всё так же стучал «тик-так» и стрелка двигалась по циферблату. Но, проходя в низенькую дверь, они заметили, что стали взрослыми людьми. Цветущие розовые кусты заглядывали с крыши в открытое окошко; тут же стояли их детские стульчики. Кай с Гердой сели каждый на свой и взяли друг друга за руки. Холодное, пустынное великолепие чертогов Снежной королевы было забыто ими, как тяжёлый сон.

Бабушка сидела на солнышке и громко читала Евангелие: «Если не будете как дети, не войдёте в Царствие Небесное!»

Кай и Герда взглянули друг на друга и тут только поняли смысл старого псалма:

Розы цветут... Красота, красота!
Скоро узрим мы Младенца Христа.

Так сидели они рядышком, оба уже взрослые, но дети сердцем и душою, а на дворе стояло тёплое благодатное лето.

Размышляем о прочитанном

1. Как можно объяснить название сказки? Из скольких историй состоят приключения действующих лиц?
2. Кто главные герои сказки? Чем интересна была их жизнь? Как начинается сказка? Похоже ли её начало на начало русских народных сказок?
3. Почему у тролля было особенно хорошее настроение? Что делали тролль и его ученики с людьми, их характерами? Что происходило с разбитым зеркалом?
4. Расскажите о жизни мальчика и девочки, об их садике. Как жили обе семьи? Постарайтесь близко к тексту пересказать эпизод с появлением Снежной королевы. Как осколок попал в глаз Кая?
5. С чего началось путешествие Герды? Что вы можете рассказать о цветнике женщины, умевшей колдовать? Почему Герда забыла обо всём и как ей удалось вспомнить о Кае? Как она встретилась с принцем и принцессой? Чем они помогли Герде?
6. Каков особый мир маленькой разбойницы? Почему разбойница пожалела Герду и даже помогла ей в дальнейшем пути?
7. Последняя остановка у жалкой избушки; лапландка и финка; их помощь Герде. Чем эти эпизоды напоминают нам русские народные сказки? Назовите такие сказки, похожие эпизоды.
8. Что помогло Герде и Каю в чертогах Снежной королевы? Кто встретился им на обратном пути?
9. Что хотел сказать читателям своей сказкой Андерсен? Как вы понимаете концовку сказки?

Литература и изобразительное искусство

Внимательно рассмотрите иллюстрации В. Алфеевского к сказке «Снежная королева». Согласны ли вы с восприятием сказки и её героев художником? Напишите письменный отзыв об иллюстрациях.

МАСТЕР СНОВ И СКАЗОК

<...> Есть на свете страна, которую мы узнаём и начинаем любить с самого раннего возраста.

Это Дания. Маленькая северная страна, с трёх сторон окружённая морем, пленяет нас с детства потому, что в ней жил и писал величайший сказочник мира Ханс Кристиан Андерсен.

Он входит в наши дома прежде, чем мы научились читать, — входит лёгкой, почти неслышной поступью, как прославленный им волшебник, мастер снов и сказок, маленький Оле-Лукойе, — тот самый Оле — закрой-глазки, который появляется у постели детей по вечерам, без башмаков, в толстых чулках, с двумя зонтиками под мышкой. Один зонтик у него весь расшит и разрисован цветными узорами и картинками. Оле раскрывает его над хорошими детьми. Другой зонтик — гладкий, простой, без картинок. Если его раскроют над вами, вы не увидите ночью ничего, кроме темноты... Пёстрый зонтик, который он раскрывает над вами, — это сказочное небо андерсеновского мира, расшитое чудесными, неожиданными узорами. Их можно рассматривать без конца. Чего тут только нет!

Эльфы и тролли народной сказки, крошечная девочка Дюймовочка, вышедшая на белый свет из тюльпана, печальная маленькая русалка, подплывающая под самые окна человеческого жилья, прозрачный дворец из тончайшего китайского фарфора и детские салазки, летящие в холодном вихре вслед за большими белыми санями Снежной королевы...

И во всей этой безмерной, богатой, щедрой фантастике — какое чувство меры и правды!

Волшебное царство превращается у Андерсена в живой, понятный, знакомый мир... Всему праздному, надменному, само-

довольному миру, где царствует свинья-копилка, Андерсен противопоставляет другой мир — труда, вдохновения, мужества.

Маленькая Герда, разыскивающая Кая по всему свету, гадкий утёнок и даже игрушечный оловянный солдатик на одной ноге — всё это образцы стойкости, твёрдой воли и нежного сердца. Любимые герои Андерсена — простые и чистые люди.

Вот почему все народы мира кладут своим детям в изголовье как лучший подарок сказки Андерсена. У нас в стране он давно уже обрёл вторую родину. Лев Толстой, Добролюбов, Горький с благодарностью и нежностью называли его имя.

Поколение за поколением воспитывалось на его сказках, радуясь, негодуя и сочувствуя до слёз его героям.

С. Я. Маршак

Размышляем о прочитанном

1. Вы прочитали небольшой отрывок из статьи детского писателя Самуила Яковлевича Маршака «Мастер снов и сказок», в которой он рассказывает о своём отношении к сказкам Андерсена, о настроении, которое они сообщают читателю. Прочитайте эту статью вслух, подтвердите мысли писателя примерами из прочитанной сказки «Снежная королева».

2. В каких поступках Герды мы видим, как говорит Маршак, «образцы стойкости, твёрдой воли и нежного сердца»? Кого в этой сказке можно отнести к «праздному, надменному, самодовольному миру»? Какие герои сказки олицетворяют «мир труда, вдохновения, мужества»?

3. Какие сказки Андерсена вы бы хотели навсегда сохранить в своей домашней библиотеке и иметь возможность перечитывать? Обсудите этот вопрос с родителями.
4. Расскажите о каждом из героев сказки, выделив главное в его характере.

Льюис КЭРРОЛЛ

1832–1898

Среди русских и зарубежных писателей было много сказочников. Они полюбили фольклорные сказки, автором которых был народ, и стали сочинять свои, ими самими написанные, называемые литературными.

Почётное место среди них занимает Лью́ис Ка́рролл — псевдоним Чарльза Лю́твиджа До́джсона, появившегося на свет 27 января 1832 года в небольшой английской деревушке и завершившего свой жизненный путь 14 января 1898 года в городе Гилфорде, недалеко от Лондона.

Будущий сказочник родился в большой семье приходского священника. Кроме Чарльза, в ней было семь девочек и три мальчика. Первоначальное воспитание и образование писатель получил дома. Отец обучал его Закону Божьему, языкам, естественным и другим наукам. Большое внимание в семье уделялось детям. Отец поощрял игры и выдумки, и Чарльз принимал в них живое участие. Известно, например, что он придумал игру в «железную дорогу». В неё в саду играло всё семейство, причём по строго разработанным правилам езды. Весёлой затеей для семьи стал театр марионеток. До нас дошли сведения, что мальчик писал пьесы для театра и сам же разыгрывал их. Переодевшись факиром, он удивлял семейство фокусами. Для своих младших братьев и сестёр Чарльз принялся издавать ещё в детские годы рукописные журналы (био-

графы насчитали восемь), содержавшие его собственные «произведения», которые он же и иллюстрировал, будучи неплохим рисовальщиком.

Природа щедро наградила Чарльза Доджсона разнообразными талантами — в области богословия, литературы, философии, математики, логики, фотографии. Тут надо сказать, что преподавателям было, по-видимому, нелегко обсуждать с Чарльзом какие-либо проблемы, потому что традиционному, укрепившемуся мнению он всегда противопоставлял своё.

Особенные успехи юноша проявил в математике. Математике и логике Чарльз Доджсон посвятил несколько книг. Среди преподавателей ходило мнение об его странных привычках. Например, ночью, во время изнурительных бессонниц, он занимался головоломками. Активную умственную деятельность он очень любил, потому что она спасала его от скуки и грусти. Но ещё больше он любил детей.

Чарльз Доджсон был домоседом, никуда из Англии не выезжал, но однажды всё-таки совершил путешествие в Россию. Он побывал в Петербурге, в Москве и на ярмарке в Нижнем Новгороде. Ему понравились проспекты и широкие улицы Петербурга, его архитектура, Эрмитаж с его «бесценными коллекциями», Москва, её «конические башни», «огромные позолоченные купола церквей, где, словно в зеркале, отражается перевёрнутый город». В Москве и в Нижнем Новгороде он посетил театры.

За несколько лет до этого путешествия Чарльз Доджсон совершил лодочную прогулку по Темзе со своим другом и тремя девочками, одну из которых звали Алиса. После этой прогулки он превратился в писателя Льюиса Кэрролла и, приступил к написанию сказок, отправив девочку Алису «вниз по кроличьей норе», в подземелье, в страну чудес, где всем знакомая живая и неживая природа и её обитатели предстали в непривычном свете. А потом писателю пришло в голову поместить Алису в Зазеркалье. Если поставить перед человеком зеркало, то правая сторона лица станет левой, а левая — правой. Значит, человек примет иной вид. Но так же обстоит дело и с нашим миром. Можно пойти и дальше и постараться представить

себе, как выглядит мир за зеркалом. И вот Алиса, живущая на земле, сначала оказалась в подземелье, а затем, побывав там, по воле автора была помещена в Зазеркалье, где тоже встретилась с новым необычным миром.

Писатель не ограничился этим: его героиня часто не знает, видит ли она окружающую жизнь наяву или во сне. Больше того: иногда она не понимает, собственный ли сон ей приснился или навеян неожиданным, чудесным образом сон, приснившийся её собеседнику. Это её беспокоит, потому что она хочет увидеть жизнь своими глазами или в своём сне и совсем не желает, чтобы кто-то посторонний навязывал ей свой взгляд на мир.

При этом оба мира — подземный и зазеркальный, явный и приснившийся — многими чертами напоминали земной, известный Алисе, и всё-таки значительно от него отличавшийся. Так писатель начал занимательную логическую игру с читателями — детьми и взрослыми, которая выразилась в наиболее известных его произведениях — литературных сказках, кратко называемых «Алиса в Стране чудес» и «Алиса в Зазеркалье».

Читая сказки Л. Кэрролла, а они довольно трудны для понимания, нужно помнить, что их основа — игра слов и игра логики. Всё, что кажется ясным и простым, естественным и обыкновенным, может тут же стать чудесным и совсем не объяснимым. Одно и то же явление или предмет могут превратиться в свою противоположность: например, привычное дело — в чудачество, ум — в безумие и т. д. Это потому, что мир, во-первых, изменчив, и мы в точности не знаем, каков он, а во-вторых, превращения зависят от того, с какой стороны, мы смотрим на него, в-третьих, не исключено, что наше знание о мире очень приблизительно и мы лишь приступаем к познанию мира, подобно ребёнку только-только родившемуся, для которого весь белый свет фантастичен. Для того чтобы мир предстал истинным, нужно перевернуть привычное, обыкновенное, и тогда то, что кажется нам порядком, на самом деле будет выглядеть вопиющим беспорядком. Однако писатель вовсе не считает, что только земной мир может оказаться сплошной бессмыслицей, он подозревает в этом и под-

земный, и зазеркальный миры. Впрочем, способы познания — разум и сон — тоже ненадёжны. В результате читатель попадает в мир одновременно реальный и нереальный, существующий и несуществующий. В нём может всякое случиться, в том числе и чудесное, как в сказке: например, исполнится предсказание, данное Белым Рыцарем, — если девочка перейдёт ручеёк, то станет королевой, для которой уже приготовлена золотая корона. Но причина, почему корона уже ждёт королеву, необъяснима.

Тут перед читателем возникает сложный вопрос: зачем Льюису Кэрроллу понадобились странные чудеса и представление мира в виде бессмыслицы? Что хотел сказать нам писатель своими сказками? Будет, наверное, правильным решением предположить, что его мыслью было побуждение уверить нас в том, что мир нами пока не раскрыт и не понят, что истина находится ещё не в наших руках, что наша задача состоит в более глубоком познании Вселенной, прежде всего Земли, и что главным способом познания является наше воображение. Девиз Льюиса Кэрролла: «Вперёд, к постижению неизведанного мира! Да здравствуют Его Величество Воображение и Её Величество Фантазия!»

В этом убеждает и восьмая глава сказки «Алиса в Зазеркалье», которая начинается после спора Льва и Единорога.

«Сквозь зеркало и что там увидела Алиса, или Алиса в Зазеркалье»

(*отрывок из повести*)

Глава VIII

«Это моё собственное изобретение!»

Немного спустя шум постепенно затих, и наступила такая мёртвая тишина, что Алиса в тревоге подняла голову. Вокруг не было видно ни души. Уж не приснились ли ей и Лев, и Единорог, и странные Англосаксонские Гонцы, подумала Алиса. Но на земле, у её ног всё ещё лежало огромное блюдо, на котором она пыталась разрезать пирог.

— Значит, всё это мне не приснилось! — сказала про себя Алиса. — А, впрочем, может, все мы снимся кому-нибудь ещё? Нет, пусть уж лучше это будет мой сон, а не сон Чёрного Короля!

Подумав, она жалобно продолжала:

— Не хочу я жить в чужом сне! Вот пойду и разбужу его! Посмотрим, что тогда будет!

В эту минуту мысли её были прерваны громким криком:

— Эй, остановись! Шах тебе! Шах!

Она подняла глаза и увидела, что на неё во весь опор несётся Чёрный Конь, на котором, размахивая огромной дубинкой, сидит закованный в чёрные латы Рыцарь. Доскакав до Алисы, Конь остановился.

— Ты моя пленница! — крикнул Рыцарь и свалился с коня.

Алиса попятилась; правда, она испугалась больше за него, чем за себя, и с волнением следила, как Рыцарь снова вскарабкался в седло. Усевшись поудобнее, он снова начал:

— Ты моя плен...

Но тут его прервал чей-то голос:

— Эй, остановись! Шах тебе! Шах!

Алиса удивлённо оглянулась.

Это был Белый Рыцарь, сидящий на Белом Коне. Он подскакал к Алисе и тоже свалился на землю, а потом снова вскарабкался в седло.

Рыцари сидели на своих Конях и молча смотрели друг на друга. Алиса с недоумением переводила взгляд с одного на другого.

— Это я взял её в плен! — сказал наконец Чёрный Рыцарь.

— Да, но потом явился я и спас её! — ответил Белый Рыцарь.

— Что ж, в таком случае придётся нам решить спор в честном поединке, — предложил Чёрный Рыцарь, снимая с луки шлем в форме конской головы и надевая его на голову.

— Биться будем по всем правилам, конечно? — спросил Белый Рыцарь и тоже надел шлем.

— Я всегда бьюсь только так, — ответил Чёрный Рыцарь.

И они скрестили дубинки с такой силой, что Алиса в страхе спряталась за дерево.

«Интересно, — подумала она, робко выглядывая из своего убежища, — какие у них правила? Первое, по-моему, такое: если один Рыцарь ударит другого дубинкой, он сшибает его с лошади, а если промахнётся — падает сам... А второе правило, должно быть, такое: дубинки надо держать обеими руками, как держат их Панч и Джуди[1], когда дерутся. Как эти Рыцари гремят, когда падают на землю! Можно подумать, что дюжину каминных щипцов швыряют о каминную решётку. А Кони какие спокойные! Рыцари падают, залезают на них снова, а они и ухом не ведут!»

Было ещё одно правило, которого Алиса, видно, не заметила: когда Рыцари летели с коней, падали они всегда на голову. Этим и кончилась битва: оба Рыцаря ударились о землю головами и полежали немного рядышком. Потом они поднялись и пожали друг другу руки; Чёрный Рыцарь уселся в седло и ускакал.

— Блестящая победа, правда? — спросил, подъезжая к Алисе, Белый Рыцарь и перевёл дыхание.

— Не знаю, — отвечала с сомнением Алиса. — Мне что-то не хочется, чтобы меня брали в плен. Я хочу быть Королевой.

— Ты ею и будешь, когда перейдёшь через следующий ручеёк, — сказал Белый Рыцарь. — Я провожу тебя до опушки, а потом вернусь обратно — такой у меня ход!

— Большое спасибо, — сказала Алиса. — Помочь вам снять шлем?

Самому Рыцарю это, видно, было не под силу. С большим трудом Алиса освободила его наконец из шлема.

---

[1] *Панч и Джу́ди* — герои народного кукольного театра.

— Вот теперь можно вздохнуть свободнее, — сказал Рыцарь, пригладил обеими руками взлохмаченные волосы и повернулся к Алисе. У него было доброе лицо и большие кроткие глаза. Алиса подумала, что в жизни не видала такого странного воина.

На нём были жестяные латы — огромные, словно с чужого плеча, а на спине болтался вверх дном и с откинутой крышкой необычной формы деревянный ящик для писем. Алиса разглядывала его с большим любопытством.

— Я вижу, тебе нравится мой ящик, — приветливо заметил Рыцарь. — Это моё собственное изобретение! У меня в нём одежда и бутерброды. Надеваю я его, как видишь, вверх дном, и дождь в него не попадает.

— Зато всё остальное из него выпадает! — мягко сказала Алиса. — Вы знаете, что крышка у него открыта?

— Нет, — ответил Рыцарь, и тень досады скользнула по его лицу. — Значит, все мои вещи выпали! Тогда зачем он мне?

С этими словами он отстегнул ящик и размахнулся, чтобы бросить его в кусты, но тут, видно, в голову ему пришла какая-то мысль, и он осторожно повесил его на дерево.

— Догадываешься, зачем? — спросил он Алису.

Алиса покачала головой.

— А вдруг пчёлы совьют там гнездо — тогда у меня будет мёд!

— Но у вас на седле висит улей... или что-то вроде улья, — сказала Алиса.

— Да, это очень хороший улей, — недовольно согласился Рыцарь. — Самого лучшего качества! Но пчёлам он почему-то не нравится! У меня здесь есть ещё и мышеловка. Видно, мыши отгоняют пчёл. Или пчёлы — мышей. Не знаю...

— А я как раз думала: зачем вам мышеловка, — сказала Алиса. — Трудно представить себе, что на Конях живут мыши...

— Трудно, но можно, — ответил Рыцарь. — А я бы не хотел, чтобы они по мне бегали.

— Видишь ли, — продолжал он, помолчав, — нужно быть готовым ко всему! Вот почему у моего Коня на ногах браслеты.

— А это зачем? — заинтересовалась Алиса.

— Чтобы акулы не укусили, — ответил Белый Рыцарь. — Это моё собственное изобретение! Помоги-ка мне забраться на коня. Я выведу тебя на опушку. А это блюдо для чего?

— Для пирога, — сказала Алиса.

— Тогда давай прихватим его с собой, — предложил Рыцарь. — Оно нам очень пригодится, если мы найдём пирог. Подержи-ка суму — я его туда засуну...

Это оказалось нелегко. Алиса крепко держала суму в руках, но Белый Рыцарь был очень неловок: вместо того, чтобы положить в суму блюдо, он всё падал в неё сам. Наконец блюдо было втиснуто.

— Конечно, места там для него маловато, — заметил Рыцарь. — Сума битком набита подсвечниками, но что поделаешь!

И он подвесил суму к седлу, с которого свисали пучки моркови, каминные щипцы и ещё всякая всячина.

— Надеюсь, волосы у тебя сегодня хорошо приклеены? — спросил Рыцарь, когда они тронулись в путь.

— Не лучше, чем всегда, — с улыбкой отвечала Алиса.

— Этого мало, — встревожился Рыцарь. — Ветер тут в лесу такой сильный, что прямо рвёт волосы с корнем!

— А вы ещё не придумали средства от вырывания волос? — спросила Алиса.

— Нет, но зато я придумал средство от выпадания, — отвечал Рыцарь.

— Какое же? Мне бы очень хотелось узнать!

— Берёшь палочку и ставишь её на голову, чтобы волосы вились вокруг неё, как плющ. Волосы почему падают? Потому, что свисают вниз. Ну а вверх падать

Алиса и Белый Рыцарь.
Худ. Дж. Тенниел

невозможно! Это моё собственное изобретение! Можешь его испробовать, если хочешь!

Средство это показалось Алисе не очень-то хорошим, и она молча шла рядом, время от времени останавливаясь, чтобы помочь бедному Рыцарю, который не слишком-то хорошо держался на Коне.

Стоило Коню остановиться (а он то и дело останавливался), как Рыцарь тут же летел вперёд, а когда Конь снова трогался с места (обычно он делал это рывком), Рыцарь тотчас падал назад. В остальном он совсем неплохо держался в седле — только временами валился ещё и набок. Падал он, как правило, прямо на Алису — поэтому она вскоре решила не держаться слишком близко к Коню.

В пятый раз помогая Рыцарю подняться с земли, она рискнула заметить:

— Вы, должно быть, не часто ездите верхом?

Белый Рыцарь очень удивился.

— Почему ты так думаешь? — спросил он дрожащим от обиды голосом и залез в седло, держась одной рукой за Алисины волосы, чтобы не свалиться с другого бока.

— Если много ездить верхом, то не будешь так часто падать.

— Я езжу много, — отвечал Рыцарь торжественно. — Очень много!

— Ах, вот как! — сказала Алиса как могла сердечнее.

Больше она ничего не могла придумать. Они продолжали свой путь молча — Рыцарь ехал, крепко закрыв глаза, и лишь изредка что-то бормотал, а Алиса с тревогой ждала, когда он опять упадёт.

— Великое искусство верховой езды, — сказал вдруг громко Рыцарь и взмахнул правой рукой, — заключается в том, чтобы держать...

Он замолчал так же внезапно, как и начал, потому что свалился головой вперёд — прямо на дорожку, по которой шла Алиса. На этот раз она перепугалась и, помогая ему подняться, взволнованно спросила:

— Вы ничего себе не сломали?

— Ничего существенного, — отвечал Рыцарь, словно одно-два ребра не шли в счёт. — Как я и говорил, великое искусство верховой езды заключается в том, чтобы... правильно держать равновесие. Вот так...

Он отпустил узду и распростёр руки в стороны, чтобы показать Алисе, что он имеет в виду, — на этот раз он упал навзничь, прямо под копыта своего Коня.

И, пока Алиса ставила его на ноги, он, не переставая, бормотал:

— Я езжу много. Очень много!

Тут Алиса потеряла терпение.

— Нет, это просто смешно! — воскликнула она. — Вам бы ездить на деревянной лошадке! Знаете, такая... на колёсиках!

— А что, у таких ход легче? — заинтересовался Рыцарь и обнял своего Коня обеими руками за шею. И хорошо сделал, а то свалился бы опять на землю.

— О, гораздо легче, — фыркнула Алиса.

— Достану себе такую лошадку, — задумчиво сказал Рыцарь. — Одну или две... Или несколько...

Наступило молчание. Немного спустя Рыцарь произнёс:

— Я сделал много замечательных открытий. Ты, конечно, заметила, когда меня поднимала, что я о чём-то думал?

— Да, вид у вас был задумчивый, — согласилась Алиса.

— В этот миг я как раз изобретал новый способ перелезания через калитку. Хочешь послушать?

— Пожалуйста, — сказала Алиса вежливо.

— Вот как я до этого додумался, — продолжал Рыцарь. — Понимаешь, я рассуждал так: единственная трудность в ногах — как поднять их наверх. Голова и так наверху! Значит, так: сначала кладём голову на калитку — голова, значит, уже наверху. Потом становимся на голову — тогда и ноги тоже наверху, правда? И перемахиваем на ту сторону!

— Конечно, если удастся это сделать, через калитку перелезешь, — сказала с сомнением Алиса. — Но вам не кажется, что всё это не так-то просто?

— Я ещё не пробовал, — отвечал серьёзно Рыцарь, — и ничего не могу сказать наверняка... Но ты, пожалуй, права, это не очень просто...

Эта мысль его так огорчила, что Алиса поспешно переменила тему.

— Какой у вас шлем забавный! — весело заметила она. — Это тоже ваше изобретение?

Рыцарь с гордостью поглядел на шлем, свисавший с седельной луки.

— Да, — ответил он. — Но я изобрёл и другой, гораздо лучше этого. С виду он похож на огромную сахарную голову. Когда я падал с лошади, он упирался тут же концом в землю, так что падать мне было совсем недалеко. Одно нехорошо, конечно, было — я мог упасть и в него. Однажды так и случилось; хуже всего, что только я застрял в шлеме, как вдруг подъезжает второй

Белый Рыцарь и надевает его на себя. Он думал, это его шлем...

Белый Рыцарь рассказывал всё это так серьёзно, что Алиса не посмела улыбнуться.

— Должно быть, шлем оказался ему до боли тесен, — проговорила она, едва сдерживая смех. — Ведь в нём сидели вы!

— Пришлось мне лягнуть его ногой, — отвечал Рыцарь без тени улыбки. — Тогда он наконец догадался снять шлем. Нелегко ему было вытащить меня оттуда, а ведь хватка у него крепкая, как... как... как... ром!

@material100

— Ну, это совсем другая крепость! — заметила Алиса.

— Уверяю тебя, тут были всякие крепости — и та, и эта!

В волнении Рыцарь воздел руки к небу — и тотчас вылетел из седла и шлёпнулся головой в канаву. Алиса бросилась к нему. Падение было неожиданным — на этот раз ему удалось довольно долго продержаться в седле, и Алиса боялась, не ушибся ли он. Из канавы торчали одни лишь ноги, но, услышав, что он продолжает как ни в чём не бывало говорить, она успокоилась.

— Самые разные крепости, уверяю тебя! И всё же с его стороны это было неосторожно — взять и надеть чужой шлем, да ещё вместе с хозяином!

— Как это вы можете говорить вниз головой, да ещё так спокойно? — спросила Алиса, вытаскивая его за ноги из канавы.

Рыцарь, казалось, очень удивился её вопросу.

— Неважно, где находится моё тело, — сказал он. — Мой ум работает не переставая. Чем ниже моя голова, тем глубже мои мысли! Да-да! Чем ниже — тем глубже!

Помолчав, он прибавил:

— Самым остроумным моим изобретением был новый пудинг! Я изобрёл его, пока ел второе!

— И его успели приготовить на третье? — спросила Алиса. — Вот это быстрота!

— Нет, — протянул задумчиво Рыцарь, — на третье не успели! Не успели на третье!

— Значит, его приготовили на завтра? Вряд ли вам захотелось два пудинга в день?

— Нет, не на завтра! — повторил Рыцарь всё так же задумчиво. — На завтра не успели!

Он повесил голову и мрачно произнёс:

— Боюсь, что его вообще не приготовили! Боюсь, что его вообще никогда не приготовят! А какое это было остроумное изобретение!

— А из чего он делается? — спросила Алиса, желая хоть как-то его приободрить. Она увидела, что бедный Рыцарь совсем пал духом.

— В основном из промокашки, — отвечал Рыцарь со стоном.

— Боюсь, что это не очень-то вкусно...

— Одна промокашка, конечно, не очень вкусна, — прервал её с волнением Рыцарь. — Но если смешать её ещё кое с чем — с порохом, например, или с сургучом — тогда совсем другое дело! Но здесь я должен тебя оставить...

Они вышли на опушку леса. Алиса вздрогнула от неожиданности — в эту минуту она думала только о пудинге.

— Ты загрустила? — огорчился Рыцарь. — Давай я спою тебе в утешение песню.

— А она очень длинная? — спросила Алиса.

В этот день она слышала столько стихов!

— Она длинная, — ответил Рыцарь, — но очень, очень красивая! Когда я её пою, все рыдают... или...

— Или что? — спросила Алиса, не понимая, почему Рыцарь вдруг остановился.

— Или... не рыдают. Заглавие этой песни называется «Пуговки для сюртуков».

— Вы хотите сказать — песня так называется? — спросила Алиса, стараясь заинтересоваться песней.

— Нет, ты не понимаешь, — ответил нетерпеливо Рыцарь. — Это заглавие так называется. А песня называется «Древний старичок».

— Мне надо было спросить: это у песни такое заглавие? — поправилась Алиса.

— Да нет! Заглавие совсем другое. «С горем пополам!» Но это она только так называется!

— А песня эта какая? — спросила Алиса в полной растерянности.

— Я как раз собирался тебе об этом сказать. «Сидящий на стене»! Вот какая это песня! Музыка собственного изобретения!

С этими словами он остановил Коня, отпустил поводья и, медленно отбивая такт рукой, запел с выражением блаженства на своём добром и глупом лице.

Из всех чудес, которые видела Алиса в своих странствиях по Зазеркалью, яснее всего она запомнила это. Многие годы спустя сцена эта так и стояла перед ней, словно всё это случилось только вчера: кроткие голубые глаза и мягкая улыбка Рыцаря, заходящее солнце, запутавшееся у него в волосах, ослепительный блеск доспехов, Конь, мирно щиплющий траву у её ног, свесившиеся на шею Коня поводья и чёрная тень леса позади — она запомнила всё, всё до мельчайших подробностей, как запоминают поразившую воображение картину. Она прислонилась к дереву, глядя из-под руки на эту странную пару и слушая, словно в полусне, грустный напев.

«А музыка вовсе не его изобретения, — подумала Алиса. — Я эту музыку знаю. Это песня „Я всё вам отдал, всё, что мог...“»[1].

Она стояла и внимательно слушала Рыцаря, но рыдать — не рыдала.

Пропев последние слова своей баллады, Рыцарь подобрал поводья и повернул Коня.

[1] На слова поэта Томаса Мура музыку написал композитор Генри Роули Бишоп.

— Тебе осталось пройти лишь несколько шагов, — сказал он. — Спустишься под горку, перейдёшь ручеёк — и ты Королева! Но ты подождёшь и помашешь мне вслед? — прибавил он, увидев, что Алисе не терпится перепрыгнуть через последний ручеёк, отделяющий её от заветной цели. — Я тебя долго не задержу. Как увидишь, что я доехал до поворота, махни мне платком. А то я боюсь совсем упасть духом.

— Конечно, я подожду, — сказала Алиса. — Спасибо вам за то, что вы меня проводили... И за песню... Она мне очень понравилась.

— Надеюсь, — проговорил Рыцарь с сомнением. — Только ты почему-то не очень рыдала...

Они пожали друг другу руки, и Рыцарь медленно поехал назад по лесной дороге.

«Боюсь, что он очень скоро упадёт... духом. Так, кажется, он сказал, — подумала Алиса, глядя ему вслед. — Ну, конечно! Опять упал... Но только не духом, а, как всегда, головой. Но на Коня он опять садится довольно легко, а Конь стоит как вкопанный, оттого, видно, что на него столько всего понавешено!»

Так она размышляла, глядя, как Конь мерно трусит по дороге, а Рыцарь падает то в одну сторону, то в другую. После четвёртого или пятого падения он подъехал к повороту, она помахала ему платком и подождала, пока он не скрылся из виду.

«Надеюсь, это его приободрило, — подумала Алиса, сбегая с пригорка. — Последний ручеёк — и я Королева! Звучит великолепно!»

Ещё несколько шагов — и она очутилась на берегу ручья.

— Наконец-то восьмая линия! — воскликнула Алиса, прыгнула через ручеёк

* * * * * * * * * *
* * * * * * * * *
* * * * * * * * * *

и бросилась ничком на мягкую, как мох, лужайку, на которой пестрели цветы.

— Ах, как я рада, что я наконец здесь! Но что это у меня на голове? — воскликнула она и в страхе схватилась руками за что-то тяжёлое, охватившее обручем голову.

— И как оно сюда попало без моего ведома? — спросила Алиса, сняла с головы загадочный предмет и положила к себе на колени, чтобы получше разглядеть.

Это была золотая корона.

Размышляем о прочитанном

1. Есть ли сходство между фольклорными сказками и сказкой Л. Кэрролла? Найдите такие эпизоды, если они существуют.
2. Как вы думаете, почему Алису остановил Чёрный Рыцарь на Чёрном Коне криком: «Эй, остановись! Шах тебе! Шах!»?
3. В каком тоне и почему описана ссора и поединок рыцарей? Найдите соответствия и несоответствия поведения рыцарей, известные вам из истории и исторических художественных произведений.
4. Почему Чёрный Рыцарь счёл себя побеждённым?
5. Найдите в тексте замеченные вами несообразности и попробуйте объяснить, для чего они потребовались автору, как они должны были подействовать на воображение читателя.

Творческие задания

1. Какое впечатление произвела на вас Алиса? Напомнила ли она вам кого-нибудь из героев прочитанных ранее народных или литературных сказок? Дайте развёрнутый устный ответ на этот вопрос.

2. Постарайтесь найти эпизоды, в которых ярко проявилась игра слов, когда слова имеют несколько значений. С какой целью писатель использовал этот приём?

ЗАРУБЕЖНАЯ ПРОЗА О ДЕТЯХ И ПОДРОСТКАХ

Марк ТВЕН
1835–1910

Настоящее имя писателя — Сэмюэл Клеменс, а Марк Твен — это его литературный псевдоним, которым он подписывал свои произведения. Самюэл родился в семье судьи Джона Клеменса. Родные и близкие называли его Сэм. Он был самым обыкновенным мальчишкой, играл вместе с приятелями в разбойников, воображал себя Робинзоном Крузо, жившим на необитаемом острове, стрелял из лука и сражался на самодельных рапирах. И всё же было в Сэме что-то особенное, что отличало его от всех остальных. Он был фантазёром и выдумщиком, придумывал самые интересные игры. Сэм был впечатлительным и наблюдательным и всё, что видел вокруг, запоминал хорошо. Учился он в школе, где в одном и том же классе занимались ученики младшего и старшего возраста. Сэм не был прилежным учеником, но сочинения, которые он писал, очень часто отмечались как лучшие. Он получал за них награды.

Когда Сэму было двенадцать лет, умер его отец. Пришлось работать и зарабатывать на жизнь. Сначала он поступил в типографию рассыльным. Когда ему исполнилось шестнадцать лет, он почувствовал себя взрослым, поступил учеником к лоцману, овладел искусством водить по реке пароходы. Это дело пришлось ему по душе. Он любил речные просторы, утренние туманы, ощущение свободы во время плавания по Миссисипи. Слова «марк твен» кричит измеряющий глубину матрос — это

значит, что пароход может плыть, он не сядет на мель. Как часто лоцман Клеменс слышал эти слова — «марк твен». Они снова и снова звучали в его воспоминаниях. Впоследствии он сделал их своим литературным именем.

Марк Твен мечтал найти залежи серебра и разбогатеть, но это ему не удалось. Однако он завоевал известность как журналист. Мировое признание Марку Твену принесли романы «Приключения Тома Сойера», «Принц и нищий», «Приключения Гекльберри Финна», «Янки при дворе короля Артура». Том Сойер и Гек Финн известны во всех концах света, их любят и дети, и взрослые. Том — фантазёр и выдумщик. Он выдумывает удивительные истории и интересные игры — в индейцев, в разбойников, в пиратов, живущих на острове. Обе книги Марка Твена — и про Тома, и про Гека — названы «Приключения...». Но приключения эти разные, и рассказано о них по-разному. «Приключения Тома Сойера» — весёлая, радостная книга детства. «Приключения Гекльберри Финна» — книга о суровой действительности.

«Вся американская литература вышла из одной книги Марка Твена, из его „Гекльберри Финна“... Лучшей книги у нас нет», — сказал знаменитый американский писатель XX века Эрнест Хемингуэй.

По Н. П. Михальской

Приключения Тома Сойера

(*отрывок из романа*)

Глава первая

Том играет, воюет, скрывается

— Том!

Никакого ответа.

— Том!

Никакого ответа.

— Куда же он запропастился, этот мальчишка?.. Том!

Старушка спустила очки на кончик носа и оглядела комнату поверх очков; потом вздёрнула очки на лоб и глянула из-под них. Она никогда или почти никогда не

смотрела сквозь очки, если ей приходилось отыскивать мелкий предмет вроде мальчика, потому что это были её парадные очки, гордость её сердца: они надевались «для шику», а не для действительной надобности; она могла бы с таким же успехом глядеть сквозь печные заслонки. В первую минуту она как будто растерялась и сказала не очень сердито, но всё же настолько громко, чтобы мебель могла её слышать:

— Ну попадись ты мне только, я тебя...

Она не кончила, потому что как раз в это время нагнулась и стала шарить щёткой под кроватью. Из-под кровати она не добыла ничего, кроме кошки.

— Вот негодный мальчишка! В жизнь свою не видала такого!

Она подошла к открытой двери и, став на пороге, зорко вглядывалась в заросли дурмана и кустики помидоров, из которых состоял её сад. Тома там не было. Тогда она возвысила голос, чтобы он был слышен на большом расстоянии, и крикнула:

— То-о-ом!

Позади раздался лёгкий шум. Она оглянулась и в ту же секунду схватила за край куртки мальчишку, который собирался улизнуть.

— Ну, конечно! Мне следовало бы заглянуть в кладовую! Что ты там делал?

— Ничего.

— Ничего? Погляди на свои руки, погляди на свой рот. Чем это ты вымазал губы?

— Не знаю, тётя!

— А я знаю! Это варенье, вот что это такое! Сорок раз я тебе говорила, что, если ты не оставишь в покое варенья, я тебя высеку. Дай-ка сюда этот прут.

Розга засвистела в воздухе.

Опасность была неминуемая.

— Ай! Гляньте-ка, тётя, назад!

Старуха испуганно повернулась на каблуках и приподняла свои юбки, чтобы спастись от грозящей беды,

а мальчишка пустился бежать, вскарабкался на высокий дощатый забор — и был таков!

Тётя Полли с минуту не могла опомниться от удивления, потом засмеялась негромко.

— Ну и мальчишка! Да неужто я всё-таки никогда не поумнею? Или мало ещё он дурачил меня? Но, видно, старый дурак всех дураков глупее. Недаром говорится, что старую собаку новым штукам не выучишь. Впрочем, у него и все штуки разные: что ни день, то другая, — разве тут догадаешься, что у него на уме? Он будто знает, до каких пор он может мучить меня безнаказанно, а когда я наконец рассержусь, сейчас же умчится прочь или рассмешит меня каким-нибудь вздором, и гнев у меня сразу остынет, и рука не поднимается хорошенько проучить его розгой. И я не исполняю своего долга, да простит меня Бог. Кто обходится без розги, тот губит ребёнка, говорит Священное Писание. Я же, грешная, балую его, и за это наказание постигнет нас обоих. Знаю, что голова у него полна всякой дури. Но что же мне делать? Ведь он сын моей покойной сестры, бедный малый, и у меня духу не хватает отстегать его розгой! Всякий раз, как я дам ему увильнуть от наказания, меня так мучает совесть, что и сказать не умею, а накажу — моё старое сердце прямо разрывается от жалости. Верно, верно сказано в Писании: век человеческий краток и полон скорбей! Ну, да ладно! Сегодня он сбежал с уроков и в класс не пошёл, будет лодырничать от обеда до вечера, а завтра мне придётся наказать его — засадить за трудную работу. Жестоко заставлять его работать в воскресные дни, когда у всех мальчиков праздник, но ничего не поделаешь: работу он ненавидит больше всего на свете, а мне надо же когда-нибудь исполнить свой долг, не то я сгублю малыша.

Том действительно весь день бил баклуши и очень весело провёл время. Он вернулся домой как раз кстати, чтобы помочь негритёнку Джимми напилить дров на завтра и наколоть растопку или (говоря более точно) рас-

сказать ему свои приключения. Младший брат Тома, Сид (не родной брат, а сводный), к этому времени уже справился со своей работой (ему было приказано собрать стружки и щепки), потому что это был послушный тихоня, который никогда не проказничал и не доставлял неприятностей старшим.

Пока Том уплетал свой ужин, пользуясь всяким удобным случаем, чтобы стянуть кусок сахару, тётя Полли задавала ему разные вопросы, полные глубокого коварства, надеясь, что он попадёт в расставленные ею ловушки и проболтается. Подобно многим простодушным людям, она не без гордости считала себя тонкой дипломаткой и видела в своих наивнейших замыслах чудеса лукавства.

— Том, — сказала она, — сегодня в школе было, должно быть, порядочно жарко?

— Да, м[1].

— Страшно жарко, не правда ли?

— Да, м.

— А не захотелось ли тебе, Том, искупаться в реке?

Тому почудилось что-то неладное — лёгкое облако подозрения и страха коснулось его души. Он пытливо посмотрел в лицо тёти Полли, но оно ничего не сказало ему. И он ответил:

— Нет, м, не особенно.

Старуха протянула руку и пощупала у Тома рубашку.

— Но всё же, — сказала она, — ты, оказывается, не очень вспотел.

И она с гордостью подумала, как ловко ей удалось обнаружить, что рубашка у Тома сухая: никому и в голову не пришло, какая хитрость была у неё на уме. Том, однако же, успел уже сообразить, куда дует ветер, и предупредил дальнейшие вопросы:

— Наши мальчики подставляли голову под насос — освежиться. У меня волосы до сих пор мокрые. Видите?

[1] *М* — первая и последняя буква почтительного обращения к женщине: «мэм».

Тётя Полли была раздосадована: как могла она упустить такую важную улику? Но тотчас же её осенила новая мысль.

— Том, ведь, чтобы подставить голову под насос, тебе не пришлось распороть воротник рубашки в том месте, где я зашила его? Ну-ка расстегнись!

Тревога сбежала с лица Тома. Он распахнул куртку. Воротник рубашки оказался крепко зашитым.

— Ну, хорошо, хорошо. Ступай. А я была уверена, что ты и в школу не ходил, и купался. Ладно, я не сержусь на тебя: ты хоть и порядочный плут, но всё же иногда бываешь лучше, чем можно подумать.

Ей было досадно, что её мудрость не привела ни к чему, и в то же время приятно, что отныне Том вступает на путь послушания.

Но тут вмешался Сидди.

— Что-то мне помнится, — сказал он, — будто вы зашивали ему воротник белой ниткой, а тут, поглядите, чёрная.

— Да, я зашила белой!.. Том!..

Но Том не стал дожидаться продолжения этой беседы и, убегая из комнаты, крикнул:

— Ну и вздую же я тебя, Сидди!

Укрывшись в надёжном месте, он осмотрел две большие иголки, заткнутые за ворот куртки и обмотанные нитками. Одна была обмотана чёрной ниткой, а другая — белой.

— Она бы и не заметила, если б не Сид. Впрочем, и она хороша: то у неё чёрная нитка, то белая. Уж шила бы какой-нибудь одной, а то поневоле собьёшься... А Сида я всё-таки вздую, — чёрт меня возьми, если не вздую.

Том не был примерным мальчиком, таким, каким мог бы гордиться весь город. Зато он отлично знал, кто был примерным мальчиком, и ненавидел его.

Впрочем, через две минуты — и даже скорее — он позабыл все невзгоды. Не потому, что они были для него

менее тяжки и горьки, чем невзгоды, обычно мучающие взрослых людей, но потому, что в эту минуту его захватила новая великая забота и вытеснила их из его головы. Точно так же и взрослые люди забывают всё своё горе, едва только их увлекут какие-нибудь новые замыслы.

Тома в настоящее время увлекла одна прелестная новинка: он научился у знакомого негра свистеть каким-то особенным способом, и ему давно уже хотелось поупражняться на свободе в этом деле. Негр свистел по-птичьему. У него получалась великолепная трель, для чего нужно было часто-часто дотрагиваться языком до нёба. Читатель, вероятно, помнит, как это делается, — если только он когда-нибудь был мальчиком. Настойчивость и усердие помогли Тому быстро овладеть новым искусством.

Он весело зашагал по улице, и рот его был полон сладкой музыки, а душа была полна благодарности. Он чувствовал себя как астроном, открывший в небе новую планету, но радость его была непосредственнее, полнее и глубже.

Летом вечера долгие. Было ещё светло. Вдруг Том перестал свистеть. Перед ним стоял незнакомец, чуть побольше его самого. Всякое новое лицо любого пола и любого возраста всегда вызывало общий интерес в маленьком, убогом городке Санкт-Петербурге[1]. К тому же мальчик был прекрасно одет — прекрасно одет в будничный день! Это было прямо поразительно! Очень изящная шапочка, аккуратно застёгнутая синяя суконная куртка, новая и чистая, и такие же брюки! На ногах башмаки, даром что сегодня ещё только пятница. У него был даже галстук — очень яркая лента. Вообще он имел вид городского франта, нестерпимо раздражавший Тома. Чем больше Том глядел на это дивное диво, тем бледнее казался ему его собственный жалкий костюм и тем выше задирал он нос, показывая, как ему противны такие щегольские наряды. Оба мальчика не сказали ни слова. Стоило одному сде-

[1] Американцы любят давать своим мелким городкам громкие названия столиц. У них есть несколько Парижей, Константинополь и т. д.

лать шаг, делал шаг и другой, — но только в сторону, вбок, по кругу. Лицо к лицу и глаза в глаза — так они стояли очень долго. Наконец Том сказал:

— Я могу тебя поколотить.

— А ну-ка, попробуй!

— Могу и поколочу!

— Нет, ты не можешь.

— Нет, я могу.

— Нет, не можешь.

— Нет, могу.

— Нет, не можешь.

— Могу!

— Не можешь!

Зловещее молчание.

— А как тебя зовут? — наконец спросил Том.

— А тебе какое дело?

— Вот я покажу тебе, какое мне дело.

— Ну, покажи. Отчего же не покажешь?

— Скажи ещё два слова, и покажу.

— Два слова! Два слова! Два слова! Вот тебе. Ну?

— Ишь какой ловкий! Да если бы я захотел, я мог бы вздуть тебя одною рукою, а другую пусть привяжут мне за спину.

— Почему же не вздуешь? Ведь ты говоришь, что можешь.

— И вздую, если будешь ко мне приставать.

— Ай-ай-ай! Видали мы таких!

— Думаешь, как расфуфырился, так уж и важная птица! Ой, какая шляпа!

— А ну-ка, попробуй сбить её у меня с головы! Вот тогда и получишь от меня на орехи...

— Врёшь!

— Сам ты врёшь!

— Только стращает, а сам трус!

— Ладно, проваливай!

— Эй, ты, слушай: если ты не уймёшься, я оторву тебе голову!

— Как же! Оторвёшь! Ой! ой! ой!

— И оторву!

— Чего же ты ждёшь? Почему ты всё стращаешь, а на деле и нет ничего? Трусишь, значит?

— И не думаю!

— Нет, трусишь!

— Нет, не трушу!

— Нет, трусишь!

Снова молчание. Пожирают друг друга глазами, топчутся на месте и делают новый круг.

Наконец они стоят плечом к плечу.

— Убирайся отсюда! — говорит Том.

— Сам убирайся!

— Не желаю.

— И я не желаю!

Так они стоят лицом к лицу, каждый выставил ногу вперёд под одним и тем же углом. С ненавистью глядя друг на друга, они начинают что есть силы толкаться. Но победа не даётся ни тому ни другому. Толкаются они долго, так что лица у них становятся разгорячёнными, красными. Понемногу они ослабляют свой натиск, хотя каждый по-прежнему остаётся настороже, и тогда Том говорит:

— Ты трус и щенок. Я скажу моему старшему брату. Он может отколотить тебя одним мизинцем. Я ему скажу, он отколотит.

— Очень я боюсь твоего старшего брата! У меня у самого есть брат, ещё побольше твоего, и он может швырнуть твоего — вон через тот забор.

Оба брата были выдуманы.

— Врёшь!

— Мало ли что ты скажешь!

Том большим пальцем ноги провёл черту по пыли и сказал:

— Посмей только переступить через эту черту. Я так тебя вздую, что ты с места не встанешь. Горе тому, кто перейдёт за черту.

Чужой мальчик тотчас же поспешил перейти за черту и сказал:

— Ну, посмотрим, как ты вздуешь меня.

— Отстань! Говорю тебе: лучше отстань!

— Да ведь ты же говорил, что побьёшь меня. Отчего же не бьёшь?

— Чёрт меня возьми, если не побью за два цента!

Чужой мальчик вынул из кармана два больших медяка и с насмешкой протянул их Тому.

Том ударил его по руке, и монеты упали на землю.

Через минуту оба мальчика катались в грязи, сцепившись, как две кошки. Они дёргали друг друга за волосы, за куртки, за штаны, они щипали и царапали друг другу носы, покрывая себя пылью и славой.

Наконец неопределённая масса приняла отчётливые очертания, и в дыму сражения стал виден Том, сидевший верхом на противнике и молотивший его кулаками.

— Проси пощады! — выговорил он.

Но мальчик старался высвободиться и громко ревел — больше всего от злобы.

— Проси пощады! — И молотьба продолжалась.

Наконец чужой мальчик невнятно пробормотал: «Перестань», и Том отпустил его на волю с таким наставлением:

— Это тебе наука. В другой раз будь умнее и гляди, кого задеваешь на улице.

Чужой мальчик побрёл прочь, стряхивая пыль с костюма, всхлипывая, сопя носом, время от времени оборачиваясь, качая головой и грозя жестоко разделаться с Томом в следующий раз, когда поймает его.

Том отвечал насмешками и направился к дому, гордый своей победой.

Но только он повернулся к незнакомцу спиной, тот запустил в него камнем и угодил ему между лопаток, а сам кинулся бежать, как антилопа. Том гнался за изменником до самого дома и таким образом узнал, где живёт враг. Постоял немного у калитки, вызывая врага

на бой, но враг только строил ему рожи в окне, а выйти не пожелал. Наконец явилась мать врага, обозвала Тома гадким, испорченным, грубым мальчишкой и велела убираться прочь. Он ушёл, но, уходя, сказал, что будет бродить поблизости и подстерегать того мальчика.

Домой он вернулся поздно и, когда влез осторожно в окно, очутился в засаде: перед ним стояла его тётка. И когда тётка увидела, что сталось с его курткой и штанами, её решимость превратить его праздник в неволю и каторжный труд стала тверда, как алмаз.

Глава вторая

Великолепный маляр

Воскресное утро пришло, и летняя природа просияла — свежая, кипящая жизнью. В каждом сердце зазвенела песня, а если это сердце было молодо, из уст изливалась музыка. Радость была на каждом лице, всякий шагал, как на крыльях.

Белые акации стояли в цвету, и благоухание наполняло воздух. Кардифская гора, что возвышалась над городом, зазеленела растительностью. Она находилась как раз на таком расстоянии, чтобы казаться обетованной страной — заманчивой, безмятежной, мечтательной.

Том вышел из дома с ведром извёстки и длинною кистью. Он окинул взглядом забор, и в одно мгновенье окружающая природа утратила всю весёлость, и в сердце у него водворилась тоска. Тридцать ярдов[1] деревянного забора в девять футов[2] вышины! Жизнь показалась ему бессмыслицей, существование — тяжёлою ношею. Со вздохом он обмакнул кисть в извёстку и провёл ею по верхней доске, повторил это ещё и ещё раз и остановился: как ничтожна белая полоска по сравнению с огромным континентом некрашеного забора! В отчаянии опустился он на кадку, в которой было посажено дерево. Из ворот выбежал вприпрыжку Джим с жестяным ведром,

[1] *Ярд* — английская мера длины, равная 91,44 см.

[2] *Фут* — английская мера длины, равная 30,48 см.

напевая песенку «Девушки Буффало». Носить воду из городского насоса всегда было для Тома ненавистным трудом, но сейчас он с радостью взялся бы за эту работу. Он вспомнил, что у насоса всегда собирается много народу: белые, мулаты[1], чернокожие мальчишки и девчонки в ожидании своей очереди отдыхают, ведут меновую торговлю игрушками, ссорятся, дерутся, балуются. Он вспомнил также, что, хотя до колодца было не более полутораста шагов, Джим никогда не возвращался с ведром воды раньше как через час, да и то почти всегда кому-нибудь приходилось бегать за ним.

— Слушай-ка, Джим, хочешь, ты тут покрась немного, а я вместо тебя схожу за водою?

Джим покачал головой и сказал:

— Не могу, масса[2] Том! Старая миссис велела, чтобы я шёл прямо за водой и ни с кем не останавливался шалить по дороге. Она говорит: «Я уж знаю, — говорит, — что масса Том будет звать тебя белить забор, так ты его не слушай, а иди за своим делом». Она говорит: «Я сама, — говорит, — пойду смотреть, как он будет белить».

— О, вздор! Мало ли что она говорит, Джим! Она всегда так говорит. Давай сюда ведро, я в минуту сбегаю. Она и не узнает.

— Ой, боюсь, масса Том, боюсь старой миссис! Она мне голову оторвёт, — ей-богу, оторвёт!

— Она! Да она пальцем никого не тронет, разве что начнет долбить напёрстком по голове, — так это велика важность! Кто же на это обращает внимание! Говорит она, правда, ужасные вещи, ну, да ведь от слов не больно, если только она при этом не плачет. Джим, я дам тебе мраморный шарик. Я дам тебе мой белый алебастровый шарик.

Джим начал колебаться.

— Белый шарик, Джим, отличный белый шарик!

---

[1] *Мула́ты* — потомки от смешанных браков негров и белых.

[2] *Ма́сса* — неправильно произнесённое английское слово «мастер», т. е. барчук, молодой господин.

— Так-то оно так, вещь хорошая! А только всё-таки, масса Том, я крепко боюсь старой миссис.

Джим был только человек и не мог противостоять искушению. Он поставил было ведро на землю и взял в руки алебастровый шар, но через минуту уже мчался по улице с ведром в руке и ноющим затылком, между тем как Том принялся деятельно мазать забор, а тётя Полли удалялась с поля сражения с туфлей в руке и торжеством во взоре.

Но энергии Тома хватило ненадолго. Он начал думать о том, как весело он собирался провести этот день, и ему стало ещё тяжелее. Скоро все свободные мальчики выбегут на улицу гулять и резвиться. У них, конечно, затеяны разные весёлые игры, и как они будут потешаться над ним за то, что ему приходится так тяжко работать! Самая мысль об этом жгла его, как огнём. Он вытащил все свои сокровища и стал рассматривать их: ломаные игрушки, мраморные шарики, всякая дрянь, — этого не хватит и на то, чтобы купить себе хоть полчаса свободы. Он уложил свои скудные богатства в карман и отказался от мысли попытаться подкупить своих товарищей. В эту тяжкую и безнадёжную минуту его вдруг осенило вдохновение — именно вдохновение, гениальная, блестящая мысль. Он взял кисть и спокойно принялся за работу. Вот вдали показался Бен Роджерс, тот самый мальчишка, насмешек которого Том боялся больше всего. Бен не шёл, а прыгал, скакал и приплясывал —

«Приключения Тома Сойера». *Худ. В. Брем*

верный знак, что на душе у него было легко и что он многого ждал от предстоящего дня. Он грыз яблоко и время от времени издавал протяжный мелодичный свист вперемежку с более низкими нотами «дин-дон-дон», «дин-дон-дон», так как он изображал пароход. Подойдя ближе, он убавил шаг, стал посреди улицы и принялся медленно заворачивать, осторожно, с видимым усилием, потому что он представлял собой «Великую Миссури», сидящую на девять футов в воде. Он был судном, капитаном и сигнальными звонками в одно и то же время, так что ему приходилось изображать себя стоящим на собственной палубе, отдающим себе приказания и выполняющим их.

— Стоп-машина, сэр! Динь-дилинь, динь-дилинь-динь!

Он постепенно сошёл с середины дороги и приближался к тротуару.

— Назад! Дилинь-дилинь-динь!

Он вытянулся, держа руки по швам.

— Задний ход! Лево руля! Чшш-чшш-чшш!

Правая рука его величаво описывала большие круги, потому что она представляла собой колесо в сорок футов.

— Левым бортом! Право руля! Дилинь-динь-динь! Чшш-чшш-чшш!

Теперь он описывал круги левой рукой.

— Стоп, направо! Дилинь-динь-динь! Стоп, налево! Малый ход! Прямо, направо! Отдай канат! Стоп! Живей! Динь-дилинь-динь! Эй ты, на берегу! Чау! Чау! Чау! Чего стоишь? Принимай канат! Наматывай его на эту сваю! Затягива-а-ай! Отпусти! Машина стала, сэр. Ди-линь-динь-динь!

— Шт! шт! шт! — подражал он шипенью водомерного крана.

Том продолжал работать, не обращая внимания на пароход. Бен с удивлением уставился на него, потом сказал:

— Ги, ги! Попался, бычок, на верёвочку!

Ответа не было. Том глазами художника любовался своим последним штрихом, потом положил ещё один лёгкий мазок и откинулся назад — посмотреть. Бен подвёл

своё судно ближе и стал с ним борт о борт. У Тома слюнки потекли при виде яблока, но он снова с усердием погрузился в работу.

Наконец Бен сказал:

— Алло, старина, приходится работать, ничего не поделаешь.

— Ах, это ты, Бен! Я и не заметил.

— Слушай-ка, я иду купаться, да, купаться! Небось и тебе хочется, а? Но тебе, конечно, придётся работать, не правда ли? Ну, конечно, ещё бы!

Том посмотрел на него и сказал:

— Что ты называешь работой?

— А разве это не работа?

Том снова принялся белить забор и при этом промолвил небрежно:

— Может быть — да, а может быть — и нет. Я знаю только одно: Тому Сойеру она нравится.

— Вздор! Неужели ты хочешь сказать, что это занятие — приятное?

Кисть продолжала гулять по забору.

— Приятное? А что же в нём такого неприятного? Разве мальчикам каждый день случается белить заборы?

Дело явилось в ином свете. Бен перестал грызть яблоко. Том мягко водил кистью взад и вперёд, отступал на несколько шагов, чтобы полюбоваться эффектом, там и сям прибавлял мазок и снова критически осматривал сделанное, а Бен следил за каждым его движением, увлекаясь всё больше и больше.

Наконец Бен сказал:

— Слушай, Том, дай мне побелить немножко!

Том задумался и, казалось, был готов согласиться, но потом переменил своё намерение.

— Нет, нет, Бен, едва ли тебе это удастся. Видишь ли, тётя Полли ужасно привередлива насчёт этого забора: он ведь выходит на улицу. Будь это во дворе, другое дело, но тут она страшно строга — надо белить очень, очень старательно. Я так полагаю, что из тысячи, даже, пожа-

луй, из двух тысяч мальчиков не найдётся ни одного, который сумел бы выбелить его как следует.

— Неужто? Полно! Дай мне только попробовать, только немножечко. Будь я на твоём месте, я бы тебе дал. А, Том?

— Бен, я бы с радостью, честное слово, да тётя Полли... Вот Джим тоже хотел, а она не позволила. Просился и Сид — не пустила и Сида. Теперь ты понимаешь, как мне трудно доверить эту работу тебе? Если ты начнёшь белить, да вдруг выйдет что-нибудь не так...

— Вздор! Я буду стараться не хуже тебя. Мне бы только попробовать! Слушай: я дам тебе объедок вот этого яблока.

— Ладно, изволь! Впрочем, нет, Бен, лучше не надо; боюсь я...

— Я дам тебе всё моё яблоко. Всё, что осталось...

Том вручил ему кисть с видимой неохотой, но с восторгом в душе. И пока бывший пароход «Великая Миссури» трудился и потел на солнце, отставной художник сидел на кадке в тени, болтая ногами, жевал яблоко и расставлял сети для новых простаков. В простаках недостатка не было: мальчишки то и дело подходили к забору, — подходили позубоскалить, а оставались белить. К тому времени, когда Бен выбился из сил, Том уже продал вторую очередь Билли Фишеру за бумажного змея; а когда и Фишер утомился, его сменил Джонни Миллер, внеся в виде платы дохлую крысу с верёвочкой, — чтобы привязывать эту крысу за хвост и раскачивать, — и так далее, и так далее, час за часом. К полудню Том из жалкого бедняка, каким он был утром, превратился в богача, буквально утопающего в роскоши. Помимо вышеупомянованных сокровищ, у него оказались двенадцать мраморных шариков, свистулька, осколок синего стекла от бутылки, чтобы глядеть сквозь него, пушка, сделанная из катушки ниток, ключ, который ничего не хотел отпирать, кусок мела, стеклянная пробка от графина, оловянный солдатик, пара головастиков, шесть хлопу-

шек, одноглазый котёнок, медная ручка от двери, собачий ошейник, — только собаки не было, — рукоятка ножа, четыре апельсиновые корки и старая ломаная оконная рама. Он приятно и весело провёл время в большой компании, ничего не делая, а на заборе оказалось целых три слоя извёстки! Если бы у него хватило извёстки, он разорил бы всех мальчиков города.

Том сказал себе, что, в сущности, жизнь не так уж пуста и ничтожна. Сам того не зная, он открыл великий закон человеческих поступков и действий, а именно: для того, чтобы человек или мальчик страстно захотел обладать какой-нибудь вещью, пусть эта вещь достанется возможно труднее. Если бы он был таким же великим мудрецом, как и автор этой книги, он понял бы, что работа есть то, что мы обязаны делать, а игра есть то, что мы не обязаны делать. И это помогло бы ему уразуметь, почему изготовление бумажных цветов — работа, а восхождение на Монблан — удовольствие. В Англии есть немало богатых джентльменов, которые в летние дни управляют четвёркой лошадей, везущих омнибус куда-нибудь за двадцать — тридцать миль, — только потому, что это благородное занятие стоит им значительных денег, но если бы им предложили за тот же труд жалованье, это сделало бы его тяжёлой работой, и они сейчас же попросили бы расчёт.

Размышляем о прочитанном

1. Что вы узнали о Марке Твене из статьи Н. П. Михальской? Каким было его детство? Что отличало его в школе от других учеников? Чем интересен его псевдоним?
2. Какие книги Марка Твена вы читали? Какие из них вам особенно понравились?
3. В чём проявлялась изобретательность Тома?
4. Постарайтесь рассказать о героях Марка Твена — как выглядели, во что играли, как изобретали всё новые и новые игры, забавы.

5. Прочитайте целиком одно из произведений Марка Твена, подготовьте отзыв или краткий пересказ прочитанного.

Фонохрестоматия (((*Слушаем актёрское чтение*)))

М. Твен. «Приключения Тома Сойера»

1. Почему мальчишки завидовали Тому?
2. В чём были, по мнению Тома, бесспорные преимущества жизни Гека?
3. Какие чувства испытывают мальчишки, рассказывая страшные истории? Какими средствами художественного чтения эти чувства передают актёры?
4. Прочитайте диалог Тома и Гека, передавая чувство страха и мальчишеское бахвальство.
5. Какие чувства вызвала у вас сцена торга? Убедительны ли в ней актёры, исполняющие роли Тома и Гека? Дайте развёрнутый ответ на этот вопрос.

Внеклассное чтение

Д. Хармс. «Иван Топорышкин пошёл на охоту...», «Иван Иваныч Самовар»; В. Инбер. «Чайник»; О. Е. Григорьев. «Радушный хозяин», «Ворон»; М. Д. Яснов. «Мы и птицы»; А. С. Кушнер. «Не шумите!»; А. А. Усачёв. «Верблюды», «Гном и звезда»; М. Я. Бородицкая. «Прогульщик и прогульщица», «Мой дом», «Лошадка» и др.

Джек ЛОНДОН

1876–1916

Джек Лондон — американский писатель, родился в Сан-Франциско в семье разорившегося фермера. С детства он испытывал нужду и узнал труд; учась в школе, он зарабатывал продажей газет, затем работал на консервной фабрике, а в 14 лет, уйдя из дома, начал самостоятельную жизнь, полную приключений и лишений.

Дж. Лондон становится матросом на торговом судне; вернувшись в Америку из плавания, он сменяет множество профессий, скитается вместе с другими безработными по разным штатам, сидит в тюрьме за бродяжничество.

В 1897 году Дж. Лондон, захваченный «золотой лихорадкой», вызванной тем, что на Аляске (Клондайк) и в Северо-Западной Канаде было открыто золото, отправляется на далёкий Север искать счастья. Север, суровая природа, нравы золотоискателей и индейцев дали Дж. Лондону богатый материал для многих его произведений, которые он создаёт, вернувшись на родину.

Дж. Лондон много работал, иногда он писал по пятнадцать часов в сутки. Северные рассказы, которые он создавал на основе личных наблюдений и переживаний, полюбились публике. Сам писатель говорил: «Я верю в благородство и достоинство человека. Я верю, что духовность и бескорыстие займут место грубой жестокости и людоедства».

Начиная с 1900 года появляются сборники его рассказов о жизни золотоискателей и индейцев Севера, затем о путешествиях и приключениях в южных морях. Рассказы имеют большой успех. Дж. Лондон становится профессиональным писателем. Северные и морские рассказы Дж. Лондона составляют ряд сборников («Сын волка», «Дети мороза», «Сказки южных морей» и др.).

Джек Лондон оставил нам много хороших книг о мужественных, смелых и благородных людях. Будем же читать их, будем помнить советы писателя: «Изучайте приёмы писателей, завоевавших известность. Они стали мастерами, и в их произведениях можно найти секреты их мастерства. Запишите заглавными буквами — РАБОТАТЬ, РАБОТАТЬ всё время. Старайтесь познать тайны Земли, Вселенной, материи и духа, мерцающего в этой материи, во всём — от ничтожной личинки до божества».

Согласны ли вы с этой мыслью автора? Прочитайте интереснейшую историю о Кише, которую рассказал нам Джек Лондон, подумайте, какой пример подаёт главный герой рассказа. Чему он учит нас?

Сказание о Кише

Давным-давно у самого Полярного моря жил Киш. Долгие и счастливые годы был он первым человеком в своём посёлке, умер, окружённый почётом, и имя его было у всех на устах. Так много воды утекло с тех пор, что только старики помнят его имя, помнят и правдивую повесть о нём, которую они слышали от своих отцов и которую сами передадут своим детям и детям своих детей, а те — своим, и так она будет переходить из уст в уста до конца времён. Зимней полярной ночью, когда северная буря завывает над ледяными просторами, а в воздухе носятся белые хлопья и никто не смеет выглянуть наружу, хорошо послушать рассказ о том, как Киш, что вышел из самой бедной иглу[1], достиг почёта и занял высокое место в своём посёлке.

Киш, как гласит сказание, был смышлёным мальчиком, здоровым и сильным и видел уже тринадцать солнц. Так считают на Севере годы, потому что каждую зиму солнце оставляет землю во мраке, а на следующий год поднимается над землёй новое солнце, чтобы люди снова могли согреться и поглядеть друг другу в лицо. Отец

[1] *Йглу* — хижина канадских эскимосов, сложенная из снежных плит.

Киша был отважным охотником и встретил смерть в голодную годину, когда хотел отнять жизнь у большого полярного медведя, дабы даровать жизнь своим соплеменникам. Один на один он схватился с медведем, и тот переломал ему все кости; но на медведе было много мяса, и это спасло народ. Киш был единственным сыном, и, когда погиб его отец, он стал жить вдвоём с матерью. Но люди быстро всё забывают, забыли и о подвиге его отца, а Киш был всего только мальчик, мать его — всего только женщина, и о них тоже забыли, и они жили так, забытые всеми, в самой бедной иглу.

Но как-то вечером в большой иглу вождя Клош-Квана собрался совет, и тогда Киш показал, что в жилах у него горячая кровь, а в сердце — мужество мужчины, и он ни перед кем не станет гнуть спину. С достоинством взрослого он поднялся и ждал, когда наступит тишина и стихнет гул голосов.

— Я скажу правду, — так начал он. — Мне и матери моей даётся положенная доля мяса. Но это мясо часто бывает старое и жёсткое, и в нём слишком много костей.

Охотники — и совсем седые, и только начавшие седеть, и те, что были в расцвете лет, и те, что были ещё юны, — все разинули рот. Никогда не доводилось им слышать подобных речей. Чтобы ребёнок говорил, как взрослый мужчина, и бросал им в лицо дерзкие слова!

Но Киш продолжал твёрдо и сурово:

— Мой отец, Бок, был храбрым охотником, вот почему я говорю так. Люди рассказывают, что Бок один приносил больше мяса, чем любые два охотника, даже из самых лучших, что своими руками он делил это мясо и своими глазами следил за тем, чтобы самой старой старухе и самому хилому старику досталась справедливая доля.

— Вон его! — закричали охотники. — Уберите отсюда этого мальчишку! Уложите его спать. Мал он ещё разговаривать с седоголовыми мужчинами.

Но Киш спокойно ждал, пока не уляжется волнение.

— У тебя есть жена, Уг-Глук, — сказал он, — и ты говоришь за неё. А у тебя, Массук, — жена и мать, и за них ты говоришь. У моей матери нет никого, кроме меня, и потому говорю я. И я сказал: Бок погиб потому, что он был храбрым охотником, а теперь я, его сын, и Айкига, мать моя, которая была его женой, должны иметь вдоволь мяса до тех пор, пока есть вдоволь мяса у племени. Я, Киш, сын Бока, сказал.

Он сел, но уши его чутко прислушивались к буре протеста и возмущения, вызванной его словами.

— Разве мальчишка смеет говорить на совете? — прошамкал старый Уг-Глук.

— С каких это пор грудные младенцы стали учить нас, мужчин? — зычным голосом спросил Массук. — Или я уже не мужчина, что любой мальчишка, которому захотелось мяса, может смеяться мне в лицо?

Гнев их кипел ключом. Они приказали Кишу сейчас же идти спать, грозили совсем лишить его мяса, обещали задать ему жестокую порку за дерзкий поступок. Глаза Киша загорелись, кровь забурлила и жарким румянцем прилила к щекам. Осыпаемый бранью, он вскочил с места.

— Слушайте меня, вы, мужчины! — крикнул он. — Никогда больше не стану я говорить на совете, никогда — прежде чем вы не придёте ко мне и не скажете: «Говори, Киш, мы хотим, чтобы ты говорил». Так слушайте же, мужчины, моё последнее слово. Бок, мой отец, был великий охотник. Я, Киш, его сын, тоже буду охотиться и приносить мясо и есть его. И знайте отныне, что делёж моей добычи будет справедлив. И ни одна вдова, ни один беззащитный старик не будут больше плакать ночью оттого, что у них нет мяса, в то время как сильные мужчины стонут от тяжкой боли, ибо съели слишком много. И тогда будет считаться позором, если сильные мужчины станут объедаться мясом! Я, Киш, сказал всё.

Насмешками и глумлением проводили они Киша, когда он выходил из иглу, но он стиснул зубы и пошёл своей дорогой, не глядя ни вправо, ни влево.

На следующий день он направился вдоль берега, где земля встречается со льдами. Те, кто видел его, заметили, что он взял с собой лук и большой запас стрел с костяными наконечниками, а на плече нёс большое охотничье копьё своего отца. И много было толков и много смеха по этому поводу. Это было невиданное событие. Никогда не случалось, чтобы мальчик его возраста ходил на охоту, да ещё один. Мужчины только покачивали головой да пророчески что-то бормотали, а женщины с сожалением смотрели на Айкигу, лицо которой было строго и печально.

— Он скоро вернётся, — сочувственно говорили женщины.

— Пусть идёт. Это послужит ему хорошим уроком, — говорили охотники. — Он вернётся скоро, тихий и покорный, и слова его будут кроткими.

Но прошёл день и другой, и на третий поднялась жестокая пурга, а Киша всё не было. Айкига рвала на себе волосы и вымазала лицо сажей в знак скорби, а женщины горькими словами корили мужчин за то, что они плохо обошлись с мальчиком и послали его на смерть; мужчины же молчали, готовясь идти на поиски тела, когда утихнет буря.

Однако на следующий день рано утром Киш появился в посёлке. Он пришёл с гордо поднятой головой. На плече он нёс часть туши убитого им зверя. И поступь его стала надменной, а речь звучала дерзко.

— Вы, мужчины, возьмите собак и нарты и ступайте по моему следу, — сказал он. — За день пути отсюда найдёте много мяса на льду — медведицу и двух медвежат.

Айкига была вне себя от радости, он же принял её восторги, как настоящий мужчина, сказав:

— Идём, Айкига, надо поесть. А потом я лягу спать, потому что я устал.

И он вошёл в иглу и сытно поел, после чего спал двадцать часов подряд.

Сначала было много сомнений, много сомнений и споров. Выйти на полярного медведя — дело опасное, но трижды и три раза трижды опаснее — выйти на медведицу с медвежатами. Мужчины не могли поверить, что мальчик Киш один, совсем один, совершил такой великий подвиг. Но женщины рассказывали о свежем мясе только что убитого зверя, которое принёс Киш, и это поколебало их недоверие. И вот, наконец, они отправились в путь, ворча, что если даже Киш и убил зверя, то, верно, он не позаботился освежевать его и разделать тушу. А на Севере это нужно делать сразу, как только зверь убит, — иначе мясо замёрзнет так крепко, что его не возьмёт даже самый острый нож; а взвалить мороженую тушу в триста фунтов на нарты и везти по неровному льду — дело нелёгкое. Но, придя на место, они увидели то, чему не хотели верить: Киш не только убил медведей, но рассёк туши на четыре части, как истый охотник, и удалил внутренности.

Так было положено начало тайне Киша. Дни шли за днями, и тайна эта оставалась неразгаданной. Киш снова пошёл на охоту и убил молодого, почти взрослого медведя, а в другой раз — огромного медведя-самца и его самку. Обычно он уходил на три-четыре дня, но бывало, что пропадал среди ледяных просторов и целую неделю. Он никого не хотел брать с собой, и народ только диву давался. «Как он это делает? — спрашивали охотники друг у друга. — Даже собаки не берёт с собой, а ведь собака — большая подмога на охоте».

— Почему ты охотишься только на медведя? — спросил его как-то Клош-Кван.

И Киш сумел дать ему надлежащий ответ:

— Кто же не знает, что только на медведе так много мяса.

Но в посёлке стали поговаривать о колдовстве.

— Злые духи охотятся вместе с ним, — утверждали одни. — Поэтому его охота всегда удачна. Чем же иначе можно это объяснить, как не тем, что ему помогают злые духи?

— Кто знает? А может, это не злые духи, а добрые? — говорили другие. — Ведь его отец был великим охотником. Может, он теперь охотится вместе с сыном и учит его терпению, ловкости и отваге. Кто знает!

Так или не так, но Киша не покидала удача, и нередко менее искусным охотникам приходилось доставлять в посёлок его добычу. И в дележе он был справедлив. Так же, как и отец его, он следил за тем, чтобы самый хилый старик и самая старая старуха получали справедливую долю, а себе оставлял ровно столько, сколько нужно для пропитания. И поэтому-то, и ещё потому, что он был отважным охотником, на него стали смотреть с уважением и побаиваться его и начали говорить, что он должен стать вождём после смерти старого Клош-Квана. Теперь, когда он прославил себя такими подвигами, все ждали, что он снова появится в совете, но он не приходил, а им было стыдно позвать его.

— Я хочу построить себе новую иглу, — сказал Киш однажды Клош-Квану и другим охотникам. — Это должна быть просторная иглу, чтобы Айкиге и мне было удобно в ней жить.

— Так, — сказали те, с важностью кивая головой.

— Но у меня нет на это времени. Моё дело — охота, и она отнимает всё моё время. Было бы справедливо и правильно, чтобы мужчины и женщины, которые едят мясо, что я приношу, построили мне иглу.

И они выстроили ему такую большую, просторную иглу, что она была больше и просторнее даже жилища самого Клош-Квана. Киш и его мать перебрались туда, и впервые после смерти Бока Айкига стала жить в довольстве. И не только одно довольство окружало Айкигу, — она была матерью замечательного охотника, и на неё

смотрели теперь как на первую женщину в посёлке, и другие женщины посещали её, чтобы испросить у неё совета, и ссылались на её мудрые слова в спорах друг с другом или со своими мужьями.

Но больше всего занимала все умы тайна чудесной охоты Киша. И как-то раз Уг-Глук бросил Кишу в лицо обвинение в колдовстве.

— Тебя обвиняют, — зловеще сказал Уг-Глук, — в сношениях с злыми духами; вот почему твоя охота удачна.

— Разве вы едите плохое мясо? — спросил Киш. — Разве кто-нибудь в посёлке заболел от него? Откуда ты можешь знать, что тут замешано колдовство? Или ты говоришь наугад — просто потому, что тебя душит зависть?

И Уг-Глук ушёл пристыженный, и женщины смеялись ему вслед. Но как-то вечером на совете после долгих споров было решено послать соглядатаев по следу Киша, когда он снова пойдёт на медведя, и узнать его тайну. И вот Киш отправился на охоту, а Бим и Боун, два молодых, лучших в посёлке охотника, пошли за ним по пятам, стараясь не попасться ему на глаза. Через пять дней они вернулись, дрожа от нетерпения, — так хотелось им поскорее рассказать то, что они видели. В жилище Клош-Квана был спешно созван совет, и Бим, тараща от изумления глаза, начал свой рассказ.

— Братья! Как нам было приказано, мы шли по следу Киша. И уж так осторожно мы шли, что он ни разу не заметил нас. В середине первого дня пути он встретился с большим медведем-самцом, и это был очень, очень большой медведь...

— Больше и не бывает, — перебил Боун и повёл рассказ дальше. — Но медведь не хотел вступать в борьбу, он повернул назад и стал не спеша уходить по льду. Мы смотрели на него со скалы на берегу, а он шёл в нашу сторону, и за ним, без всякого страха, шёл Киш. И Киш кричал на медведя, осыпал его бранью, размахивал руками и поднимал очень большой шум. И тогда медведь

«Сказание о Кише».
Худ. С. Цигаль

рассердился, встал на задние лапы и зарычал. А Киш шёл прямо на медведя...

— Да, да, — подхватил Бим. — Киш шёл прямо на медведя, и медведь бросился на него, и Киш побежал. Но когда Киш бежал, он уронил на лёд маленький круглый шарик, и медведь остановился, обнюхал этот шарик и проглотил его. А Киш всё бежал и всё бросал маленькие круглые шарики, а медведь всё глотал их.

Тут поднялся крик, и все выразили сомнение, а Уг-Глук прямо заявил, что он не верит этим сказкам.

— Собственными глазами видели мы это, — убеждал их Бим.

— Да, да, собственными глазами, — подтвердил и Боун. — И так продолжалось долго, а потом медведь вдруг остановился, завыл от боли и начал, как бешеный, колотить передними лапами о лёд. А Киш побежал дальше по льду и стал на безопасном расстоянии. Но медведю было не до Киша, потому что маленькие круглые шарики наделали у него внутри большую беду.

— Да, большую беду, — перебил Бим. — Медведь царапал себя когтями и прыгал по льду, словно разыгравшийся щенок. Но только он не играл, а рычал и выл от боли, — и всякому было ясно, что это не игра, а боль. Ни разу в жизни я такого не видал.

— Да, и я не видал, — опять вмешался Боун. — А какой это был огромный медведь!

— Колдовство, — проронил Уг-Глук.

— Не знаю, — отвечал Боун. — Я рассказываю только то, что видели мои глаза. Медведь был такой тяжёлый и прыгал с такою силой, что скоро устал и ослабел, и тогда он пошёл прочь вдоль берега и всё мотал головой

из стороны в сторону, а потом садился и рычал и выл от боли — и снова шёл. А Киш тоже шёл за медведем, а мы — за Кишем, и так мы шли весь день и ещё три дня. Медведь всё слабел и выл от боли.

— Это колдовство! — воскликнул Уг-Глук. — Ясно, что это колдовство!

— Всё может быть.

Но тут Бим опять сменил Боуна:

— Медведь стал кружить. Он шёл то в одну сторону, то в другую, то назад, то вперёд, то по кругу и снова и снова пересекал свой след и наконец пришёл к тому месту, где встретил его Киш. И тут он уже совсем ослабел и не мог даже ползти. И Киш подошёл к нему и прикончил его копьём.

— А потом? — спросил Клош-Кван.

— Потом Киш принялся свежевать медведя, а мы побежали сюда, чтобы рассказать, как Киш охотится на зверя.

К концу этого дня женщины притащили тушу медведя, в то время как мужчины собирали совет. Когда Киш вернулся, за ним послали гонца, приглашая его прийти тоже, но он велел сказать, что голоден и устал и что его иглу достаточно велика и удобна и может вместить много людей.

И любопытство было так велико, что весь совет во главе с Клош-Кваном поднялся и направился в иглу Киша. Они застали его за едой, но он встретил их с почётом и усадил по старшинству. Айкига то горделиво выпрямлялась, то в смущении опускала глаза, но Киш был совершенно спокоен.

Клош-Кван повторил рассказ Бима и Боуна и, закончив его, произнёс строгим голосом:

— Ты должен дать нам объяснение, о Киш. Расскажи, как ты охотишься. Нет ли здесь колдовства?

Киш поднял на него глаза и улыбнулся.

— Нет, о Клош-Кван! Не дело мальчика заниматься колдовством, и в колдовстве я ничего не смыслю. Я толь-

ко придумал способ, как можно легко убить полярного медведя, вот и всё. Это смекалка, а не колдовство.

— И каждый может сделать это?

— Каждый.

Наступило долгое молчание.

Мужчины глядели друг на друга, а Киш продолжал есть.

— И ты... ты расскажешь нам, о Киш? — спросил наконец Клош-Кван дрожащим голосом.

— Да, я расскажу тебе. — Киш кончил высасывать мозг из кости и поднялся с места. — Это очень просто. Смотри!

Он взял узкую полоску китового уса и показал её всем. Концы у неё были острые, как иглы. Киш стал осторожно скатывать ус, пока он не исчез у него в руке; тогда он внезапно разжал руку, — и ус сразу распрямился. Затем Киш взял кусок тюленьего жира.

— Вот так, — сказал он. — Надо взять маленький кусочек тюленьего жира и сделать в нём ямку — вот так. Потом в ямку надо положить китовый ус — вот так, хорошенько его свернув, и закрыть его сверху другим кусочком жира. Потом это надо выставить на мороз, и, когда жир замёрзнет, получится маленький круглый шарик. Медведь проглотит шарик, жир растопится, острый китовый ус распрямится — медведю станет больно. А когда медведю станет очень больно, его легко убить копьём. Это совсем просто.

И Уг-Глук воскликнул:

— О!

И Клош-Кван сказал:

— А!

И каждый сказал по-своему, и все поняли.

Так кончается сказание о Кише, который жил давным-давно у самого Полярного моря. И потому, что Киш действовал смекалкой, а не колдовством, он из самой жалкой иглу поднялся высоко и стал вождём своего племени. И говорят, что, пока он жил, народ благоденство-

вал и не было ни одной вдовы, ни одного беззащитного старика, которые бы плакали ночью оттого, что у них нет мяса.

Размышляем о прочитанном

1. Кто главный герой рассказа? Каким вы его представляете? Что было самым главным в его характере? Почему его стали уважать люди? Почему он стал «первым человеком в своём посёлке, умер, окружённый почётом, и имя его было у всех на устах»?
2. Какие строки этого произведения говорят о том, что происходило это очень давно? Каким был отец Киша? Почему люди забыли о подвиге отца?
3. В чём была тайна Киша? Почему народ племени Киша благоденствовал?
4. Подготовьте рассказ о Кише, сопроводите его рисунками.
5. Подготовьте пересказ событий, описанных в рассказе от лица самого Киша. Постарайтесь при этом передать его чувства: страхи, сомнения, досаду, радость, торжество.
6. Как вы понимаете последнюю фразу этого рассказа: *И говорят, что, пока он жил, народ благоденствовал и не было ни одной вдовы, ни одного беззащитного старика, которые бы плакали ночью оттого, что у них нет мяса*? На какую причину благодарной памяти соплеменников о Кише указывают эти слова?

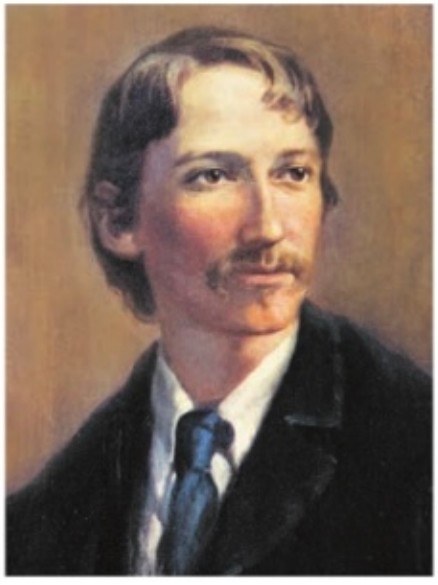
Литература и изобразительное искусство

Рассмотрите иллюстрацию художника С. Цигаля. Таким ли вы представляете себе героя рассказа?

Внеклассное чтение

В. К. Арсеньев. «Дерсу Узала»; В. А. Каверин. «Два капитана»; Р. Э. Распе. «Приключения барона Мюнхгаузена»; Ж. Верн. «Таинственный остров»; Т. Майн Рид. «Морской волчонок»; Ж. Рони-старший. «Борьба за огонь»; А. Линдгрен. «Приключения Калле Блюмквиста»; Б. Лесьмян. «Новые приключения Синдбада-морехода»; Л. Кэрролл. «Приключения Алисы в Стране чудес» и др.

ЗАРУБЕЖНАЯ ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКАЯ ПРОЗА

Роберт Льюис СТИВЕНСОН

1850—1894

Вы наверняка читали книги, смотрели фильмы про смертельно опасные, но возвышенно-героические приключения отважных людей, вынужденных вступать в борьбу с коварными и жестокими пиратами, «людьми Флинта». Кто же он такой, таинственный и безжалостный Флинт? Разумеется, вы знаете, что это легендарный капитан пиратского корабля. А знаете ли вы, кто сочинил истории про капитана Флинта? Это автор романа[1] «Остров сокровищ», шотландский писатель Роберт Льюис Стивенсон. Роман был написан в 1882 году и напечатан на страницах журнала для детей «Янг фолкс». В следующем году «Остров сокровищ» был издан отдельной книгой и очень быстро завоевал всемирное читательское признание, став самым популярным приключенческим романом. Он был переведён на многие иностранные языки. Так, у нас в стране он был издан на русском языке уже в 1886 году.

Популярности романа среди читателей-подростков в значительной степени способствовало то обстоятельство, что главным героем романа, от имени которого в основном ведётся повествование, был их ровесник, английский мальчишка Джим Хокинс, сын хозяйки трактира «Адмирал Бенбоу». В трактире поселился мрачный постоялец, к которому часто наведывались очень сомнительного вида посетители, что вызывало у Джима и страх, и

[1] *Рома́н* — большое повествовательное произведение.

любопытство. А когда сильно задолжавший постоялец умер, то Джим с матерью нашли в его сундуке бумаги, за которыми, видимо, охотились те подозрительные личности, которые навещали мрачного постояльца. Пираты (конечно же это были они) надеялись получить карту, по которой можно было найти сокровища капитана Флинта. Они напали на трактир, но подоспевшие таможенники обратили морских разбойников в бегство.

Джим показывает найденные бумаги доктору Ливси и сквайру[1] Трелони. Эти романтически настроенные джентльмены решают снарядить корабль и отправиться на поиски сокровищ Флинта. Так они и поступают, а Джима берут юнгой в команду их шхуны «Эспаньола». И вот на корабле случайно Джим подслушал разговоры кока корабельной команды — одноногого Сильвера с некоторыми матросами.

Остров сокровищ

(*главы из романа*)

Глава 11

Что я услышал, сидя в бочке из-под яблок

— Нет, не я, — сказал Сильвер. — Капитаном был Флинт. А я был квартирмейстером[2], потому что у меня нога деревянная. Я потерял ногу в том же деле, в котором старый Пью потерял свои иллюминаторы. Мне ампутировал её учёный хирург — он учился в колледже и знал всю латынь наизусть. А всё же не отвертелся от виселицы — его вздёрнули в Корсо-Касле, как собаку, сушиться на солнышке... рядом с другими. Да! То были люди Робертса, и погибли они потому, что меняли названия своих кораблей. Сегодня корабль называется «Королевское счастье», а завтра как-нибудь иначе. А по-нашему — как окрестили судно, так оно всегда и должно называться. Мы не меняли названия «Кассандры», и она

[1] *Эскв́айр, скв́айр* (англ.) — джентльмен.

[2] *Квартирме́йстер* — на флоте старшина рулевых, штурман. У пиратов был вторым лицом на судне, следил за выполнением приказов, улаживал конфликты и ссоры на борту.

благополучно доставила нас домой с Малабара, после того как Ингленд захватил вице-короля Индии. Не менял своего прозвища и «Морж», старый корабль Флинта, который до бортов был полон кровью, а золота на нём было столько, что он чуть не пошёл ко дну.

— Эх, — услышал я восхищённый голос самого молчаливого из наших матросов, — что за молодец этот Флинт!

— Дэвис, говорят, был не хуже, — сказал Сильвер. — Но я никогда с ним не плавал. Я плавал сначала с Инглендом, потом с Флинтом. А теперь вышел в море сам. Я заработал девятьсот фунтов стерлингов у Ингленда да тысячи две у Флинта. Для простого матроса это не так плохо. Деньги вложены в банк и дают изрядный процент. Дело не в умении заработать, а в умении сберечь... Где теперь люди Ингленда? Не знаю... Где люди Флинта? Большей частью здесь, на корабле, и рады, когда получают пудинг. Многие из них жили на берегу, как последние нищие. С голоду подыхали, ей-богу! Старый Пью, когда потерял глаза, а также и стыд, стал проживать тысячу двести фунтов в год, словно лорд из парламента. Где он теперь? Умер и гниёт в земле. Но два года назад ему уже нечего было есть. Он просил милостыню, он воровал, он резал глотки и всё-таки не мог прокормиться!

— Вот и будь пиратом! — сказал молодой моряк.

— Не будь только дураком! — воскликнул Сильвер. — Впрочем, не о тебе разговор: ты хоть молод, а не глуп. Тебя не надуешь! Я это сразу заметил, едва только увидел тебя, и буду разговаривать с тобой, как с мужчиной.

Можете себе представить, что я почувствовал, услышав, как этот старый мошенник говорит другому те же самые льстивые слова, которые говорил мне!

Если бы я мог, я бы убил его...

А тем временем Сильвер продолжал говорить, не подозревая, что его подслушивают:

— Так всегда с джентльменами удачи. Жизнь у них тяжёлая, они рискуют попасть на виселицу, но едят и

пьют, как боевые петухи перед боем. Они уходят в плавание с сотнями медных грошей, а возвращаются с сотнями фунтов. Добыча пропита, деньги растрачены — и снова в море в одних рубашках. Но я поступаю не так. Я вкладываю все свои деньги по частям в разные банки, но нигде не кладу слишком много, чтобы не возбудить подозрения. Мне пятьдесят лет, заметь. Вернувшись из этого плавания, я буду жить, как живут самые настоящие джентльмены... Пора уже, говоришь? Ну что ж, я и до этого пожил неплохо. Никогда ни в чём себе не отказывал. Мягко спал и вкусно ел. Только в море приходилось иногда туговато. А как я начал? Матросом, как ты.

— А ведь прежние ваши деньги теперь пропадут, — сказал молодой матрос. — Как вы покажетесь в Бристоле после этого плавания?

— А где, по-твоему, теперь мои деньги? — спросил Сильвер насмешливо.

— В Бристоле, в банках и прочих местах, — ответил матрос.

— Да, они были там, — сказал повар. — Они были там, когда мы подымали наш якорь. Но теперь моя старуха уже взяла их оттуда. «Подзорная труба» продана вместе с арендованным участком, клиентурой и оснасткой, а старуха уехала и поджидает меня в условленном месте. Я бы сказал тебе, где это место, потому что вполне доверяю тебе, да, боюсь, остальные обидятся, что я не сказал и им.

— А старухе своей вы доверяете? — спросил матрос.

— Джентльмены удачи, — ответил повар, — редко доверяют друг другу. И правильно делают. Но меня провести нелегко. Кто попробует отпустить канат, чтобы старый Джон брякнулся, недолго проживёт на этом свете. Одни боялись Пью, другие — Флинта. А меня боялся сам Флинт. Боялся меня и гордился мной... Команда у него была отчаянная. Сам дьявол и тот не решился бы пуститься с нею в открытое море. Ты меня знаешь, я хва-

стать не стану, я добродушный и весёлый человек, но, когда я был квартирмейстером, старые пираты Флинта слушались меня, как овечки. Ого-го-го, какая дисциплина была на судне у старого Джона!

— Скажу вам по совести, — признался матрос, — до этого разговора, Джон, дело ваше было мне совсем не по вкусу. Но теперь вот моя рука, я согласен.

— Ты храбрый малый и очень неглуп, — ответил Сильвер и с таким жаром пожал протянутую руку, что бочка моя закачалась. — Из тебя получится такой отличный джентльмен удачи, какого я ещё никогда не видал!

Мало-помалу я начал понимать тот язык, на котором они говорили. «Джентльменами удачи» они называли пиратов. Я был свидетелем последней главы в истории о том, как соблазняли честного матроса вступить в эту разбойничью шайку — быть может, последнего честного матроса на всём корабле. Впрочем, я тотчас же убедился, что этот матрос не единственный. Сильвер тихонько свистнул, и к бочке подсел ещё кто-то.

— Дик уже наш, — сказал Сильвер.

— Я знал, что он будет нашим, — услышал я голос второго боцмана, Израэля Хендса. — Он не из дураков, этот Дик.

Некоторое время он молча жевал табак, потом сплюнул и обратился к Долговязому Джону:

— Скажи, Окорок, долго мы будем вилять, как маркитантская лодка? Клянусь громом, мне до смерти надоел капитан! Довольно ему мной командовать! Я хочу жить в капитанской каюте, мне нужны ихние разносолы и вина.

— Израэль, — сказал Сильвер, — твоя башка очень недорого стоит, потому что в ней никогда не бывало мозгов. Но слушать ты можешь, уши у тебя длинные. Так слушай: ты будешь спать по-прежнему в кубрике, ты будешь есть грубую пищу, ты будешь послушен, ты будешь учтив и ты не выпьешь ни капли вина до тех пор, по-

куда я не скажу тебе нужного слова. Во всём положись на меня, сынок.

— Разве я отказываюсь? — проворчал второй боцман. — Я только спрашиваю: когда?

— Когда? — закричал Сильвер. — Ладно, я скажу тебе когда. Как можно позже — вот когда! Капитан Смоллетт, первостепенный моряк, для нашей же выгоды ведёт наш корабль. У сквайра и доктора имеется карта, но разве я знаю, где они прячут её! И ты тоже не знаешь. Так вот, пускай сквайр и доктор найдут сокровища и помогут нам погрузить их на корабль. А тогда мы посмотрим. Если бы я был уверен в таком голландском отродье, как вы, я бы предоставил капитану Смоллетту довести нас назад до половины пути.

— Мы и сами неплохие моряки! — возразил Дик.

— Неплохие матросы, ты хочешь сказать, — поправил его Сильвер. — Мы умеем ворочать рулём. Но кто вычислит курс? На это никто из вас не способен, джентльмены. Была бы моя воля, я позволил бы капитану Смоллетту довести нас на обратном пути хотя бы до пассата. Тогда знал бы, по крайней мере, что плывёшь правильно и что не придётся выдавать пресную воду по ложечке в день. Но я знаю, что вы за народ. Придётся расправиться с ними на острове, чуть только они перетащат сокровище сюда, на корабль. А очень жаль! Но вам только бы поскорее добраться до выпивки. По правде сказать, у меня сердце болит, когда я думаю, что придётся возвращаться с такими людьми, как вы.

— Полегче, Долговязый! — крикнул Израэль. — Ведь с тобой никто не спорит.

— Разве мало я видел больших кораблей, которые погибли попусту? Разве мало я видел таких молодцов, которых повесили сушиться на солнышке? — воскликнул Сильвер. — А почему? А всё потому, что спешили, спешили, спешили... Послушайте меня: я поплавал по морю и кое-чего повидал в своей жизни. Если бы вы умели управлять кораблём и бороться с ветрами, вы все давно

катались бы в каретах. Но куда вам! Знаю я вашего брата. Налакаетесь рому — и на виселицу.

— Всем известно, Джон, что ты вроде капеллана[1], — возразил ему Израэль. — Но ведь были другие, которые не хуже тебя умели управлять кораблём. Они любили позабавиться. Но они не строили из себя командиров и сами кутили и другим не мешали.

— Да, — сказал Сильвер. — А где они теперь? Такой был Пью — и умер в нищете. И Флинт был такой — и умер от рома в Саванне. Да, это были приятные люди, весёлые... Только где они теперь, вот вопрос!

— Что мы сделаем с ними, — спросил Дик, — когда они попадут к нам в руки?

— Вот этот человек мне по вкусу! — с восхищением воскликнул повар. — Не о пустяках говорит, а о деле. Что же, по-твоему, с ними сделать? Высадить их на какой-нибудь пустынный берег? Так поступил бы Ингленд. Или зарезать их всех, как свиней? Так поступил бы Флинт или Билли Бонс.

— Да, у Билли была такая манера, — сказал Израэль. — «Мёртвые не кусаются», говаривал он. Теперь он сам мёртв и может проверить свою поговорку на опыте. Да, Билли был мастер на эти дела.

— Верно, — сказал Сильвер. — Билли был в этих делах молодец. Спуску не давал никому. Но я человек добродушный, я джентльмен; однако я вижу, что дело серьёзное. Долг прежде всего, ребята. И я голосую — убить. Я вовсе не желаю, чтобы ко мне, когда я стану членом парламента и буду разъезжать в золочёной карете, ввалился, как чёрт к монаху, один из этих тонконогих стрекулистов[2]. Надо ждать, пока плод созреет. Но когда он созреет, его надо сорвать!

— Джон, — воскликнул боцман, — ты герой!

— В этом ты убедишься на деле, Израэль, — сказал Сильвер. — Я требую только одного: уступите мне сквайра Трелони. Я хочу собственными руками отрубить его

[1] *Капелла́н* — священник в армии.

[2] *Стрекули́ст* — ловкач, пронырливый человек.

телячью голову... Дик, — прибавил он вдруг, — будь добр, прыгни в бочку и достань мне, пожалуйста, яблоко — у меня вроде как бы горло пересохло.

Можете себе представить мой ужас! Я бы выскочил и бросился бежать, если бы у меня хватило сил, но сердце моё и ноги и руки сразу отказались мне служить. Дик уже встал было на ноги, как вдруг его остановил голос Хендса:

— И что тебе за охота сосать эту гниль, Джон! Дай-ка нам лучше рому.

— Дик, — сказал Сильвер, — я доверяю тебе. Там у меня припрятан бочонок. Вот тебе ключ. Нацеди чашку и принеси.

Несмотря на весь мой страх, я всё же в ту минуту подумал: «Так вот откуда мистер Эрроу доставал ром, погубивший его!»

Как только Дик отошёл, Израэль начал шептать что-то повару на ухо. Я расслышал всего два-три слова, но и этого было достаточно.

— Никто из остальных не соглашается, — прошептал Израэль.

Значит, на корабле оставались ещё верные люди!

Когда Дик возвратился, все трое по очереди взяли кувшин и выпили — один «за счастье», другой «за старика Флинта», а Сильвер даже пропел:

За ветер добычи, за ветер удачи!
Чтоб зажили мы веселей и богаче!

В бочке стало светло. Взглянув вверх, я увидел, что поднялся месяц, посеребрив крюйс-марс[1] и вздувшийся фок-зейл[2]. И в то же мгновение с вахты раздался голос:

— Земля!

Размышляем о прочитанном

1. Что узнал Джим о составе корабельной команды «Эспаньолы»? Каковы были планы кока Сильвера, боцмана Хендса и их сообщников?

[1] *Крюйс-марс* — наблюдательная площадка на кормовой мачте корабля.

[2] *Фок-зейл* — нижний прямой парус фок-мачты (первой мачты корабля).

2. Какую характеристику «джентльменам удачи» даёт Сильвер? Почему он заявляет сообщникам: «...у меня сердце болит, когда я думаю, что придётся возвращаться с такими людьми, как вы»?
3. Как вы думаете, с какой целью писатель ввёл в повествование эпизод с просьбой Сильвера дать ему яблоко? Какие чувства пережил в этот момент Джим?

В романе есть несколько глав, в которых повествование ведёт доктор Ливси. Здесь другие герои, другая речь, другие отношения.

Глава 18

Доктор продолжает свой рассказ. Конец первого дня сражения

Мы во весь дух бежали через лес, отделявший нас от частокола, и с каждым мгновением всё ближе и ближе раздавались голоса пиратов. Скоро мы услышали топот их ног и треск сучьев. Они пробирались сквозь чащу. Я понял, что нам предстоит нешуточная схватка, и осмотрел свое ружьё.

— Капитан, — сказал я, — Трелони бьёт без промаха, но ружьё его хлебнуло воды. Уступите ему своё.

Они поменялись ружьями, и Трелони, по-прежнему молчаливый и хладнокровный, на мгновение остановился, чтобы проверить заряд. Тут только я заметил, что Грей безоружен, и отдал ему свой кортик. Мы обрадовались, когда он поплевал на руки, нахмурил брови и замахал кортиком с такой силой, что лезвие со свистом рассекало воздух. И каждый взмах кортика был доказательством, что наш новый союзник будет драться до последней капли крови.

Пробежав ещё шагов сорок, мы выбрались на опушку леса и оказались перед частоколом. Мы подошли как раз к середине его южной стороны. А в это самое время семеро разбойников с боцманом Джобом Эндерсоном во главе, громко крича, выскочили из лесу у юго-западного угла частокола.

Они остановились в замешательстве. Мы со сквайром выстрелили, не дав им опомниться. Хантер и Джойс, сидевшие в укреплении, выстрелили тоже. Четыре выстрела грянули разом и не пропали даром: один из врагов упал, остальные поспешно скрылись за деревьями.

Снова зарядив ружья, мы прокрались вдоль частокола посмотреть на упавшего врага.

Он был убит наповал, пуля попала прямо в сердце.

Успех обрадовал нас. Но вдруг в кустах щёлкнул пистолет, у меня над ухом просвистела пуля, и бедняга Том Редрут пошатнулся и во весь рост грохнулся на землю. Мы со сквайром выстрелили в кусты. Но стрелять пришлось наудачу, и, вероятно, заряды наши пропали даром. Снова зарядив ружья, мы кинулись к бедному Тому.

Капитан и Грей уже осматривали его. Я глянул только краем глаза и сразу увидел, что дело безнадёжно.

Вероятно, наши выстрелы заставили пиратов отступить, так как нам удалось без всякой помехи перетащить несчастного егеря через частокол и внести под крышу блокгауза, в сруб.

Бедный старый товарищ! Он ничему не удивлялся, ни на что не жаловался, ничего не боялся и даже ни на что не ворчал с самого начала наших приключений до этого дня, когда мы положили его в сруб умирать. Он, как троянец, геройски охранял коридор на корабле. Все приказания он исполнял молчаливо, покорно и добросовестно. Он был старше нас всех лет на двадцать. И вот этот угрюмый старый, верный слуга умирал на наших глазах.

Сквайр бросился перед ним на колени, целовал ему руки и плакал, как малый ребёнок.

— Я умираю, доктор? — спросил тот.

— Да, друг мой, — сказал я.

— Хотелось бы мне перед смертью послать им ещё одну пулю.

— Том, — сказал сквайр, — скажи мне, что ты прощаешь меня.

«Остров сокровищ».
Худ. И. Ильинский

— Прилично ли мне, сэр, прощать или не прощать своего господина? — спросил старый слуга. — Будь что будет. Аминь!

Он замолчал, потом попросил, чтобы кто-нибудь прочёл над ним молитву.

— Таков уж обычай, сэр, — прибавил он, словно извиняясь, и вскоре после этого умер.

Тем временем капитан — я видел, что у него как-то странно вздулась грудь и карманы были оттопырены, — вытащил оттуда самые разнообразные вещи: британский флаг, Библию, клубок верёвок, перо, чернила, судовой журнал и несколько фунтов табаку. Он отыскал длинный обструганный сосновый шест и с помощью Хантера укрепил его над срубом, на углу. Затем, взобравшись на крышу, он прицепил к шесту и поднял британский флаг.

Это, по-видимому, доставило ему большое удовольствие. Потом он спустился и начал перебирать и пересчитывать запасы, словно ничего другого не было на свете. Но изредка он всё же поглядывал на Тома. А когда Том умер, он достал другой флаг и накрыл им покойника.

— Не огорчайтесь так сильно, сэр, — сказал капитан, пожимая руку сквайру. — Он умер, исполняя свой долг. Нечего бояться за судьбу человека, убитого при исполнении обязанностей перед капитаном и хозяином. Я не силён в богословии, но это дела не меняет.

Затем отвёл меня в сторону.

— Доктор Ливси, — спросил он, — через сколько недель вы со сквайром ожидаете прибытия корабля, который пошлют нам на помощь?

Я ответил, что это дело затяжное. Потребуются не недели, а месяцы. Если мы не вернёмся к концу августа, Блендли вышлет нам на помощь корабль, не позже и не раньше.

— Вот и высчитайте, когда этот корабль будет здесь, — закончил я.

— Ну, сэр, — сказал капитан, почёсывая затылок, — в таком случае нам, даже если очень повезёт, придётся туговато.

— Почему? — спросил я.

— Очень жаль, сэр, что весь груз, который мы везли во второй раз, погиб, вот почему, — ответил капитан. — Пороха и пуль у нас достаточно, но провизии мало. Очень мало! Пожалуй, не приходится жалеть, что мы избавились от лишнего рта.

И он указал на покрытого флагом покойника.

В это мгновение высоко над крышей сруба с рёвом и свистом пролетело ядро. Оно упало где-то далеко за нами, в лесу.

— Ого! — сказал капитан. — Бомбардировка! А ведь пороха у них не так-то много.

Второй прицел был взят удачнее. Ядро перелетело через частокол и упало перед срубом, подняв целую тучу песка.

— Капитан, — сказал сквайр, — сруб с корабля не виден. Они, должно быть, целятся в наш флаг. Не лучше ли спустить его?

— Спустить флаг? — возмутился капитан. — Нет, сэр. Пусть его спускает кто угодно, но только не я.

И мы сразу же с ним согласились.

Гордый морской обычай не позволяет спускать флаг во время битвы. И, кроме того, это была хорошая политика — мы хотели доказать врагам, что нам вовсе не страшна их пальба.

Они обстреливали нас из пушки весь вечер. Одно ядро проносилось у нас над головами, другое падало перед частоколом, третье взрывало песок возле самого сруба. Но пиратам приходилось брать высокий прицел: ядра теряли силу и зарывались в песок. Рикошета мы не боялись. И хотя одно ядро пробило у нас крышу и пол, мы скоро привыкли к обстрелу и относились к нему равнодушно, как к трескотне сверчка.

— Есть в этом и хорошая сторона, — заметил капитан. — В лесу поблизости от нас, должно быть, нет пиратов. Отлив усилился, и наши припасы, наверно, показались из-под воды. Эй, не найдутся ли охотники сбегать за утонувшей свининой?

Грей и Хантер вызвались прежде всех. Хорошо вооружённые, они перелезли через частокол. Но свинина досталась не им. Пираты были храбрее, чем мы ожидали. А может быть, они вполне полагались на пушку Израэля Хендса.

Пятеро разбойников усердно вылавливали припасы из нашего затонувшего ялика и перетаскивали их в стоявшую неподалёку шлюпку. Сидевшим в шлюпке приходилось всё время грести, потому что течение относило их в сторону. Сильвер стоял на корме и распоряжался. Они все до одного были вооружены мушкетами, добытыми, вероятно, из какого-то их тайного склада.

Капитан сел на бревно и стал записывать в судовой журнал: «Александр Смоллетт — капитан, Дэвид Ливси — судовой врач, Абрахам Грей — помощник плотника, Джон Трелони — владелец шхуны, Джон Хантер и Ричард Джойс — слуги и земляки владельца шхуны, — вот и все, кто остался верен своему долгу. Взяв с собой припасы, которых хватит не больше чем на десять дней, они сегодня высадились на берег и подняли британский флаг над блокгаузом на Острове Сокровищ. Том Редрут, слуга и земляк владельца шхуны, убит разбойниками. Джеймс Хокинс, юнга...»

Я задумался над судьбой бедного Джима Хокинса.

И вдруг в лесу раздался чей-то крик.

— Нас кто-то окликает, — сказал Хантер, стоявший на часах.

— Доктор! Сквайр! Капитан! Эй, Хантер, это ты? — услышали мы чей-то голос.

Я бросился к дверям и увидел Джима Хокинса. Целый и невредимый, он перелезал через наш частокол.

Приключенческие повести и романы — это литературные произведения, в которых герой оказывается в центре быстро развивающихся событий, нередко они носят угрожающий характер, герою приходится проявлять смелость, находчивость, мудрость, чтобы преодолеть сложные ситуации. Часто действия приключенческих произведений разворачиваются в экзотических странах, на необитаемых островах. К таким произведениям можно отнести и прочитанный вами «Остров сокровищ» Стивенсона, и «Похитителей бриллиантов» Луи Буссенара, и «Одиссею капитана Блада» Рафаэля Сабатини. А иногда авторы создают атмосферу приключений, необычности, таинственности с помощью приёма переноса действия в иную историческую эпоху. Поэтому в приключенческой литературе так много книг исторических. Образцом исторического приключенческого романа по праву считается «Князь Серебряный» русского писателя Алексея Константиновича Толстого. В качестве примеров также можно назвать произведения английского писателя Вальтера Скотта («Айвенго», «Квентин Дорвард»), французского романиста и драматурга Александра Дюма («Три мушкетёра», «Графиня де Монсоро», «Виконт де Бражелон»).

Размышляем о прочитанном

1. Глава начинается с рассказа о том, как члены команды капитана Смоллетта обмениваются оружием, чтобы быть готовыми к сражению с пиратами. Как вы думаете, была бы возможной такая сцена у «джентльменов удачи»? Аргументируйте свой ответ.

2. «Мы кинулись к бедному Тому», «Бедный старый товарищ!» — это слова доктора о погибшем слуге Томе. Сравните их с характеристиками пиратов, данными Сильвером. Насколько речь, поступки, отношения в стане пиратов и команде капитана Смоллетта различаются? Свой ответ подкрепите цитатами из текста романа.

3. «„Спустить флаг? — возмутился капитан. — Нет, сэр. Пусть его спускает кто угодно, только не я“. И мы сразу с ним согласились». Как эти слова характеризуют героев романа? Подготовьте развёрнутый ответ на этот вопрос.

Творческие задания

Прочитайте роман полностью, после этого посмотрите художественный или мультипликационный фильм, созданный по роману Р. Л. Стивенсона.

Напишите отзыв. Что вам показалось в фильме наиболее удачным? Что вы сделали бы иначе на месте его авторов? Почему?

Обогащаем свою речь

Пользуясь ресурсами Интернета, составьте толковый словарик морских терминов, встретившихся в прочитанном тексте: *кок, иллюминатор, каюта, кубрик, пассат, кортик, ялик, шхуна, юнга.*

Внеклассное чтение

В литературном наследии Стивенсона есть историческая приключенческая повесть. Называется она «Чёрная стрела». Рекомендуем прочитать её самостоятельно.

ЗАРУБЕЖНАЯ ПРОЗА О ЖИВОТНЫХ

Эрнест СЕТОН-ТОМПСОН

1860—1946

Сетон-Томпсон родился в Англии, но когда он был ещё ребёнком, семья переехала в Канаду. Некоторое время он жил и в Соединённых Штатах Америки. Все три страны имеют основания считать его своим писателем. Впрочем, не только писателем. Сетон-Томпсон был талантливым художником, серьёзным учёным. Но все грани таланта этого удивительного человека были связаны с проявившимся ещё в детстве неослабевающим интересом к жизни животных. Показательно, что первое живописное полотно юного художника, представленное на выставке в Париже и получившее первый приз, называлось «Спящий волк». А в научном мире он стал известен исследованиями «Птицы Манитобы», «Млекопитающие Манитобы», «Арктические прерии», большим восьмитомным трудом «Жизнь диких зверей».

Самая популярная книга Эрнеста Сетона-Томпсона в нашей стране — «Рассказы о животных». Главные герои этих произведений — звери и птицы. Писатель рассказывает о животных как о своих добрых знакомых, близких друзьях. Не случайно в названия своих произведений он выносит их имена: бультерьер Снап, кролик Джек — Боевой Конёк, ворона Серебряное Пятнышко, медвежонок Джонни, лис Домино. Автор рассказывает о том, чем ему дороги его герои, почему он ими восхищается. Рассказывает так, что все эти замечательные птицы и

звери становятся близкими друзьями и для читателей. Птицы, собаки, медведи, о которых он пишет, не просто персонажи, а в полном смысле этого слова герои. Не случайно одна из книг писателя так и называется — «Животные-герои».

Об одном из таких героев — почтовом голубе — вы узнаете, прочитав рассказ Эрнеста Сетона-Томпсона «Арно».

Арно

(*в сокращении*)

1

Через боковую дверь мы вошли в конюшню. Слабый запах чисто содержимых денников[1] терялся в нежном аромате сена. Поднявшись по лестнице, мы очутились на длинном чердаке. Южный конец его был отгорожен, и знакомое «ку-у-у, ку-у-у, рук-эт-э-ку», смешанное с «уирр, уирр, уирр» крыльев, дало нам знать, что мы находимся на голубятне. В этой голубятне жили знаменитые птицы, и на этот самый день было назначено состязание между пятьюдесятью молодыми голубями. Хозяин голубятни пригласил меня быть судьёй в этом состязании. Для тренировки голубей необходимо устраивать гонки. Раза два уже их относили вместе с родителями в поле и выпускали на свободу, чтобы они научились возвращаться в голубятню. Теперь им предстоял первый самостоятельный полёт, без старших. Выпустить их решено было в деревню Элизабет. Меня удивило, что молодых голубей с самого начала заставляют пролететь такое большое расстояние.

— Дело в том, — заметил тренер, — что таким способом мы избавляемся от дурачков. Возвращаются только самые лучшие, а они-то нам и нужны.

Все служащие голубятни и многие соседи-любители держали пари на разных голубей. Они установили между собой приз для победителя. Мне, как судье, предстояло

[1] *Денни́к* — стойло для лошади в конюшне.

определить, который из голубей окажется победителем. Выигравшим должен был считаться не тот, кто вернётся первым, но тот, кто первым войдёт в голубятню, потому что голубь, возвращающийся только по соседству от своего жилья, но не являющийся немедленно домой, плохой письмоносец. Голубь, всегда и отовсюду возвращающийся домой, зовётся возвратным голубем. Эти голуби не отличаются особой окраской и лишены причудливых украшений, годных для птичьих выставок. Их разводят не напоказ, а потому, что они быстрокрылы и умны. От них требуется привязанность к родным местам и способность без промаха отыскивать их. Теперь доискались, что чувство направления помещается в костяных извилинах уха. Нет на свете существа, обладающего более тонким чувством направления, чем исправный возвратный голубь. Такого голубя всегда можно узнать по большим выпуклостям над ушами, по мощным крыльям.

И вот предстояло подвергнуть испытанию способности последнего голубиного выводка. Несмотря на множество свидетелей, я счёл более надёжным запереть все дверцы голубятни, за исключением одной, и стать наготове, чтобы тотчас захлопнуть её, как только первый голубь влетит в голубятню. Никогда не забуду, что я пережил в этот день. Меня предупредили, что голубей спускают в двенадцать часов. В половине первого им следует быть здесь, но надо держать ухо востро — они прилетают, как вихрь. Едва успеешь их заметить, как они уже влетят в голубятню. Мы выстроились у стенки внутри голубятни, и каждый припал глазом к щели или неплотно закрытой дверце, жадно всматриваясь в юго-западный горизонт, как вдруг кто-то крикнул:

— Смотрите, вот они!

Белое облако низко пронеслось над городскими крышами, обогнуло высокую трубу, и не прошло двух секунд, как голуби уже были на месте. Появление белого облачка, шелест крыльев — всё это было так внезапно, так быстро, что как я ни готовился, а был застигнут врасплох. Моё

место было у единственной открытой дверцы. Синяя стрелка просвистела мимо меня, задела мне лицо крыльями, и я едва успел спустить дверцу, как поднялся вопль:

— Арно! Арно! Говорил я вам, что он победит! Ох ты, прелесть моя! Всего три месяца — и уже приз! Радость ты моя!

И владелец Арно прыгал, больше радуясь птице, нежели выигранной премии. Все присели на корточки вокруг голубя, созерцая с благоговением победителя, сперва поглотившего огромное количество воды, а потом спустившегося к кормушке.

— Смотрите на этот глаз, на эти крылья! А видали вы когда-нибудь такую грудь? О, да он молодец, хоть куда! — болтал его владелец, обращаясь к безмолвным хозяевам-неудачникам.

Это был первый подвиг Арно. Он оказался лучшим из пятидесяти голубей хорошего завода, и ему предстояла блестящая карьера. Он получил серебряное кольцо, которым награждают лучших голубей. На кольце красовался его номер: 2590 С — номер, о котором и поныне любители говорят с благоговением.

Всего в голубятню возвратилось сорок голубей. Так бывает почти всегда. Некоторые ослабели и отстали, другие сбились с пути по глупости. Этим простым способом отбора владельцы голубей достигают усовершенствования своей породы. Из десяти пятеро пропали без вести, другие пятеро вернулись позднее в тот же день, не сразу, а один за другим. Последним из них явился большой, неповоротливый сизый голубь. Работник голубятни заметил его и сказал:

— Вот он, тот безмозглый сизый, на которого ставил Джек. Не думал я, что он вернётся. Слишком уж у него большой зоб.

Большой Сизый, прозванный также Угловым, потому что он родился в угловом гнезде, отличался с самых первых дней замечательной силой. Несмотря на то что все голуби были приблизительно одного возраста, он скоро

перерос своих ровесников и был красивее всех. Но знатоки мало ценят красоту голубей. Он, видимо, гордился своим превосходством и смолоду любил обижать слабых. Его хозяин предсказывал ему великую будущность, но конюх Билли не доверял его длинной шее, большому зобу, неповоротливости и излишнему весу.

— Разве птица может хорошо летать с таким пузырём на шее? Да и длинные ноги только весу прибавляют, — пренебрежительно ворчал Билли, подметая по утрам голубятню.

2

После первого полёта испытания стали проводиться ежедневно в определённое время. Расстояние с каждым днём увеличивалось на двадцать пять — тридцать миль, и направление менялось до тех пор, пока голуби не ознакомились со всеми окрестностями Нью-Йорка на полтораста миль вокруг. Из пятидесяти птиц осталось всего двадцать, потому что суровое воспитание не только отбрасывает слабых и неспособных, но ещё и тех, кто случайно заболел, или попал в беду, или слишком сытно наелся перед гонками. На голубятне было много красивых птиц, грудастых, ясноглазых и длиннокрылых, созданных для того, чтобы служить человеку в минуту серьёзной нужды. Окраска их была преимущественно белая, сизая или коричневая. У них не было определённой масти, но у каждого из оставшихся избранников были блестящие глаза и выпуклые уши высшей возвратной породы.

И лучшим из всех, почти всегда первым в полёте, был маленький Арно. Сидя дома, он мало отличался от других, потому что теперь уже все голуби щеголяли серебряными кольцами. Но в воздухе он тотчас давал о себе знать. Как только открывали корзинки, Арно первый взлетал, поднимался на необходимую высоту, угадывал путь к дому и безошибочно мчался, не останавливаясь ни для еды, ни для питья, ни для развлечения.

Несмотря на мрачные предсказания Билли, Большой Сизый из углового гнезда оказался одним из двадцати из-

бранников. Он частенько запаздывал в пути и никогда не возвращался первым. А иной раз, возвратившись на несколько часов позднее остальных, не выказывал ни голода, ни жажды — явный признак, что он как следует наелся. Но всякий раз он возвращался, и на лапке его, как и у всех остальных, виднелось серебряное кольцо с номером. Билли презирал Сизого, но хозяин его говаривал:

— Дай срок. Кто скоро созревает, тот скоро и увядает. Я всегда подмечал, что лучшая птица позднее всех даёт себя знать.

Ещё не прошло года, как маленький Арно побил славный рекорд. Труднее всего перелететь через море, где нет возможности узнать дорогу по каким-нибудь приметам. А ещё того хуже, если приходится лететь в тумане, когда даже солнца не видно. Но когда память, слух и зрение бессильны, у голубя всё же остаётся врождённое чувство направления. Только страх может уничтожить это чувство. Вот почему необходимо, чтобы между мощными крыльями помещалось мужественное сердечко.

Арно с двумя из своих товарищей был сдан на океанский пароход, шедший в Европу. Их намеревались выпустить при выходе в открытое море, но внезапный густой туман спутал все планы. Пароход увёз их с собой дальше. Голубей собирались отправить обратно с первым встречным судном. После десяти часов пути судовая машина испортилась, туман сгустился, и пароход оказался беспомощным и брошенным на произвол стихий. Единственное, что можно было делать, — это гудком подавать сигнал бедствия. Но и это не помогло. Тогда-то вспомнили о голубях. Выбор пал на Старбека, 2592 С. Написали записку, обернули непромокаемой бумажкой, свернули в трубочку и привязали снизу к перьям хвоста. Старбек взвился в воздух и исчез. Полчаса спустя снарядили Большого Сизого из углового гнезда 2600 С. Этот также поднялся в воздух, но почти сейчас же вернулся и опустился на снасти. Он съёжился от страха. Никак нельзя было заставить его покинуть судно. Он до такой степени

«Арно». *Худ. О. Воронова*

был испуган, что дал беспрепятственно себя изловить и постыдно всунуть в клетку.

Достали теперь третьего — маленького, коренастого голубка. Моряки не имели о нём представления, но отметили имя и номер на его кольце: Арно, 2590 С. Для них эта надпись ничего не означала. Однако державший его моряк заметил, что сердце его не так сильно колотится, как у предыдущего гонца.

Его снабдили запиской, снятой с Большого Сизого. Вот эта записка: «10 часов утра, вторник. Машина испортилась в 210 милях[1] от Нью-Йорка. Беспомощно блуждаем в тумане. Пришлите буксирное судно как можно скорее. Через каждые шесть — десять секунд даём один длинный свисток, за ним один короткий. Капитан».

[1] *Ми́ля* — путевая мера длины, различная в разных странах. Морская миля — 1852 или 1853 м, сухопутная миля — 1609 м.

Письмо было свёрнуто в трубочку, обёрнуто непромокаемой бумагой, адресовано Пароходному обществу и прикреплено к нижней стороне перьев хвоста.

Голубь, едва его отпустили, описал круг над судном, затем другой, повыше, снова выше, пока не скрылся из виду. Он мчался всё выше и выше до тех пор, пока сам не перестал видеть судно. Лишённый возможности пользоваться всеми своими чувствами, кроме одного чувства направления, он всецело предался ему. Голубок не испытывал страха. Безошибочно, как игла компаса, Арно двинулся к цели без колебаний, без сомнений. Спустя минуту после освобождения из клетки он уже нёсся — прямой, как луч света, — к взрастившей его голубятне, единственному месту, где он чувствовал себя дома.

В этот день на голубятне дежурил Билли. Вдруг послышался шелест быстрых крыльев: в голубятню скользнул синий луч и бросился к корытцу с водой.

Голубь тянул уже один глоток за другим, когда Билли вдруг спохватился:

— Да это ты, Арно, красавец мой!

Затем привычным движением голубиного тренера он достал часы и отметил время: 2 часа 40 минут. В то же мгновение он заметил нитку на хвосте.

Билли притворил дверцу и быстро опустил сетку на голову Арно. Через минуту он держал в руке записку, а две минуты спустя торопился уже к конторе общества, предвкушая щедрую награду. Здесь он узнал, что Арно проделал 210 миль над морем, в тумане, за четыре часа сорок минут, и не прошло часа, как на выручку злополучного парохода было отряжено спасательное судно.

Двести десять миль над морем, в тумане, за четыре часа сорок минут! Славный это был рекорд! Его занесли, как подобало, в списки Голубиного клуба. Арно держали на руках, а секретарь, вооружившись резиновой печаткой и несмываемыми чернилами, отметил на одном из белоснежных перьев крыла подвиг и день, когда этот подвиг был совершён.

Старбек, второй голубь, так и не вернулся. Без сомнения, он погиб в море. Сизого из углового гнезда привезли на буксирном судне. <...>

Размышляем о прочитанном

1. Какое впечатление произвёл на вас рассказ Сетона-Томпсона? Как вы думаете, почему писатель решил рассказать о почтовом голубе Арно?
2. Каких голубей называют возвратными? Какими качествами должен обладать возвратный голубь?
3. Расскажите о первом состязании Арно. Рассказывая, постарайтесь передать эмоциональное состояние хозяина птицы-победителя.
4. Почему конюх Билли скептически относился к Большому Сизому?
5. Как вы считаете, почему писатель, рассказывая о своём герое Арно, счёл необходимым рассказать и о Большом Сизом?
6. Почему наиболее сложными для почтовых голубей были перелёты над морем?
7. Автор сравнивает Арно со стрелкой компаса и лучом света. Как эти сравнения характеризуют почтового голубя?

Творческое задание

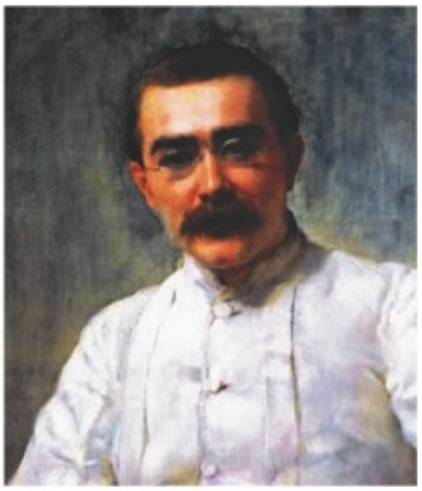
В наше время существует система скоростной электронной связи (электронная почта, мобильные телефоны), но почему и сейчас взрослые и дети во всём мире с интересом читают рассказ Э. Сетона-Томпсона «Арно» о почтовом голубе? Подготовьте развёрнутый устный ответ на этот вопрос.

Проект

Представьте, что вам предложили создать книгу рассказов о животных в серии «Школьная библиотека». Создание книги начинается с подготовки её проспекта (проекта). Подготовьте проспект книги, в который войдут содержание — перечень названий рассказов с указанием их авторов — и аннотация — небольшая статья о теме, которой посвящена книга, о том, каким школьникам она будет адресована (по возрасту, увлечениям), чем эта книга будет интересна читателю.

Портрет Р. Киплинга.
Худ. Д. Кольер

Редьярд КИПЛИНГ

1865—1936

Вы знаете, почему у слона вместо носа длинный хобот, а у верблюда на спине горб, а у некоторых даже два? Ну конечно же знаете, если вы читали сказки английского писателя Редьярда Киплинга. Ну а если не читали, то непременно прочитайте, и вы узнаете ещё много интересного: «Откуда взялись Броненосцы», «Как Леопард стал пятнистым», «Откуда у носорога шкура» и «Как было написано первое письмо».

Редьярд Киплинг — известный английский писатель. Он родился в Индии, в городе Бомбее. Сейчас этот город называется Мумбаи. Индия тогда была страной, зависимой от Англии. Отец писателя был искусствоведом, музейным работником. Когда пришла пора поступать в школу, Редьярда отправили в Англию. Но после окончания школы он по настоянию отца вновь вернулся в Индию. Работал журналистом в газетах. Одновременно с газетными статьями, репортажами, обзорами и заметками он писал стихи, рассказы, сказки. Произведения Киплинга с интересом читали и взрослые, и дети. В 1907 году Киплингу была присуждена престижная литературная премия — Нобелевская.

Самая известная книга Редьярда Киплинга, пользующаяся популярностью у детей разных стран, — книга о Маугли, мальчике, который вырос в семье волков в диких джунглях. Писатель создал запоминающиеся образы животных — друзей, наставников, защитников Маугли: вожака волчьей стаи Акелы, пантеры Багиры, медведя Балу.

В учебнике вы прочитаете сказку Киплинга «Рикки-Тикки-Тави». В ней рассказывается о смелом мангусте, который с помощью своих друзей спас жизнь Большому Человеку, хозяину дома, в котором оказался зверёк, и членам его семьи.

Рикки-Тикки-Тави

(*в сокращении*)

Это рассказ о великой войне, которую вёл в одиночку Рикки-Тикки-Тави в ванной большого дома в посёлке Сигаули.

Дарзи, птица-портной, помогала ему, и Чучундра, мускусная крыса[1] — та, что никогда не выбежит на середину комнаты, а всё крадётся у самой стены, — давала ему советы. Но по-настоящему воевал он один.

Рикки-Тики-Тави был мангуст[2]. И хвост, и мех были у него, как у маленькой кошки, а голова и все повадки — как у ласочки. Глаза у него были розовые, и кончик его беспокойного носа тоже был розовый. Рикки мог почесаться, где вздумается, всё равно какой лапкой: передней ли, задней ли. И так умел он распушить свой хвост, что хвост делался похожим на круглую длинную щётку. И его боевой клич, когда он мчался в высоких травах, был рикки-тикки-тикки-тикки-чк!

Он жил с отцом и матерью в узкой ложбине. Но однажды летом произошло наводнение, и вода понесла его вдоль придорожного рва. Он брыкался и барахтался, как мог. Наконец ему удалось ухватиться за плывущий пучок травы, и так он держался, пока не лишился сознания. Очнулся он на горячем припёке в саду, посередине дорожки, истерзанный и грязный, а какой-то мальчик в это время сказал:

— Мёртвый мангуст! Давай устроим похороны!

— Нет, — сказала мальчику мать, — возьмём-ка его и обсушим. Может быть, он ещё живой.

Они внесли его в дом, и какой-то большой человек взял его двумя пальцами и сказал, что он вовсе не мёртвый, а только захлебнулся в воде. Тогда его завернули в вату и стали обогревать у огня. Он открыл глаза и чихнул.

---

[1] *Му́скусная кры́са* — ондатра, водится главным образом в Северной Америке.

[2] *Мангу́ст* — небольшое хищное животное с вытянутым гибким телом и короткими ногами, водится в тропических странах.

— А теперь, — сказал Большой Человек, — не пугайте его, и мы поглядим, что он станет делать.

Нет на свете ничего труднее, как испугать мангуста, потому что он от носа до хвоста весь горит любопытством. «Беги Разузнай и Разнюхай» — начертано на семейном гербе у мангустов, а Рикки-Тикки был чистокровный мангуст: он всмотрелся в вату, сообразил, что она не годна для еды, обежал вокруг стола, сел на задние лапки, привёл свою шёрстку в порядок и вскочил мальчику на плечо.

— Не бойся, Тедди, — сказал Большой Человек. — Это он хочет с тобой подружиться.

— Ай, он щекочет мне шею! — вскрикнул Тедди.

Рикки-Тикки заглянул ему за воротник, понюхал ухо и, спустившись на пол, начал тереть себе нос.

— Вот чудеса! — сказала Теддина мать. — И это называется дикий зверёк! Верно, он оттого такой ручной, что мы были добры к нему.

— Мангусты все такие, — сказал её муж. — Если Тедди не станет поднимать его с пола за хвост и не вздумает сажать его в клетку, он поселится у нас и будет бегать по всему дому... Дадим ему чего-нибудь поесть.

Ему дали маленький кусочек сырого мяса. Мясо ему страшно понравилось. После завтрака он сейчас же побежал на веранду, присел на солнышке и распушил свою шёрстку, чтобы высушить её до самых корней. И тотчас же ему стало лучше.

«В этом доме есть немало такого, что я должен разведать как можно скорее. Моим родителям за всю свою жизнь не случалось разведать столько. Останусь тут и разведаю всё как есть».

Весь этот день он только и делал, что рыскал по всему дому. Он чуть не утонул в ванне, он сунулся носом в чернила и тотчас же после этого обжёг себе нос о сигару, которую курил Большой Человек, потому что взобрался к Большому Человеку на колени посмотреть, как пишут пером на бумаге. Вечером он прибежал в Теддину

спальню, чтобы проследить, как зажигаются керосиновые лампы. А когда Тедди улёгся в постель, Рикки-Тикки прикорнул возле него, но оказался беспокойным соседом, потому что при всяком шорохе вскакивал и настораживался и бежал разузнавать, в чём дело. Отец с матерью зашли перед сном проведать своего спящего сына и увидели, что Рикки-Тикки не спит, а сидит у него на подушке.

— Не нравится мне это, — сказала Теддина мать. — Что, если он укусит ребёнка?

— Не бойся, — сказал отец. — Эта зверюшка защитит его лучше всякой собаки. Если, например, вползёт змея...

Но Теддина мать и думать не хотела о таких ужасах. К утреннему завтраку Рикки въехал на веранду верхом на Теддином плече. Ему дали банан и кусочек яйца. Он перебывал на коленях у всех, потому что хороший мангуст никогда не теряет надежды сделаться домашним мангустом. Каждый из них с детства мечтает о том, что он будет жить в человечьем доме и бегать из комнаты в комнату.

После завтрака Рикки-Тикки выбежал в сад — поглядеть, нет ли там чего замечательного. Сад был большой, лишь наполовину расчищенный. Розы росли в нём огромные — каждый куст, как беседка, — и бамбуковые рощи, и апельсиновые деревья, и лимонные, и густые заросли высокой травы. Рикки-Тикки даже облизнулся.

— Неплохое место для охоты! — сказал он.

И чуть только подумал об охоте, хвост у него раздулся, как круглая щётка. Он быстро обежал всю окрестность, нюхнул здесь, нюхнул там, и вдруг до него донеслись из терновника чьи-то печальные голоса. Там, в терновнике, жили Дарзи, птица-портной и его жена. У них было красивое гнездо: они сшили его из двух большущих листьев тонкими волокнистыми прутиками и набили мягким пухом и хлопком. Гнездо качалось во все стороны, а они сидели на краю и громко плакали.

— Что случилось? — спросил Рикки-Тикки.

— Большое несчастье! — ответил Дарзи. — Один из наших птенчиков вывалился вчера из гнезда, и Наг проглотил его.

— Гм, — сказал Рикки-Тикки, — это очень печально... Но я тут недавно... Я нездешний... Кто такой Наг?

Дарзи и его жена юркнули в гнездо и ничего не ответили, потому что из густой травы, из-под куста, послышалось негромкое шипение — страшный, холодный звук, который заставил Рикки-Тикки отскочить назад на целых два фута. Потом из травы всё выше и выше, вершок за вершком, стала подниматься голова Нага, огромной чёрной кобры[1], — и был этот Наг пяти футов длины от головы до хвоста.

Когда треть его туловища поднялась над землёй, он остановился и начал качаться, как одуванчик под ветром, и глянул на Рикки-Тикки своими злыми змеиными глазками, которые остаются всегда одинаковые, о чём бы ни думал Наг.

— Ты спрашиваешь, кто такой Наг? Смотри на меня и дрожи! Потому что Наг — это я...

И он раздул свой капюшон[2], и Рикки-Тикки увидел на капюшоне очковую метку, точь-в-точь как стальная петля от стального крючка.

Рикки стало страшно — на минуту. Дольше одной минуты мангусты вообще никого не боятся, и хотя Рикки-Тикки никогда не видал живой кобры, так как мать кормила его мёртвыми, он хорошо понимал, что мангусты для того и существуют на свете, чтобы сражаться со змеями, побеждать их и есть. Это было известно и Нагу, и потому в глубине его холодного сердца был страх.

— Ну так что! — сказал Рикки-Тикки, и хвост у него стал раздуваться опять. — Ты думаешь, если у тебя узор

[1] *Ко́бра* — ядовитая очковая змея; сзади, чуть пониже головы, у неё узор, похожий на очки.

[2] Когда кобра сердита, она раздувает шею так, что получается подобие капюшона.

на спине, так ты имеешь право глотать птенчиков, которые выпадут из гнезда?

Наг думал в это время о другом и зорко вглядывался, не шевелится ли трава за спиной у Рикки. Он знал, что если в саду появились мангусты, значит, и ему, и всему змеиному роду скоро придёт конец. Но теперь ему было нужно усыпить внимание врага. Поэтому он чуть-чуть нагнул голову и, склонив её набок, сказал:

— Давай поговорим. Ведь птичьи яйца ты ешь, не правда ли? Почему бы мне не лакомиться птичками?

— Сзади! Сзади! Оглянись! — пел в это время Дарзи.

Но Рикки-Тикки хорошо понимал, что пялить глаза уже некогда. Он подпрыгнул как можно выше и внизу под собой увидел шипящую голову Нагайны, злой жены Нага. Она подкралась сзади, покуда Наг разговаривал с ним, и хотела прикончить его. Она оттого и шипела, что Рикки ускользнул от неё. Подпрыгнувший Рикки бухнулся к ней прямо на спину, и будь он постарше, он знал бы, что теперь самое время прокусить её спину зубами: один укус — и готово! Но он боялся, как бы она не хлестнула его своим страшным хвостом. Впрочем, он куснул её, но не так сильно, как следовало, и тотчас же отскочил от извивов хвоста, оставив змею разъярённой и раненой.

— Гадкий, гадкий Дарзи! — сказал Наг и вытянулся вверх сколько мог, чтобы достать до гнезда, висевшего на терновом кусте.

Но Дарзи нарочно построил своё гнездо так высоко, чтобы змеи не достали до него, и гнездо только качнулось на ветке.

Рикки-Тикки чувствовал, что глаза у него становятся всё краснее и жарче, а когда глаза у мангуста краснеют, это значит — он очень сердит. Он сел на хвост и на задние лапы, как маленький кенгурёнок, и, поглядев во все стороны, затараторил от ярости. Но воевать было не с кем: Наг и Нагайна юркнули в траву и исчезли. Когда змее случится промахнуться, она не говорит ни единого

слова и не показывает, что она собирается делать. Рикки-Тикки даже не пытался преследовать врагов, так как не был уверен, может ли справиться с обоими сразу. Он побежал рысцой по направлению к дому, сел на песчаной тропинке и глубоко задумался. Да и было о чём.

Когда тебе случится читать старые книги о разных животных, ты прочтёшь, будто ужаленный змеёй мангуст тотчас же убегает прочь и съедает какую-то травку, которая будто бы лечит его от укуса. Это неверно. Победа мангуста над коброй — в быстроте его глаз и лап. У кобры — укус, у мангуста — прыжок.

И так как никакому глазу не уследить за движением змеиной головы, когда она хочет ужалить, этот прыжок мангуста чудеснее всякой волшебной травы.

Рикки-Тикки хорошо понимал, что он ещё молодой и неопытный. Оттого ему было так радостно думать, что он изловчился увильнуть от нападения сзади. Он почувствовал большое уважение к себе, и, когда по садовой дорожке подбежал к нему Тедди, он был не прочь позволить мальчугану, чтобы тот погладил его. Но как раз в ту минуту, когда Тедди нагнулся над ним, что-то мелькнуло, извиваясь, в пыли, и тоненький голосок произнёс: «Берегись! Я — Смерть!» Это была Карайт, пыльно-серая змейка, которая любит валяться в песке. Жало у неё такое же ядовитое, как у кобры, но оттого, что она маленькая, никто не замечает её, и таким образом она приносит людям ещё больше вреда.

Глаза у Рикки-Тикки опять стали красные, и он, приплясывая, подбежал к Карайт той особенной, неровной походкой враскачку, которую унаследовал от своих прародителей. Походка забавная, но очень удобная, потому что даёт вам возможность сделать прыжок под каким угодно углом. А когда имеешь дело со змеями, это важнее всего. Поединок с Карайт был ещё опаснее для Рикки, чем сражение с Нагом, потому что Карайт такая маленькая, такая юркая и ловкая змейка, что если только Рикки не вопьётся в неё сзади зубами чуть пониже го-

«Рикки-Тикки-Тави». *Худ. В. Курдов* (*фрагмент*)

ловы, Карайт непременно ужалит его либо в глаз, либо в губу.

Впрочем, Рикки этого не знал. Глаза у него совсем покраснели, он уже ни о чём не раздумывал — он шёл и раскачивался взад и вперёд, выискивая, куда ему лучше вонзиться зубами. Карайт налетела на него. Рикки отскочил вбок и хотел было её укусить, но проклятая пыльно-серая головка очутилась у самого его затылка, и, чтобы сбросить её со спины, ему пришлось перекувырнуться в воздухе. Она не отставала и мчалась за ним по пятам.

Тедди повернулся к дому и крикнул:

— Идите посмотрите: наш мангуст убивает змею!

И Рикки-Тикки услышал, как взвизгнула Теддина мать. Отец мальчика выбежал с палкой, но как раз в это время Карайт сделала неудачный рывок — дальше, чем нужно, — и Рикки-Тикки вскочил на неё и впился зубами чуть пониже её головы, а потом откатился прочь. Карайт сразу перестала шевелиться, и Рикки-Тикки уже приготовился съесть её, начиная с хвоста (таков обеденный обычай у мангустов), когда он вспомнил, что мангусты от сытной еды тяжелеют и что если он хочет сохранить свою ловкость и силу, он должен оставаться худым. Он отошёл прочь и стал кувыркаться в пыли под кустом клещевины, а Теддин отец набросился с палкой на мёртвую.

«К чему это? — думал Рикки. — Ведь я уже прикончил её».

И тут к Рикки-Тикки подбежала Теддина мать, подняла его прямо из пыли и стала крепко прижимать к себе, крича, что он спас её сына от смерти, а Тедди сделал большие глаза, и в его глазах был испуг. Суматоха понравилась Рикки, но из-за чего она произошла, он, конечно, не мог понять. За что они так ласкают его? Ведь для него драться со змеями то же самое, что для Тедди кувыркаться в пыли — одно удовольствие.

Когда сели обедать, Рикки-Тикки, гуляя по скатерти среди стаканов и рюмок, мог бы трижды набить себе брюхо самыми вкусными лакомствами, но он помнил о Наге и Нагайне, и хотя ему было очень приятно, что Теддина мать тискает и гладит его и что Тедди сажает его к себе на плечо, но глаза у него то и дело краснели, и он испускал свой воинственный клич: рикки-тикки-тикки-тикки-чк!

Тедди взял его к себе в постель. Мальчику непременно хотелось, чтобы Рикки спал у него под самым подбородком, на груди. Рикки был благовоспитанный мангуст и не мог ни укусить, ни оцарапать его, но чуть только Тедди заснул, он спустился с постели и пошёл путешествовать по дому.

«Рикки-Тикки-Тави». *Худ. В. Курдов*

В потёмках он наткнулся на мускусную крысу Чучундру, которая кралась поближе к стене.

У Чучундры разбитое сердце. Она хнычет и ноет всю ночь и всё хочет набраться храбрости, чтобы выбежать на середину комнаты. Но храбрости у неё никогда не хватает.

— Не губи меня, Рикки-Тикки! — закричала она и чуть не заплакала.

— Кто убивает змею, станет ли возиться с какой-то мускусной крысой! — презрительно ответил Рикки-Тикки.

— Убивающий змею от змеи и погибнет! — ещё печальнее сказала Чучундра. — И кто знает, не убьёт ли меня Наг по ошибке? Он подумает, что я — это ты...

— Ну, этого он никогда не подумает! — сказал Рикки-Тикки. — К тому же он в саду, а ты там никогда не бываешь.

— Моя двоюродная сестра, крыса Чуа, говорила мне... — начала Чучундра и смолкла.

— Что же она говорила?

— Тсс... Наг вездесущий — он всюду. Ты бы сам поговорил с моей сестрой в саду.

— Но я её не видел. Говори же! Да поскорее, Чучундра, а не то я тебя укушу.

Чучундра уселась на корточки и начала плакать. Плакала она долго, слёзы текли у неё по усам.

— Я такая несчастная! — рыдала она. — У меня никогда не хватало духу выбежать на середину комнаты. Тсс! Но разве ты не слышишь, Рикки-Тикки? Уж лучше мне не говорить ничего.

Рикки-Тикки прислушался. В доме была тишина, но ему показалось, что до него еле-еле доносится тихое, еле слышное ш-ш-ш, как будто по стеклу прошла оса. Это шуршала змеиная чешуя на кирпичном полу.

«Или Наг, или Нагайна! — решил он. — Кто-то из них ползёт по водосточному жёлобу в ванную...»

— Верно, Чучундра. Жаль, что я не потолковал с твоей Чуа.

Он прокрался в Теддину умывальную комнату, но там не оказалось никого. Оттуда он пробрался в умывальную комнату Теддиной матери. Там в оштукатуренной гладкой стене, у самого пола, был вынут кирпич для водосточного жёлоба, и когда Рикки пробирался по каменному краю того углубления, в которое вставлена ванна, он услыхал, как за стеной, в лунном сиянии, шепчутся Наг и Нагайна.

— Если в доме не станет людей, — говорила Нагайна мужу, — он тоже уйдёт оттуда, и сад опять будет наш. Иди же, не волнуйся и помни, что первым ты должен ужалить Большого Человека, который убил Карайт. А потом возвращайся ко мне, и мы вдвоём прикончим Рикки-Тикки.

— Но будет ли нам хоть малейшая польза, если мы убьём их?

— Ещё бы! Огромная. Когда дом стоял пустой, разве тут водились мангусты? Пока в доме никто не живёт, мы с тобою цари всего сада: ты царь, я царица. Не забудь: когда на дынной гряде вылупятся из яиц наши дети (а это может случиться и завтра), им будет нужен покой и уют.

— Об этом я и не подумал, — сказал Наг. — Хорошо, я иду. Но, кажется, нет никакого смысла вызывать на бой Рикки-Тикки. Я убью Большого Человека и его жену, а также, если мне удастся, его сына и уползу потихоньку. Тогда дом опустеет, и Рикки-Тикки сам уйдёт отсюда.

Рикки-Тикки весь дрожал от негодования и ярости.

В отверстие просунулась голова Нага, а за нею пять футов его холодного туловища. Рикки-Тикки хоть и был взбешён, но всё же пришёл в ужас, когда увидал, какая огромная эта кобра. Наг свернулся в кольцо, поднял голову и стал вглядываться в темноту ванной комнаты. Рикки-Тикки мог видеть, как мерцают его глаза.

«Если я убью его сейчас, — соображал Рикки-Тикки, — об этом немедленно узнает Нагайна. Драться же в открытом месте мне очень невыгодно: Наг может меня одолеть. Что мне делать?»

Наг раскачивался вправо и влево, а потом Рикки-Тикки услышал, как он пьёт воду из большого кувшина, который служил для наполнения ванны.

— Чудесно! — сказал Наг, утолив жажду. — У Большого Человека была палка, когда он выбежал, чтобы убить Карайт. Быть может, эта палка при нём и сейчас. Но когда нынче утром он придёт сюда умываться, он будет, конечно, без палки... Нагайна, ты слышишь меня?.. Я подожду его здесь, в холодке, до рассвета...

Нагу никто не ответил, и Рикки-Тикки понял, что Нагайна ушла. Наг обвился вокруг большого кувшина у самого пола и заснул. А Рикки-Тикки стоял тихо, как

смерть. Через час он начал подвигаться к кувшину — мускул за мускулом. Рикки всматривался в широкую спину Нага и думал, куда бы вонзиться зубами.

«Если я в первый же миг не перекушу ему шею, у него всё ещё хватит силы бороться со мной, а если он будет бороться — о Рикки!»

Он поглядел, какая толстая шея у Нага, — нет, ему с такой шеей не справиться. А укусить где-нибудь поближе к хвосту — только раззадорить врага.

«Остаётся голова! — решил он. — Голова над самым капюшоном. И уж если вцепиться в неё, так не выпускать ни за что».

Он сделал прыжок. Голова змеи лежала чуть-чуть на отлёте; прокусив её зубами, Рикки-Тикки мог упереться спиной в выступ глиняного кувшина и не дать голове подняться с земли. Таким образом он выигрывал только секунду, но этой секундой он отлично воспользовался. А потом его подхватило и брякнуло оземь, и стало мотать во все стороны, как крысу мотает собака, и вверх, и вниз, и большими кругами, но глаза у него были красные, и он не отстал от змеи, когда она молотила им по полу, расшвыривая в разные стороны жестяные ковшики, мыльницы, щётки, и била его о края металлической ванны.

Он сжимал челюсти всё крепче и крепче, потому что хоть и думал, что пришла его смерть, но решил встретить её, не разжимая зубов. Этого требовала честь его рода.

Голова у него кружилась, его тошнило, и он чувствовал себя так, будто весь был разбит на куски. Вдруг у него за спиной словно ударил гром, и горячий вихрь налетел на него и сбил его с ног, а красный огонь опалил ему шёрстку. Это Большой Человек, разбуженный шумом, прибежал с охотничьим ружьём, выстрелил сразу из обоих стволов и попал Нагу в то место, где кончается его капюшон. Рикки-Тикки лежал, не разжимая зубов, и глаза у него были закрыты, так как он считал себя мёртвым.

Но змеиная голова уже больше не двигалась. Большой Человек поднял Рикки с земли и сказал:

— Смотри, опять наш мангуст. В эту ночь, Элис, он спас от смерти нас — и тебя, и меня.

Тут вошла Теддина мать с очень белым лицом и увидела, что осталось от Нага. А Рикки-Тикки кое-как дотащился до Теддиной спальни и всю ночь только и делал, что встряхивался, как бы желая проверить, правда ли, что его тело разбито на сорок кусков, или это ему только так показалось в бою.

Когда пришло утро, он весь как бы закоченел, но был очень доволен своими подвигами.

«Теперь я должен прикончить Нагайну, а это труднее, чем справиться с дюжиной Нагов... А тут ещё эти яйца, о которых она говорила. Я даже не знаю, когда из них вылупятся змеёныши... Чёрт возьми! Пойду и потолкую с Дарзи».

Не дожидаясь завтрака, Рикки-Тикки со всех ног бросился к терновому кусту. Дарзи сидел в гнезде и что есть мочи распевал весёлую победную песню. Весь сад уже знал о гибели Нага, потому что уборщик швырнул его тело на свалку.

— Ах ты глупый пучок перьев! — сказал Рикки-Тикки сердито. — Разве теперь время для песен?

— Умер, умер, умер Наг! — заливался Дарзи. — Смелый Рикки-Тикки впился в него зубами! А Большой Человек принёс палку, которая делает бам, и перебил Нага надвое, надвое, надвое! Никогда уже Нагу не пожирать моих деток!

— Всё это так, — сказал Рикки-Тикки. — Но где же Нагайна? — И он внимательно огляделся вокруг. <...>

— Над мусорной кучей она у конюшни, рыдает о Наге она... Великий белозубый Рикки!..

— Оставь мои белые зубы в покое! Не знаешь ли ты, где она спрятала яйца?

— У самого края, на дынной гряде, под забором, где солнце весь день до заката... Много недель миновало с тех пор, как зарыла она эти яйца...

— И ты даже не подумал сказать мне об этом! Так под забором, у самого края?

— Рикки-Тикки не пойдёт же глотать эти яйца!

— Нет, не глотать, но... Дарзи, если у тебя осталась хоть капля ума, лети сейчас же к конюшне и сделай вид, что у тебя перебито крыло, и пусть Нагайна гонится за тобой до этого куста, понимаешь? Мне надо пробраться к дынной гряде, а если я пойду туда сейчас, она заметит.

Ум у Дарзи был птичий, в его крошечной головке никогда не вмещалось больше одной мысли сразу. И так как он знал, что дети Нагайны выводятся, как и его птенцы, из яиц, ему подумалось, что истреблять их не совсем благородно. Но его жена была умнее. Она знала, что каждое яйцо кобры — это та же кобра, и потому она тотчас же вылетела вон из гнезда, а Дарзи оставила дома: пусть греет малюток и горланит свои песни о гибели Нага. Дарзи был во многом похож на всякого другого мужчину.

Прилетев на мусорную кучу, она стала егозить в двух шагах от Нагайны и при этом громко кричала:

— Ой, у меня перебито крыло! Мальчишка, живущий в доме, бросил в меня камнем и перебил мне крыло!

И она ещё отчаяннее захлопала крыльями. Нагайна подняла голову и зашипела:

— Это ты дала знать Рикки-Тикки, что я хочу ужалить его? Плохое же ты выбрала место хромать!

И она скользнула по пыльной земле к жене Дарзи.

— Мальчишка перебил его камнем! — продолжала кричать жена Дарзи.

— Ладно, может быть, тебе будет приятно узнать, что, когда ты умрёшь, я разделаюсь с этим мальчишкой по-своему. Сегодня с самого рассвета мой муж лежит на этой мусорной куче, но ещё до заката мальчишка, живущий в доме, тоже будет лежать очень тихо... Но куда же ты? Не думаешь ли ты убежать? Всё равно от меня не уйдёшь. Глупая, погляди на меня!

Но жена Дарзи хорошо знала, что этого-то ей и не следует делать, потому что стоит только какой-нибудь птице глянуть змее в глаза, как на птицу с перепугу нападает столбняк и она не может шевельнуться. Жена Дарзи рванулась прочь, жалобно попискивая и беспомощно хлопая крыльями. Над землёй она не вспорхнула ни разу, а Нагайна мчалась за ней всё быстрее.

Рикки-Тикки услышал, что они бегут от конюшни по садовой дорожке, и кинулся к дынной гряде, к тому краю, что у самого забора. Там, в разопрелой земле, покрывающей дыни, он отыскал двадцать пять змеиных яиц, очень искусно припрятанных, — каждое такой величины, как яйцо бантамки[1], только вместо скорлупы они покрыты белёсой кожурой.

— Ещё день, и было бы поздно! — сказал Рикки-Тикки, так как он увидел, что внутри кожуры лежали, свернувшись, крошечные кобры.

Он знал, что с той самой минуты, как они вылупятся из яйца, каждая может убить человека и мангуста. Он принялся быстро-быстро надкусывать верхушки яиц, прихватывая при этом головки змеёнышей, и в то же время не забывал раскапывать гряду то там, то здесь, чтобы не пропустить какого-нибудь яйца незамеченным.

Осталось всего три яйца, и Рикки-Тикки начал уже хихикать от радости, когда жена Дарзи закричала ему:

— Рикки-Тикки, я заманила Нагайну к дому, и Нагайна поползла на веранду! О, скорее, скорее! Она замышляет убийство!

Рикки-Тикки надкусил ещё два яйца, а третье взял в зубы и помчался к веранде.

Тедди, его мать и отец сидели на веранде за завтраком. Но Рикки-Тикки заметил, что они ничего не едят. Они сидели неподвижно, как каменные, и лица у них были белые. А на циновке у самого Теддиного стула извивалась кольцами Нагайна. Она подползла так близко, что

[1] *Бантáмка* — курица мелкой породы.

могла во всякое время ужалить голую ногу Тедди. Раскачиваясь в разные стороны, она пела победную песню.

— Сын Большого Человека, убившего Нага, — шипела она, — подожди немного, сиди и не двигайся. Я ещё не готова. И вы все трое сидите потише. Если вы шевельнётесь, я ужалю его. Если вы не шевельнётесь, я тоже ужалю. О глупые люди, убившие Нага.

Тедди, не отрываясь, впился глазами в отца, а отец только и мог прошептать:

— Сиди и не двигайся, Тедди. Сиди и не двигайся!

Тут подбежал Рикки-Тикки и крикнул:

— Повернись ко мне, Нагайна, повернись и давай сражаться!

— Всё в своё время! — отвечала она, не глядя на Рикки-Тикки. — С тобой я расквитаюсь потом. А покуда погляди на своих милых друзей. Как они притихли и какие у них белые лица. Они испугались, они не смеют шелохнуться. И если ты сделаешь хоть один шаг, я ужалю.

— Погляди на своих змеёнышей, — сказал Рикки-Тикки, — там, у забора, на дынной гряде. Ступай и погляди, что сталось с ними.

Змея глянула вбок и увидела на веранде яйцо.

— О! Дай его мне! — закричала она.

Рикки-Тикки положил яйцо между передними лапами, и глаза у него стали красные, как кровь.

— А какой выкуп за змеиное яйцо? За маленькую кобру? За кобру-царевну? За самую, самую последнюю в роде? Остальных уже пожирают на дынной гряде муравьи.

Нагайна повернулась к Рикки-Тикки. Яйцо заставило её позабыть обо всём, и Рикки-Тикки видел, как Теддин отец протянул большую руку, схватил Тедди за плечо и протащил его по столу, уставленному чайными чашками, в такое место, где змея не достанет его.

— Обманул! Обманул! Обманул! Рикк-чк-чк! — дразнил её Рикки-Тикки. — Мальчик остался цел, — а я, я,

я нынче ночью схватил твоего Нага за шиворот... там, в ванной комнате... да!

Тут он начал прыгать вверх и вниз всеми четырьмя лапами сразу, сложив их в один пучок и прижимаясь головой к полу.

— Наг размахивал мной во все стороны, но не мог стряхнуть меня прочь! Он уже был неживой, когда Большой Человек расшиб его палкою надвое. Убил его я, Рикки-Тикки-чк-чк! Выходи же, Нагайна! Выходи и сразись со мною. Тебе недолго оставаться вдовой!

Нагайна увидела, что Тедди ей уже не убить, а яйцо лежит у Рикки-Тикки между лапами.

— Отдай мне яйцо, Рикки-Тикки! Отдай мне моё последнее яйцо, и я уйду и не вернусь никогда, — сказала она, опуская свой капюшон.

— Да, ты уйдёшь и никогда не вернёшься, Нагайна, потому что тебе скоро лежать рядом с твоим Нагом на мусорной куче. Скорее же сражайся со мною! Большой Человек уже пошёл за ружьём. Сражайся же со мною, Нагайна!

Рикки-Тикки егозил вокруг Нагайны на таком расстоянии, чтобы она не могла его тронуть, и его маленькие глазки были как раскалённые угли.

Нагайна свернулась в клубок и что есть силы налетела на него. А он отскочил вверх — и назад. Снова, и снова, и снова повторялись её нападения, и всякий раз её голова хлопала с размаху о циновку, и она снова свёртывалась, как часовая пружина. Рикки-Тикки плясал по кругу, желая обойти её сзади, но Нагайна всякий раз поворачивалась, чтобы встретить его лицом к лицу, и оттого её хвост шуршал на циновке, как сухие листья, гонимые ветром.

Он и забыл про яйцо. Оно всё ещё лежало на веранде, и Нагайна подкрадывалась к нему ближе и ближе. И наконец, когда Рикки остановился, чтобы перевести дух, она подхватила яйцо и, скользнув со ступеней веранды, понеслась, как стрела, по дорожке. Рикки-Тикки — за

нею. Когда кобра убегает от смерти, она делает такие извивы, как хлыст, которым стегают лошадиную шею.

Рикки-Тикки знал, что он должен настигнуть её, иначе все тревоги начнутся опять. Она неслась к терновнику, чтобы юркнуть в густую траву, и Рикки-Тикки, пробегая, услышал, что Дарзи всё ещё распевает свою глупую победную песню. Но жена Дарзи была умнее его. Она вылетела из гнезда и захлопала крыльями над головой Нагайны. Если бы Дарзи прилетел ей на помощь, они, может быть, заставили бы кобру свернуть. Теперь же Нагайна только чуть-чуть опустила свой капюшон и продолжала ползти напрямик. Но эта лёгкая заминка приблизила к ней Рикки-Тикки. Когда она шмыгнула в нору, где жили она и Наг, белые зубы Рикки вцепились ей в хвост, и Рикки протиснулся туда вслед за нею, а, право, не всякий мангуст, даже самый умный и старый, решится последовать за коброй в нору. В норе было темно, и Рикки-Тикки не мог угадать, где она расширится настолько, что Нагайна повернётся и ужалит его. Поэтому он яростно впился в её хвост и, действуя лапками, как тормозами, изо всех сил упирался в покатую, мокрую, тёплую землю.

Вскоре трава перестала качаться у входа в нору, и Дарзи сказал:

— Пропал Рикки-Тикки! Мы должны спеть ему похоронную песню. Бесстрашный Рикки-Тикки погиб. Нагайна убьёт его в своём подземелье, в этом нет сомнения.

И он запел очень печальную песню, которую сочинил в тот же миг, но едва он дошёл до самого грустного места, трава над норой зашевелилась опять, и оттуда, весь покрытый грязью, выкарабкался, облизывая усы, Рикки-Тикки. Дарзи вскрикнул негромко и прекратил свою песню.

Рикки-Тикки стряхнул с себя пыль и чихнул.

— Всё кончено, — сказал он. — Вдова никогда уже не выйдет оттуда.

И красные муравьи, что живут между стеблями трав, немедленно стали спускаться в нору друг за другом, чтобы разведать, правду ли он говорит.

Рикки-Тикки свернулся клубком и тут же, в траве, не сходя с места, заснул — и спал, и спал, и спал до самого вечера, потому что нелегка была его работа в тот день.

А когда он пробудился от сна, он сказал:

— Теперь я пойду домой. Ты, Дарзи, сообщи кузнецу, а он сообщит всему саду, что Нагайна уже умерла.

Кузнец — это птица. Звуки, которые она производит, совсем как удары молоточка по медному тазу. Это потому, что она служит глашатаем в каждом индийском саду и сообщает новости всякому, кто желает слушать её.

Идя по садовой дорожке, Рикки-Тикки услыхал её первую трель, как удары в крошечный обеденный гонг. Это значило: «Молчите и слушайте!» А потом громко и твёрдо:

— Динг-донг-ток! Наг умер! Донг! Нагайна умерла! Динг-донг-ток!

И тотчас же все птицы в саду запели и все лягушки заквакали, потому что Наг и Нагайна пожирали и птиц, и лягушек.

Когда Рикки приблизился к дому, Тедди, и Теддина мать (она всё ещё была очень бледна), и Теддин отец бросились ему навстречу и чуть не заплакали. На этот раз он наелся как следует, а когда настало время спать, он уселся на Теддино плечо и отправился в постель вместе с мальчиком. Там увидела его Теддина мать, придя проведать сына поздно вечером.

— Это наш спаситель, — сказала она мужу. — Подумай только: он спас и Тедди, и тебя, и меня.

Рикки-Тикки тотчас же проснулся и даже подпрыгнул, потому что сон у мангустов очень чуткий.

— А, это вы! — сказал он. — Чего же вам ещё беспокоиться: ни одной кобры не осталось в живых, а если бы они и остались — ведь я тут.

Рикки-Тикки имел право гордиться собою. Но всё же он не слишком заважничал и, как истый мангуст, охранял этот сад и зубом, и когтем, и прыжком, и наскоком, так что ни одна кобра не смела сунуться сюда через ограду. <...>

«Рикки-Тикки-Тави». *Худ. В. Курдов*

Размышляем о прочитанном

1. Понравилась ли вам сказка о храбром мангусте? Что в ней показалась вам необычным?
2. Как Рикки-Тикки-Тави оказался в доме Большого Человека?
3. Какие приключения произошли с мангустом во время его знакомства с домом?
4. Что узнал Рикки-Тикки-Тави, знакомясь с обитателями сада?

5. Какие животные, живущие в доме и в саду, стали помощниками Рикки-Тикки-Тави? Расскажите о них, об их привычках и особенностях характера.
6. Расскажите о первой встрече Рикки-Тикки-Тави с семейством очковых змей.
7. Как складывались отношения Рикки-Тикки-Тави с членами семьи Большого Человека?
8. Что задумали змеи для того, чтобы стать «царями всего сада»?
9. Почему мангуст не напал на Нага сразу, как только змей пробрался в ванную комнату?
10. Как Рикки-Тикки-Тави спас семью Большого Человека от Нагайны?
11. Какие извивы делает кобра, когда убегает от смерти? Попробуйте нарисовать убегающую кобру.
12. Почему Рикки-Тикки-Тави был невысокого мнения об уме Дарзи? Согласны ли вы с мангустом? Подтвердите своё отношение к птице цитатами из текста сказки.
13. Почему Рикки-Тикки-Тави имел право гордиться собой?
14. Вспомните русские народные сказки о животных. Отличаются ли персонажи сказок Р. Киплинга от героев русских народных сказок?

Творческое задание

Перескажите содержание сказки от лица одного из её персонажей: Большого Человека, его жены, Тедди, жены Дарзи (на выбор). В пересказе постарайтесь передать чувства героев, пережитые во время описанных событий.

Обогащаем свою речь

Найдите в толковых словарях или в ресурсах Интернета определения слов: *мангуст*, *мускусная крыса*, *очковая змея*, *кобра*, *птица-портной* (краснолобая портниха). Подготовьте краткую информацию о животных, ставших персонажами сказки Р. Киплинга.

СПРАВОЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ МЕСТА РОССИИ

Краткие сведения о некоторых литературных местах, связанных с именами русских писателей XX века

Константин Георгиевич Паустовский

Город Тару́са

(*Калужская область*)

В Тарусе Паустовский жил с 1954 года и провёл там тринадцать последних лет своей жизни. Здесь им были написаны повести «Время больших ожиданий», «Бросок на юг», главы из «Золотой розы», множество новелл и статей: «Наедине с осенью», «Уснувший мальчик», «Лавровый венок», «Избушка в лесу», «Городок на реке» и др.

30 мая 1967 года К. Г. Паустовскому было присвоено звание «Почётный гражданин города Тарусы».

Похоронен писатель на местном кладбище на окраине города над обрывистым берегом реки Таруски.

В Тарусе с 1991 года в день рождения К. Г. Паустовского — 31 мая — проводятся праздники. На праздники приезжают

Дом-музей К. Г. Паустовского в городе Тарусе

писатели, поэты, журналисты, музыканты, российские и зарубежные исследователи творчества писателя.

В июне 2012 года в доме писателя в Тарусе был создан музей. Этот музей является филиалом Московского литературного музея-центра К. Г. Паустовского. Сайт музея: http://gotourl.ru/12122

Виктор Петрович Астафьев
Деревня Овсянка
(*Красноярский край*)

Овсянка — родина выдающегося русского писателя В. П. Астафьева. Рано оставшийся без матери мальчик воспитывался в семье деда и бабушки. Образ бабушки Катерины Ивановны — один из самых ярких и светлых во всём литературном наследии писателя (рассказы «Конь с розовой гривой», «Фотография, на которой меня нет» и др.). Воспоминания детства легли в основу многих произведений писателя.

В последние годы жизни В. П. Астафьев вновь вернулся в Овсянку. Здесь ему особенно хорошо писалось. В Овсянке, благодаря заботе и настойчивости писателя, была построена одна из лучших в крае сельских библиотек.

Многие любители русской литературы едут в Овсянку, чтобы отдать дань уважения писателю. Виртуальный тур по Мемориальному комплексу В. П. Астафьева http://gotourl.ru/12123

Дом В. П. Астафьева в деревне Овсянке

Автобиогра́фия (*гр.* autos — сам, bios — жизнь, grapho — пишу) — литературно-прозаический жанр, описание автором собственной жизни. Литературная автобиография — попытка вернуться в собственное детство, юность, воскресить и осмыслить наиболее значительные отрезки жизни и жизнь как единое целое.

Аллего́рия (*гр.* allēgoria — иносказание) — иносказательное изображение предмета, явления с целью наиболее наглядно показать его существенные черты.

Амфибра́хий (*гр.* amphi — кругом, brachys — краткий) — трёхсложный размер стиха с ударением на втором слоге (— ⏑ ́ —).

Ана́лиз произведения в литературоведении (*гр.* analysis — разложение, расчленение) — исследовательское прочтение художественного текста.

Ана́пест (*гр.* anápaistos — отражённый назад, обратный дактилю) — трёхсложный размер стиха с ударением на третьем слоге (— — ⏑ ́).

Аннота́ция — краткое изложение книги, рукописи, статьи.

Антите́за (*гр.* antithesis — противоположение) — противопоставление образов, картин, слов, понятий.

Архаизм (*гр.* archâios — древний) — устаревшее слово или словосочетание, грамматическая или синтаксическая форма.

Афори́зм (*гр.* aphorismos — изречение) — лаконичное и отточенное по форме краткое изречение, выражающее оригинальную мысль, как правило, литературного происхождения. Афоризм сродни пословице, но в отличие от неё принадлежит определённому лицу (писателю, учёному и т. д.), а также близок к крылатым словам (см. *Крылатые слова*).

Балла́да (*прованс.* ballar — плясать) — стихотворение, в основе которого чаще всего лежит историческое событие, предание с острым, напряжённым сюжетом.

Ба́сня — краткий нравоучительный стихотворный или прозаический рассказ, в котором есть аллегория, иносказание.

Действующими лицами в басне чаще всего выступают животные, растения, вещи, в которых проявляются, угадываются человеческие качества и взаимоотношения. (Басни Эзопа, Лафонтена, А. Сумарокова, И. Дмитриева, И. Крылова, пародические басни Козьмы Пруткова, С. Михалкова и др.)

Би́блия (*гр.* biblia — букв.: книги) — собрание древних текстов религиозного содержания.

Были́на — жанр русского фольклора, героико-патриотическая песня о богатырях и исторических событиях.

Герой литературного произведения, литературный герой — действующее лицо, персонаж литературного произведения.

Гипе́рбола (*гр.* huperbolē — преувеличение) — чрезмерное преувеличение свойств изображаемого предмета. Вводится в ткань произведения для большей выразительности, характерна для фольклора и жанра сатиры (Н. Гоголь, М. Салтыков-Щедрин, В. Маяковский).

Гроте́ск (*фр.* grotesque, *ит.* grottesco — причудливый, от grotta — грот) — предельное преувеличение, основанное на фантастике, на причудливом сочетании фантастического и реального.

Да́ктиль (*гр.* dactylos — палец) — трёхсложный размер стиха с ударением на первом слоге (´ — —).

Двусло́жные размеры — ямб (— ´), хорей (´ —).

Дета́ль (*фр.* detail — подробность) — выразительная подробность в произведении. Деталь помогает читателю, зрителю острее и глубже представить время, место действия, внешний облик персонажа, характер его мыслей, почувствовать и понять авторское отношение к изображаемому.

Диало́г (*гр.* dialogos — разговор, беседа) — разговор двух или нескольких лиц. Диалог — основная форма раскрытия человеческих характеров в драматургических произведениях (пьесах, киносценариях).

Драма (*др.-гр.* drama — деяние, действие) — один из трёх родов литературы, наряду с эпосом и лирикой принадлежит одновременно двум видам искусства: литературе и театру.

Драматические произведения предназначены для постановки на сцене и изображают действия, в которых участвуют герои.

Жанр (*фр.* genre — род, вид) — вид художественного произведения, например басня, лирическое стихотворение, повесть.

Завя́зка — один из элементов сюжета; событие, знаменующее начало развития действия в эпических и драматических произведениях.

Иде́я (*гр.* idea — идея) — основная мысль художественного произведения.

Инве́рсия (*лат.* inversio — перестановка) — необычный порядок слов. Инверсия придаёт фразе особую выразительность.

Интерпрета́ция (*лат.* interpretatio — объяснение) — истолкование литературного произведения, постижение его смысла, идеи.

Интона́ция (*лат.* intonare — громко произношу) — выразительное средство звучащей речи. Интонация даёт возможность передать отношение говорящего к тому, что он говорит.

Ирóния (*гр.* eironeia — притворство, насмешка) — один из видов комического (юмор, ирония, сатира, сарказм); стилистический приём сатиры: тонкая насмешка, прикрытая учтивостью.

Комедия (*гр.* kōmos — праздник в честь Диониса и aoide — песня) — драматическое произведение, средствами сатиры и юмора высмеивающее пороки общества и человека.

Компози́ция (*лат.* compositio — составление, соединение) — расположение, т. е. построение, произведения.

Крыла́тые слова — широкоупотребительные меткие образные выражения, большей частью устного, неиндивидуального происхождения.

Кульмина́ция (*лат.* culmen (culminis) — вершина) — один из элементов сюжета; момент наивысшего напряжения в художественном произведении.

Леге́нда (*лат.* legenda — букв.: то, что следует прочесть) — произведения, созданные народной фантазией, где сочетается реальное и фантастическое.

Ле́топись — памятники исторической прозы Древней Руси, один из основных жанров древнерусской литературы.

Ли́рика — один из основных родов литературы. Лирические произведения передают эмоциональное состояние человека, его личные чувства, мысли, переживания. К лирическим произведениям относятся стихотворение, романс, послание, элегия и др.

Мета́фора (*гр.* metaphora — перенос) — переносное значение слова, основанное на сходстве или противопоставлении одного предмета или явления другому.

Моноло́г (*гр.* monos — один и logos — речь, слово) — речь одного человека в художественном произведении.

Неологи́змы (*гр.* neos — новый и logos — слово) — слова или словосочетания, созданные для обозначения нового предмета или явления, или индивидуальные новообразования слов.

О́да (*гр.* ōdē — песня) — торжественное стихотворение, посвящённое какому-то историческому событию или герою.

Олицетворе́ние — перенесение человеческих черт на неодушевлённые предметы и явления.

Описа́ние — вид повествования, в котором изображается картина (портрет героя, пейзаж, вид комнаты — интерьер и пр.).

Пейза́ж (*фр.* paysage, от pays — местность) — картина природы в художественном произведении.

По́весть — один из видов эпического произведения. Повесть больше по объёму и по охвату жизненных явлений, чем рассказ, и меньше, чем роман.

Подте́кст — подспудный, неявный смысл, не совпадающий с прямым смыслом текста.

Портре́т (*фр.* portrait — изображение) — изображение внешности героя в произведении.

Посло́вица — краткое, крылатое, образное народное изречение, имеющее поучительный смысл.

Поэ́ма (*гр.* poiēma — творение) — один из видов лироэпических произведений, для которых характерны сюжетность, событийность и выражение автором или лирическим героем своих чувств.

Преда́ние — жанр фольклора, устный рассказ, который содержит сведения, передающиеся из поколения в поколение, об исторических лицах, событиях прошлых лет.

При́тча — небольшой рассказ, иносказание, в котором заключено религиозное или моральное поучение.

Про́за (*лат.* proza) — литературное нестихотворное произведение.

Псевдони́м (*гр.* pseudos — вымысел, ложь и onyma — имя) — вымышленное имя, которое автор использует вместо настоящего.

Развя́зка — один из элементов сюжета, заключительный момент в развитии действия в художественном произведении.

Расска́з — небольшое эпическое произведение, повествующее об одном или нескольких событиях в жизни человека.

Рема́рка (*фр.* remarque) — 1) замечание автора текста (книги, рукописи, письма), уточняющее или дополняющее какие-либо детали; 2) в драматургии, театре — пояснение, указание драматурга для читателя, постановщика и актёра в тексте пьесы.

Ритм (*гр.* rhythmos — такт, соразмерность) — повторение каких-либо однозначных явлений через равные промежутки времени (например, чередование ударных и безударных слогов в стихе).

Ри́фма (*гр.* rhythmos — соразмерность) — созвучие концовок стихотворных строк.

Сати́ра (*лат.* satira — букв.: смесь, всякая всячина) — беспощадное, уничтожающее осмеяние, критика действительности, человека, явления.

Ска́з — жанр эпоса, опирающийся на народные предания и легенды. Повествование ведётся от лица рассказчика, человека с особым характером и складом речи.

Ска́зка — произведение устного народного творчества, занимательный рассказ о необыкновенных, часто фантастических событиях и приключениях. Сказки бывают трёх видов. Наиболее древние сказки о животных и волшебные. Гораздо позже появились бытовые сказки, в которых часто осмеивались людские пороки и описывались занятные, иногда необычные жизненные ситуации.

Сравне́ние — изображение одного явления с помощью сопоставления его с другим.

Стихотворе́ние — написанное стихами произведение, преимущественно небольшого объёма, часто лирическое, выражающее душевные переживания.

Строфа́ (*гр.* strophē — поворот) — группа стихов (строк), составляющих единство. Стихи в строфе связаны определённым расположением рифм.

Сюже́т (*фр.* sujet — предмет, содержание, событие) — ряд событий, описанных в художественном произведении, положенных в его основу.

Те́ма (*гр.* thema) — круг жизненных явлений, изображённых в произведении; круг событий, образующих жизненную основу произведения.

Траге́дия (*гр.* tragodia — букв.: козлиная песнь) — вид драмы, противоположный комедии, произведение, изображающее борьбу, личную или общественную катастрофу, обычно оканчивающуюся гибелью героя.

Трёхсло́жные стихотворные размеры — дактиль (́ — —), амфибрахий (— ́ —), анапест (— — ́).

Устное народное творчество, или *фолькло́р*, — искусство устного слова, создаваемое народом и бытующее в широких массах. Наиболее распространённые виды фольклора — пословица, поговорка, сказка, песня, загадка, былина.

Фанта́стика (*гр.* phantastikē — способность воображать) — разновидность художественной литературы, в которой ав-

торский вымысел простирается до создания вымышленного, нереального, «чудесного» мира.

Хоре́й (*гр.* choreios, от choros — хор) — двусложный размер стиха с ударением на первом слоге (— —).

Цита́та — дословная выдержка из какого-либо текста или дословно приводимые чьи-то слова.

Эпи́граф (*гр.* epigraphē — надпись) — короткий текст, помещаемый автором перед текстом сочинения и выражающий тему, идею, настроение произведения.

Эпи́тет (*гр.* epitheton — букв.: приложенное) — образное определение предмета, выраженное преимущественно прилагательным.

Ю́мор (*англ.* humour — нрав, настроение) — изображение героев в смешном виде. Юмор — смех весёлый и доброжелательный.

Ямб (*гр.* iambos) — двусложный размер с ударением на втором слоге (— —).

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРА XIX—XX ВЕКОВ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ О ПРИРОДЕ И ЖИВОТНЫХ

Л. Н. Андреев 3
В творческой лаборатории Леонида Андреева 3
«Кусака» 5

К. Г. Паустовский 14
«Тёплый хлеб» ..... —
«Заячьи лапы» 24

А. П. Платонов 32
«Никита» 33

В. П. Астафьев 43
Судьба рассказа «Васюткино озеро» 44
«Васюткино озеро» ..... —

ЛИТЕРАТУРА XX—XXI ВЕКОВ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА ТЕМУ «ЧЕЛОВЕК НА ВОЙНЕ»

Поэты о Великой Отечественной войне (1941—1945) 74

А. Т. Твардовский 75
«Рассказ танкиста» ..... —

К. М. Симонов 79
«Майор привёз мальчишку на лафете...» ..... —

В. П. Катаев 81
«Сын полка» (*фрагменты из повести*) 82

Е. И. Носов 101
«Живое пламя» 102

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ XIX–XXI ВЕКОВ НА ТЕМУ ДЕТСТВА

В. Г. Короленко 106
«В дурном обществе» 107

Ф. А. Искандер 144
«Тринадцатый подвиг Геракла» 145

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО ЖАНРА ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

Ю. И. Коваль 162
«Приключения Васи Куролесова» 163

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Расул Гамзатов 172
«Журавли» 173

Мустай Карим 175
«Эту песню мать мне пела...» 176

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Х. К. Андерсен 178
«Снежная королева» 179
Мастер снов и сказок 212

ЗАРУБЕЖНАЯ СКАЗОЧНАЯ ПРОЗА

Льюис Кэрролл 214
«Сквозь зеркало и что там увидела Алиса, или Алиса в Зазеркалье» (*отрывок из повести*). *Перевод Н. М. Демуровой* 217

ЗАРУБЕЖНАЯ ПРОЗА О ДЕТЯХ И ПОДРОСТКАХ

Марк Твен 230
«Приключения Тома Сойера» (*отрывок из романа*). *Перевод К. И. Чуковского* 231

Дж. Лондон 248
«Сказание о Кише».
Перевод Н. К. Георгиевской 249

ЗАРУБЕЖНАЯ ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКАЯ ПРОЗА

Р. Л. Стивенсон 260
«Остров сокровищ» (*главы из романа*).
Перевод Н. К. Чуковского 261

ЗАРУБЕЖНАЯ ПРОЗА О ЖИВОТНЫХ

Э. Сетон-Томпсон 275
«Арно» (*в сокращении*).
Перевод Н. К. Чуковского 276

Р. Киплинг 284
«Рикки-Тикки-Тави» (*в сокращении*).
Перевод К. И. Чуковского 285

СПРАВОЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Литературные места России 306
Краткие сведения о некоторых литературных местах, связанных с именами русских писателей XX века ..... —
К. Г. Паустовский. *Город Таруса* ..... —
В. П. Астафьев. *Деревня Овсянка* 307

Краткий словарь литературоведческих терминов 308

Список заимствованных иллюстраций

Алфеевский В. С. Илл. к сказке Х. К. Андерсена «Снежная королева» // Андерсен Г. Х. Снежная королева. — М.: Детгиз, 1956. — С. 7, 41.

Гринштейн И. Х. Илл. к повести В. П. Катаева «Сын полка» // Катаев В. П. Сын полка. — М.: Дет. лит., 2010. — 234 с.: ил. — (Школьная библиотека). — С. 115.

Ильинский И. А. Илл. К роману Р. Л. Стивенсона «Остров сокровищ» // Майн Рид Т. Всадник без головы. Роман / Пер. с англ. А. М. Макаровой; Р. Л. Стивенсон. Остров сокровищ. Роман / Пер. с англ. Н. К. Чуковского. Предисл. М. В. Урнова и Д. М. Урнова. Оформл. и рис. И. А. Ильинского. — М.: Дет. лит., 1978. — Т. 39 — С. 513. — (Библиотека мировой литературы для детей).

Капустина Т. П. Илл. к рассказу К. Г. Паустовского «Тёплый хлеб» // Паустовский К. Г. Тёплый хлеб. — Л.: Художник РСФСР, 1987. — Илл. 14.

Куприянов В. А. Илл. к рассказу А. П. Платонова «Никита» // Платонов А. П. Июльская гроза. — Л.: Дет. лит., 1972. — С. 23.

Курдов В. И. Илл. к сказке Р. Киплинга «Рикки-Тикки-Тави» // Киплинг Редьярд. Сказки. — Л.: Дет. лит., 1980. — С. 123, 135, 157.

Мешков Е. А. Илл. к рассказу В. П. Астафьева «Васюткино озеро» // Астафьев В. П. Конь с розовой гривой. — М.: Дет. лит., 2002. — С. 11.

Устинов Н. А. Илл. к рассказу К. Г. Паустовского «Заячьи лапы» // Паустовский К. Г. Заячьи лапы. — М.: Малыш, 1979. — С. 11.

Фитингоф Г. П. Илл. к повести В. Г. Короленко «Дети подземелья» // Короленко В. Г. Дети подземелья. — Л.: Дет. лит., 1969. — С. 17, 25, 54.

Цигаль С. В. Илл. к рассказу Дж. Лондона «Сказание о Кише» // Лондон Дж. Сказание о Кише: Рассказы / Пер. с англ. М. П. Богословской. — М.: Дет. лит., 1976. — С. 5.

Юдин В. В. Илл. к рассказу «Тринадцатый подвиг Геракла» // Искандер Ф. Первое дело. Рассказы и повесть. — М.: Дет. лит., 1978. — С. 27.

При подготовке данного издания использованы иллюстративные материалы:

© Юрий Кавер, © В. Малышев / «РИА Новости»; © И. Виноградов /«РИА Новости» / Россия сегодня; © Александр Циликин / Фотобанк Лори; © Shevchenko Andrey / Kharbine-Tarabor / © Shutterstock; © Наталья Логинова / Фотобанк Picvario; Ю. М. Непринцев. Вот солдаты идут. Приморская краевая картинная галерея / © Павел Балабанов /© «РИА Новости» / Россия сегодня; Дж. Тенниел. Алиса и Белый Рыцарь / Kharbine-Tapabor / © Shutterstock / © ФОТОДОМ; В. Брем. Приключения Тома Сойера / © Mary Evans Picture Library / © Легион Медиа; © Ian Dagnall Computing / © Mary Evans Picture Library / © Легион Медиа

Учебное издание

Коровина Вера Яновна
Журавлев Виктор Петрович
Коровин Валентин Иванович

ЛИТЕРАТУРА

5 класс

Учебник

В двух частях
Часть 2

Центр литературы
Ответственный за выпуск *Т. Ю. Зотова*
Редакторы *Е. И. Правоторова, Ю. М. Надреева, Т. Ю. Зотова*
Художник *Ю. В. Христич*
Художественный редактор *Е. В. Дьячкова*
Компьютерная вёрстка и техническое редактирование
А. Г. Хуторовской, О. А. Карповой
Корректоры *Р. В. Низяева, Д. А. Белитов*

Подписано в печать 28.10.2022. Формат 70×90/16. Гарнитура Школьная.
Усл. печ. л. 23,4. Уч.-изд. л. 13,16. Тираж экз. Заказ № .

Акционерное общество «Издательство «Просвещение».
Российская Федерация, 127473, г. Москва, ул. Краснопролетарская, д. 16,
стр. 3, этаж 4, помещение I.

Адрес электронной почты «Горячей линии» — **vopros@prosv.ru.**